

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

КАЛМЫКИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВСЕНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ ФРОНТУ

К.Н. Максимов

В статье рассматриваются вопросы мобилизации материальных и людских ресурсов Калмыкии в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание обращено на мобилизацию военнообязанных и призывников республики, а также на обеспечение Красной Армии техникой, лошадьми, активное участие населения в сборе теплых вещей, денежных средств, продуктов питания, в строительстве оборонительных сооружений.

Ключевые слова: *всенародная помощь, материальные ресурсы, призывники, военнообязанные, Красная Армия, тыл.*

The article is devoted to questions of mobilization of material and manpower resources in the period of the Great Patriotic war. The special attention is turned on mobilization of militarists and recruits of republic, and also on provision of the Red Army with technics, horses, active participation of the population in gathering warm things, money resources, food stuffs, in construction of defensive works.

Keywords: *the nation-wide help, material resources, recruits, militarists, Red Army, rear.*

В первый же день начала Великой Отечественной войны, после правительственного сообщения о вероломном нападении фашистской Германии и выступления по радио заместителя председателя СНК СССР, наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова, жители республики всех возрастов, не дожидаясь указаний, приглашений, потянулись к военкоматам, зданиям правлений колхозов, дирекций МТС, совхозов, государственных и партийных органов сел и города Элисты. Всех их объединяли чувство тревоги, беспокойство, решимость выступить на защиту Родины, родной земли, готовность отдать все ради разгрома врага.

В срочном порядке в республике организовано стала проводиться мобилизация военнообязанных и призывников, добровольцев, сандружинниц. К концу 1941 г. из Калмыцкой АССР были направлены в действующую армию 13 778 человек, в том числе 143 медицинских работника (47 врачей и 96 медсестер), более 2 тыс. добровольцев. Вместе с военнослужащими, призванными на действительную военную службу в 1938 - 1940 гг., на фронтах Великой Отечественной войны находились 18 210 уроженцев республики. В это число входили мобилизованные солдаты в формируемые 111-ю и 110-ю кавалерийские дивизии.

В первые месяцы войны, не считая формируемой дивизии, Калмыкия поставила из фонда «Лошадь – Красной Армии» подготовленные 2 226 лошадей (или 8,4 % всех поставленных лошадей из народного хозяйства страны) и дополнительно на нужды обороны страны 7 043 лошади (3 482 верховые, 464 артиллерийские, 3 097 обозных), 700 седел, 373 уздечки, а также 668 автомашин, 98 гусеничных тракторов, 6 мотоциклов. Помимо того,

население и местные советы в фонд обороны сдали 20 тыс. голов скота, 2 тыс. лошадей, 8 050 ц мяса, 13 800 ц зерна [1, с. 23; НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1017. Л. 36, 42, 43; Д. 1092. Л. 14; Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 139; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 616. Л. 63].

К этому времени в Калмыцкой АССР, согласно постановлению СНК СССР от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне», были организованы республиканский и улусные штабы МПВО, созданы 380 групп самозащиты и подготовлены 2 220 инструкторов ПХВО. Более 70 тыс. человек прошли полный курс подготовки по программе МПВО, до 10 тыс. человек добровольно вступили в отряды народного ополчения. В соответствии с решением ГКО «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» с 1 октября 1941 г. приступили к занятиям 2 160 бойцов народного ополчения, на курсах сандружинниц – 498, связистов – 167, шоферов – 104, трактористов – 317 юношей и девушек [2, с. 55–57; НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 90. Л. 36].

В связи с призывом на фронт сельское хозяйство республики лишилось значительного количества людских ресурсов, подготовленной уборочной техники, автомобилей, горюче-смазочных материалов. Все это крайне затруднило заготовку кормов для животноводства, уборку урожая, подготовку к зиме, проведение осенних полевых работ. Но благодаря 16,5 тыс. горожанам, школьникам, пришедшим на помощь селу, урожай в основном убрали до наступления холодов. Это дало возможность Калмыкии сдать государству 60 626 т зерна и перевыполнить план на 117 %, 692 590 ц мяса (100,1 %), 17 871 ц молока, 3 205 ц брынзы, 4 318 ц масла,

1 866 300 шт. яиц, 18 453 ц шерсти, 329 001 шт. кожсырья, 15 902 ц масличных культур, 128 425 ц сена и т.д. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 57. Л. 38-41; НА РК. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 81. Л. 19-23; Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 961. Л. 66 - 116; Д. 1114. Л. 70 - 71; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 27 - 28].

В трудных условиях с большим напряжением трудились работники рыбной промышленности республики, обеспечивая своевременную добычу и заготовку рыбы. Калмгосрыбтрест выполнил план 1941 г. по ловле рыбы на 107,5 % (333 500 ц), по заготовке – на 106,2 % (329 300 ц), а Калмыцкий рыбакколхозсоюз, объединявший 23 колхоза, по добыче – на 107,8 % (309 700 ц). Многие рыбаки колхозов за ударный труд были награждены наркоматом рыбной промышленности СССР знаком «Отличник социалистического соревнования Наркомрыбпрома СССР» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1114. Л. 72; Д. 1313. Л. 106].

Предприятия местной промышленности и Калмпотребсоюза, выполняя спецзаказ правительства СССР, к декабрю 1941 г. изготовили и отправили на фронт 23 700 пар валенок, 3 300 полушубков, 1 000 фуфаяк [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 954. Л. 73; Д. 885а. Л. 112-113; Д. 892. Л. 78].

Государственные органы республики, учитывая возросшие военные расходы, приняли меры по организации досрочной уплаты населением подписки на займы, по своевременной уплате денежных и иных платежей государству, увеличению вкладов личных сбережений населения. В сберегательные кассы в 1941 г. по массовым платежам (включая налоги и добровольные платежи) поступило от населения 40 млн 606 тыс. руб. За три месяца войны молодежь республики собрала и сдала в фонды строительства самолетов 1 млн 562 тыс. руб., танков – 4 млн руб., а также распространила билетов денежно-вещевой лотереи на 1 млн 960 тыс. руб. и внесла наличными 860 тыс. руб. А до конца года жители Калмыкии внесли в фонд обороны страны 68 грамм золота, 16,6 кг серебра, 13 млн 701 тыс. руб., приобрели облигации на сумму 5 млн 544 тыс. руб., закупили билеты денежно-вещевой лотереи на 2 млн 080 тыс. руб. [3; НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1025. Л. 21; Д. 885а. Л. 79; Ф. П-22. Оп. 1. Д. 46. Л. 12 13].

Массовой формой помощи населения Красной Армии стало всенародное движение за сбор для воинов-фронтовиков обмундирования и снаряжения. Республиканская комиссия во главе с секретарем обкома ВКП(б) П.Ф. Касаткиным и улусные комиссии, используя всенародный порыв, активно возглавили эту работу. Население Калмыцкой АССР с начала войны и до конца декабря 1941 г. собрало и сдало 19 тыс. пар валенок, 3 тыс. полушубков, 4,6 тыс. шапок-ушанок, более 7 тыс. пар варежек, более 12 тыс. пар теплых носков, 6 500 теплых рубашек, 5 500 кальсон, более 6 тыс.

ватных фуфаяк, 25 тыс. м мануфактуры и много других вещей. Тем самым население Калмыкии внесло заметный вклад во всенародное движение в помощь Красной Армии. Массовое поступление на фронт теплых вещей и обуви, как известно, помогло успешно решить проблему обеспечения войск в суровую первую зиму войны. Только за три осенних месяца 1941 г. по стране собрали более 15 млн шт. различных теплых вещей (1 175 тыс. пар валенок, более 500 тыс. полушубков, более 2 тыс. овчин, свыше 4 500 тыс. пар шерстяных варежек, чулок, меховых рукавиц). За счет полученных от населения в 1941 г. теплых вещей и белья можно было одеть и обуть более 2 млн воинов [4, с. 188; НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 517. Л. 2 - 3, 35; Д. 734].

Не менее массовым явилась и народная инициатива за сбор и отправку воинам-фронтовикам подарков. Жители Калмыцкой АССР собрали и послали к 7 ноября 1941 г. бойцам на фронт подарки общим весом 62 442 кг, или восемь вагонов, в том числе 25 т мяса, 2 т колбасы, 3 т сельди и белорыбицы, 6 623 кг печенья, 1 тыс. банок консервов, 1 123 кг повидла, 3 т брынзы, а также 8 тыс. индивидуальных посылок.

Трудящиеся Калмыкии внесли весомый вклад в сооружение объектов военного назначения. Государственные и партийные органы республики в соответствии с решением ГКО и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г. приступили к организации строительства отведенного участка на железнодорожной линии Кизляр – Астрахань протяженностью 348 км, имеющей важное стратегическое значение. В сентябре 1941 г. на этой стройке из республики уже работали 6 200 человек и 2 150 двухупряжных подвод (из других краев и областей участвовали 13 800 человек). К концу 1941 г. труженики Калмыцкой АССР выполнили земляные работы на 93 %, подготовили земляное полотно длиной 280 км (80,5 %) под укладку шпал и рельсов. Несмотря на тяжелые зимние условия 1941/1942 г., вражеские бомбардировки, строительство железнодорожной линии велось почти круглосуточно. Помимо того, на сооружении паромного моста через Волгу работали, по свидетельству начальника объекта № 84 Н.П. Богданова, около 2 тыс. человек: «Плечом к плечу, самоотверженно трудились русские, украинцы, белорусы, грузины, азербайджанцы, армяне, осетины, казахи, калмыки и представители многих других национальностей» [5, с. 189].

В начале ноября 1941 г. Калмыцкая АССР по решению ГКО включилась в строительство Донского оборонительного сооружения. 10 тыс. рабочих, колхозников, служащих, студентов Калмыкии, пройдя походным маршем 250 км до пункта назначения, к январю 1942 г. выполнили огромный объем земляных работ. Они вынесли и

перебросили свыше 1,5 млн кубометров грунта, или в среднем каждый работающий – по 145 - 150 кубометров (по 3 – 4 нормы в день). В результате самоотверженного труда, несмотря на трудности зимнего и военного времени, посланцы Калмыкии успешно справились с правительственным заданием. Всем участникам оборонительного сооружения Военный совет 8-й саперной армии объявил благодарность, а наиболее отличившиеся 757 человек были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КАССР, 32 человека представлены к государственным наградам СССР.

В конце сентября 1941 г. ГКО поручил Калмобкому ВКП(б) и СНК КАССР построить на территории республики три оперативные площадки – взлетно-посадочные полосы для боевых самолетов. В течение недельного срока, вдвое меньше установленного, силами пяти отрядов бойцов народного ополчения (5 000 – 6 000 человек) удалось построить пять площадок и сдать комиссии ВВС для эксплуатации. При каждом временном аэродроме были подготовлены бензоемкости, жилые и подсобные помещения [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 11 - 14].

В связи с недостатком рабочей силы, наступлением ранних холодов осенью 1941 г., пригоном в республику более 300 тыс. голов различного вида скота из эвакуированных краев и областей животноводов пришлось трудиться с большим напряжением. Необходимо было обеспечить кормами, помещением, организовать лечение, сохранить поголовье, подготовить его к дальнейшему перегону через Волгу. Благодаря населению, женщинам, старикам, подросткам, пришедшим на помощь, в основном удалось сохранить значительную часть скота.

Партийные и государственные органы Калмыцкой АССР, используя патриотический подъем молодежи и усилив пропагандистскую работу, активно включились в организацию различных курсов по подготовке ее по массовым производственным профессиям. В этом отношении положительную роль сыграло обращение учениц курсов трактористов и шоферов Уланхольской МТС. В нем, обращаясь к женщинам республики, они призывали их быть готовыми в любую минуту заменить своих отцов, братьев, призванных на фронт. В результате всех этих мероприятий к концу 1941 г. получили профессии трактористов более 800 человек, в том числе почти 500 женщин, комбайнеров – 200, шоферов – более 100. Кроме того, на очных курсах трактористов обучалось ещё 876 женщин, мотористов и судоводителей – 73 девушки, председателей колхозов – 120 человек, заведующих фермами – 178; на заочных курсах: сакманщиков – 660 человек, доярок – 2 450, стригалей – 2 100, чабанов – 1 193, скотников – 900, телятниц – 530,

птичников – 120, гуртоправов – 846, свинаярей – 1 020 человек. Основной контингент составляли колхозницы и работницы совхозов, имеющие достаточный опыт производственной деятельности [2, с. 34; НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 22, 24, 25].

Таким образом, самые трудные первые шесть месяцев войны не привели к отчаянию и неверию в победу, не сломили волю абсолютного большинства советского народа, в том числе и Калмыцкой АССР. Несмотря на материальные и моральные тяготы, лишения и жертвы, почувствовав огромную опасность, которую несли гитлеровцы, люди еще более сплотились перед общей бедой, проявили самоотверженность, организованность. Внезапность нападения, коварство, жестокость фашистов вызвали ненависть к врагу, решимость всех народов страны бороться с ним на поле брани и трудиться в тылу, не жалея сил, здоровья, положить на алтарь победы все, вплоть до своей жизни. Эрл Земке, начальник отдела военно-исторической службы армии США, очень верно подметил в своем исследовании: «Самой большой ошибкой со стороны немцев было то, что они не могли предположить, что встретят со стороны советских людей подлинный героизм, самопожертвование и самоотверженный труд» [6, с. 595].

Однако 1942 г. не принес облегчения ни армии, ни тылу. После неудачных наступательных операций советских войск под Харьковом и на Керченском полуострове обстановка на юге страны серьезно осложнилась. В трудном 1942 году республика, находясь в ближнем тылу, до оккупации ее территории, то есть до начала августа, не только скомплектовала 110-ю кавдивизию в составе 4 642 человек, но и мобилизовала в другие части воюющей армии 7 775 человек, в том числе 247 девушек в санитарные службы Каспийской флотилии и 32 девушки на Сталинградский фронт.

110-я Отдельная Калмыцкая кавдивизия, выполняя вместе с другими соединениями задачу по прикрытию отступающих войск через Дон, в двухнедельных сражениях (с 15 по 27 июля 1942 г.) внесла свой вклад в коренной перелом Великой Отечественной войны под Сталинградом. Правы военные историки, которые полагают, что битва за Сталинград началась уже с первых дней отражения наступления германских войск, действовавших по плану «главной операции» летней кампании 1942 г., то есть с 28 июня 1942 г., когда ударная группировка армейской группы «Вейхс» перешла в наступление.

В начале 1942 г. в зимний сложный период значительное количество тружеников Калмыкии продолжали работать на строительстве железнодорожного полотна Астрахань – Кизляр, оборонительных сооружений на Дону, а с лета еще более

3 тыс. человек участвовали в возведении оборонительно-укрепительных обводов Астрахани. В январе 1942 г., в связи с завершением работ на Донском оборонительном сооружении, Калмобком ВКП(б) дополнительно направил на объект Астрахань – Кизляр еще 3300 человек и 880 подвод (всего там в числе 40 тыс. рабочих уже было 9,5 тыс. человек, а также 3 030 подвод от Калмыкии), 5 автомашин ЗИС-5 с прицепами, 9 тыс. руб. на приобретение художественной литературы, 4 кинопередвижки, продовольствие, инструменты и т.п. [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 11 - 12]. Благодаря общим усилиям строительство важного стратегического объекта было завершено досрочно. 4 августа 1942 г. открылось сквозное движение по линии Астрахань – Кизляр.

С наступлением 1942 г. республика, напрягая все силы, увеличила поставки фронту. Она к 1 августа сдала государству мяса за текущий год вдвое больше плана - 11,1 тыс. т. Предприятия рыбной промышленности, рыболовецкие колхозы, включившись в социалистическое соревнование, в Урало-Каспийском бассейне заняли первое место по итогам работы за первое полугодие 1942 г. Рыбаки Калмыцкого рыбколхозсоюза выловили 377,6 тыс. ц рыбы (102 % годового плана), а работники Калмыбтреста в первом полугодии 1942 г. заготовили 232 тыс. ц рыбной продукции.

Калмыцкая АССР только за первые 2,5 месяца 1942 г. направила в фонд обороны: 9 050 лошадей, 1 364 повозки парные с упряжью, 2 415 седел, 20 легковых и 143 грузовых автомобилей, 40 тракторов. Население сдало 505 тыс. руб., 214 тыс. облигациями, 600 тыс. руб. на строительство подводной лодки. Продолжалась активная подготовка специалистов массовых военных и гражданских профессий. На курсах медицинских сестер учились 522 девушки, сандружинниц – 1 060, комбайнеров, трактористов, шоферов – 1 400 человек, в том числе 661 женщина [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 433. Л. 299; Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 885а. Л. 98; Д. 942. Л. 24, 38-40; Д. 85. Л. 60].

За это же время жители республики успели собрать и отправить бойцам 4159 пар валенок, 652 полушубка, 3 696 шапок-ушанок, 3 205 пар шерстяных варежек, 9 696 рубашек, 964 меховых жилета, 4 162 пары меховых рукавиц, свыше 5 тыс. пар шерстяных носков, 1 564 кальсон, 1 442 пары шерстяных портянок, 4 073 летних портянок, 3 500 ватных фуфаяк, 7 789 ватных брюк, 1 023 свитера, 1 002 шерстяных одеяла, 3 490 полотенец, 276 тулупов, 75 пар кожаных сапог, 92 шинели, 1 458 теплых шарфов, простыни, подушки, наволочки и другие вещи.

Важным источником в финансировании возросших расходов явились государственные займы военных лет, они начали выпускаться с апреля 1942 г. на общую подписную сумму 10 млрд руб.

В СССР государственный заем 1942 г. был распространен на сумму 13 млрд 186 млн руб., в том числе в РСФСР – 8 млрд 505 млн руб. В республике подписка на первый военный заем прошла организованно и успешно. При плане 24 млн 550 тыс. руб. в Калмыцкой АССР военный заем был реализован на сумму 28 млн 115 тыс. руб. (114 %). Помимо большого государственного займа был введен военный налог, распространявшийся на городское и сельское население. Значительный вклад Калмыкии в сборе денежных средств на нужды обороны страны не остался незамеченным органами власти СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1942 г. «за успешное выполнение заданий Правительства по финансированию обороны страны» Б.Ц. Манджиев, заведующий финансовым отделом исполкома Улан-Хольского улуса Калмыцкой АССР, был награжден орденом «Знак Почета», двое работников финансовых органов республики удостоились медали «За трудовое отличие» [7, с. 200; НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 95. Л. 118, 125; Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 623. Л. 5; ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 13. Д. 55. Л. 98 - 99].

Летом 1942 г. после серьезных успехов в Крыму и под Харьковом соединения немецкой группы армий «Юг», разделенные, согласно директиве Гитлера № 45 от 23 июля 1942 г., на группы армий «А» и «В», захватив стратегическую инициативу и подведя свежие резервы, в конце июля перешли в мощное наступление на кавказском и сталинградском направлениях. Немцы вынудили советские войска Южного фронта отойти к нижнему течению Дона, а Юго-Западного – за Дон, к Сталинграду. 24 июля немцы заняли Ростов-на-Дону, 3 августа – Ворошиловск (Ставрополь), 10 августа – Майкоп, 12 августа – Краснодар.

Военные соединения группы армий «В», наступавшие на сталинградском направлении с начала августа 1942 г., стали вторгаться с юга (части 52-го армейского корпуса, командир – генерал пехоты Отт) и запада (части 40-го и 48-го танковых корпусов, соответственно командиры – генерал танковых войск Гейр фон Швеппенбург и генерал-лейтенант Кемпф) на территорию Калмыцкой АССР. К середине августа 1942 г. войска противника овладели и взяли под контроль стратегическую дорогу Ворошиловск – Дивное – Элиста – Сталинград (до внешнего обвода сталинградской обороны) и от Элисты на 140 км углубились на астраханском направлении. В результате в театр военных действий группы армий «В» попала и калмыцкая степь, по выражению немецкого историка Вильгельма Тике, область размером с Бельгию.

В сложных условиях стремительного продвижения немцев по территории Калмыцкой АССР труженикам республики, связанным с необходимостью соблюдения инструкций ГКО по эвакуации, с большим опозданием и трудностями

пришлось вести перемещение людей, имущества, скота в безопасные районы. Несмотря на чрезвычайную военную обстановку, начавшуюся оккупацию, Калмыкии удалось вывести и спасти из оккупированных улусов 519 354 (42 %) головы скота. В оккупированных улусах (5 полностью и 3 частично), где проживало 135 тыс. (60 %) человек, находилось 118 колхозов (66 %), 11 (92,3 %) совхозов, 14 МТС (82,3 %), 569 (52 %) промышленных цехов, предприятий, в том числе 48 (51 %) крупных, 92 % посевных площадей под зерновые культуры [8, с. 133].

В 1942 г. хозяйства всех категорий Калмыцкой АССР, сдав до оккупации и в период эвакуации 164 тыс. голов скота воинским частям по чекам и требованиям, по поставкам, намного перевыполнили планы сдачи мяса государству и в фонды Красной Армии. Только в августе-сентябре 1942 г. Управление тыла Юго-Восточного фронта, согласно письму его штаба от 12 августа и резолюции первого секретаря Калмобкома ВКП(б) П. Лаврентьева от 16 августа, «в счет поставок» произвело заготовку на мясо крупного рогатого скота в количестве 60 тыс. голов. Сразу же в августе совхозы и колхозы Калмыкии сдали представителю фронта М.И. Персу 28,6 тыс. голов крупного рогатого скота. Колхозы Калмыцкой АССР только по обязательным поставкам 1942 г. успели сдать государству 130 тыс. ц зерна [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 86. Л. 71; Д. 94. Л. 183; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 711. Л. 7; Д. 658. Л. 61].

С большим напряжением трудились рыбаки и работники рыбной промышленности. К ноябрю 1942 г. добыча рыбы составила 310 тыс. ц (96 % установленного плана лова), заготовка и обработка – 287,4 тыс. ц (84,5 %). Немцы к этому времени уже начали бомбить и минировать Каспийское море, фашистские летчики выискивали и нападали на беззащитные рыболовецкие суда.

Правительство СССР и ЦК ВКП(б), придавая особое значение рыбной продукции, в совместном постановлении от 14 октября 1942 г. отмечали, что в районах Каспийского бассейна, в результате переброски рыбаков-колхозников, рыбаков государственного лова и рыбоперерабатывающих предприятий на другие работы, план добычи рыбы в 3 квартале 1942 г. значительно недовыполнен. В связи с этим всем организациям Каспийского бассейна устанавливались специальные задания на лов рыбы на осенний и зимний периоды до конца года, в том числе Калмыцкому госрыбтресту – 25 тыс. ц Калмобкому ВКП(б) и СНК КАССР предлагалось для выполнения этого плана вывезти не позднее 20 октября 1942 г. на осеннюю путину 4 200 рыбаков-колхозников.

10 ноября 1942 г. Калмобком партии доложил ЦК ВКП(б) о том, что план на IV квартал по добыче рыбы выполнен на 118 % (выловлено

29,5 тыс. ц), заготовлено и обработано 26,6 тыс. ц (106,4 %) [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 77-78; Д. 658. Л. 7].

Несмотря на оккупацию значительной части (54 %) территории, в республике не прекращалась военно-мобилизационная работа военкоматов и местных советов. Улусные и Элистинский городской военкоматы успели вывезти в Астраханский округ 5554 военнообязанных и призванного. Однако они не обеспечили эвакуацию 1 216 человек этого контингента. Тем не менее, Калмыцкая АССР в 1942 г. смогла направить на фронт 16 880 человек, в том числе, по неполным данным, 587 женщин. В августе-октябре 1942 г. республиканский военкомат поставил в Красную Армию 3 655 лошадей (из них 2 838 в 110-ю кавдивизию), 385 верблюдов, 28 автомашин, 22 гусеничных трактора, 121 повозку с парной упряжью.

В последние месяцы 1942 г. население неоккупированных улусов собрало на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия» 1 млн 956 тыс. руб., пять вагонов подарков воинам 28-й и 51-й армий, два вагона бойцам других частей, 4 тыс. индивидуальных подарков 34-й гвардейской дивизии. Большая продовольственная помощь оказывалась частям и подразделениям, находящимся на территории некоторых улусов, а также в лечении раненых красноармейцев [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 96. Л. 16].

В связи с начавшейся операцией по окружению 6-й армии Паулюса с осени 1942 г. важное стратегическое значение приобрело строительство оборонительных сооружений и объектов военного назначения на подступах к Сталинградскому фронту с южного и юго-восточного направлений. В первую очередь по заданию Генерального штаба Красной Армии и Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР во второй половине 1942 г. на территории Калмыкии проводились работы по приведению в проезжее состояние дорог на сталинградском, ростовском, астраханском направлениях протяженностью 716 км.

В соответствии с постановлением ГКО № 1412 от 8 марта 1942 г. для подготовки 4 оперативных аэродромов на территории Калмыцкой АССР в помощь 80-му отдельному инженерно-аэродромному батальону (командир – капитан Куракс) выделялись рабочие, автомашины, тракторы, подводы с упряжью, плуги, бороны, инструменты, строительные материалы, бензоемкости, помещения, продукты питания. Кроме того, для поддержания в надлежащем состоянии трех ранее построенных аэродромов были выделены 280 человек и 80 подвод.

В июле-сентябре 1942 г. по указанию Генштаба Красной Армии и распоряжению заместителя наркома обороны СССР генерал-лейтенанта авиации А.А. Новикова в неоккупированных улу-

сах Калмыцкой АССР, находящихся ближе к Сталинградской области, развернулось строительство более десяти полевых аэродромов со всеми службами обеспечения. На каждом объекте трудились до 300 человек и 100 подвод от колхозов и совхозов республики.

После ввода в эксплуатацию железной дороги Кизляр – Астрахань ГКО приняло решение о прокладке новой ветки железной дороги Гурьев – Астрахань (Досанг) и о привлечении к этой работе Калмыцкой АССР. В соответствии с данным постановлением ГКО бюро Калмобкома ВКП(б) 12 сентября 1942 г. обязало улускомы партии направить на подъем полотна железной дороги Гурьев – Астрахань 3 тыс. рабочих и 1 000 подвод. Основная тяжесть строительства ложилась на неоккупированные улусы – Долбанский, Лаганский, Улан-Хольский, Приволжский, Юстинский. Предлагалось принять меры по доставке на эту стройку в порядке эвакуации из оккупированных улусов 400 рабочих вместе с семьями, имуществом и скотом.

В связи с вторжением немцев в Калмыкию и их попыткой прорваться на астраханское направление началось возведение обводных оборонительных сооружений с юго-западной стороны Астрахани. Для этого в порядке мобилизации были привлечены и жители Калмыцкой АССР. Согласно постановлению Совнаркома КАССР № 522 от 13 октября 1942 г. на строительство астраханских рубежей Юстинский, Приволжский и Долбанский улусы направили 1 000 рабочих и 100 подвод с верблюжьей упряжью [9, с. 75; НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 94. Л. 257; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 712. Л. 6,7].

Подавляющее большинство жителей оккупированных улусов встретили врага враждебно, с ненавистью, стремились всевозможными средствами борьбы нанести ему ущерб, подорвать его мощь и моральный дух, помочь своим войскам. Одной из форм борьбы населения, наносящей ощутимый урон врагу, в условиях отсутствия природных укрытий на территории республики являлись разведывательно-диверсионные отряды небольшой численности.

Благодаря ответственному отношению государственных и партийных органов Калмыцкой АССР и Астраханского округа, эффективной помощи представителей Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) генерала И.И. Рыжикова, чекиста-разведчика, майора В.П. Шестакова, политработника А. Торицина, Военного совета 28-й армии в короткие сроки в Астрахани были организованы спецкурсы. К 1 октября 1942 г. контингент обучающихся на них составлял уже 191 человек (в том числе 40 бойцов из элистинского истребительного отряда, 30 бойцов-калмыков направило командование 28-й армии). Кроме того, к этому времени партизанские группы (95 человек) были сформированы в Улан-Хольском, Лаганском

и Долбанском улусах и начали организовываться в Юстинском, Кетченеровском, Сарпинском, Малодербетовском улусах.

В результате этих мероприятий уже к концу октября в тыл противника в улусы Калмыцкой АССР были отправлены 98 человек, обучены и находились в готовности к выступлению 120 человек, которых штаб 28-й армии полностью обеспечил вооружением, техническими средствами, обмундированием [НА РК. Ф. П-830. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 - 14; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 33. Л. 4].

В октябре 1942 г. начала функционировать Астраханская спецшкола № 005 (начальник старший политрук А.М. Добросердов, бывший секретарь Элистинского горкома ВКП(б), заместитель И.Я. Безрукавный), в финансировании которой приняли долевое участие Совнарком Калмыцкой АССР (240 тыс. руб.), ЦК ВЛКСМ (95 тыс. руб.), ЦШПД (50 тыс. руб.) и Астраханский окрисполком (15 тыс. руб.). Вопросы обеспечения партизанских отрядов вооружением, боеприпасами, средствами связи, обмундированием решались штабом 28-й армии, а продовольствием, теплой одеждой – в основном правительством Калмыкии. Так, в октябре-ноябре 1942 г. Калмыцкая АССР отправила в спецшколу № 005: 1,5 т муки, 1,2 т мяса, 800 кг рыбы, 300 кг сахара, 600 кг масла, 300 кг колбасы, 2,9 т сухарей, 1,2 т крупы, 100 кг рыбных сухарей, а также 29 полушубков, 336 пар валенок, 63 ватные фуфайки, 76 ватных брюк, 116 шапок-ушанок, 150 м мануфактуры, носки, чулки, портянки, ботинки, туфли дамские [НА РК. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 133а. Л. 16 - 17].

К середине ноября 1942 г. спецшкола подготовила и направила в тыл врага 316 бойцов, которые были сведены в 19 партизанских отрядов и самостоятельно действующих групп, значительная их часть (12 отрядов в составе 217 человек, из них 85 членов партии, 65 комсомольцев, 124 калмыка) оперировала в оккупированных улусах Калмыцкой АССР, остальные – на территории Ростовской и Сталинградской областей, Орджоникидзевского края. К концу ноября численность разведдиверсионных отрядов в калмыцкой степи была увеличена до 268 человек. За период функционирования спецшколы № 005 обучение прошли 540 человек, из них 247 уроженцев Калмыкии [НА РК. Ф. П-830. Оп. 1. Д. 2. Л. 34-39; Д. 58. Л. 18-24; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 837. Л. 2 - 5].

За небольшой срок действия (октябрь-декабрь 1942 г.) партизанские отряды и группы нанесли противнику существенный урон, уничтожив свыше 300 гитлеровских солдат и офицеров, более 30 полицейских и старост, значительное количество автотранспорта, а также разрушили аэродром, выводили из строя средства связи, дороги, вылавливали вражеских разведчиков, добывали ценные разведывательные данные, которые передавались

наступающим частям Красной Армии. Сам факт развернувшегося партизанского движения, бесстрашной борьбы народных мстителей с оккупантами имел колоссальное моральное, идеологическое значение в подъеме духа, настроения населения республики.

Население Калмыкии невозможно упрекнуть в квиетизме. Подавляющая его часть оказывала сопротивление врагу в различных формах. Жители населенных пунктов, чабаны, пастухи на стоянках, где проходили народные мстители, их связные, всегда оказывали всяческую помощь: снабжали продовольствием, информировали о противнике, в необходимых случаях укрывали, лечили и т.п. В разведывательной сводке УНКВД по Сталинградской области № 10 (8511) командующему Донским фронтом генерал-лейтенанту К.К. Рокоссовскому о положении в тылу противника по состоянию на 15 октября 1942 г., подписанной 16 октября 1942 г. начальником управления НКВД по Сталинградской области старшим майором госбезопасности Ворониным, говорилось: «К лицам, направляющимся с нашей стороны в тыл к противнику, калмыки относятся мягче. Таких лиц, имеющих при себе документы (паспорт, эвакуационную справку), они пропускают, даже и кормят» [10, с. 385].

Большинство населения оккупированных улусов вело активную борьбу против захватчиков. Так, жители Яшалтинского улуса распространяли листовки, призывающие население вести борьбу с оккупантами, саботировали их мероприятия, срывали угон скота в немецкий тыл и разграбление имущества, организовывали вооруженное нападение на предателей – полицейских, старост. Говенко Иван Тимофеевич, староста села Михайловки, со всей семьей включился в тайную борьбу против немцев. Был предан и расстрелян вместе с семьей в составе 16 человек. В Западном улусе были расстреляны немцами староста совхоза № 112 И.Я. Коженбаев и агроном этого же совхоза И.М. Бреславец за то, что скрывали от немцев зерно, трактора, а также председатель колхоза Г. Имкинов и парторг колхоза Ульджаев, специалистка М.В. Шлыкова и др. [11, с. 511 - 512, 520 - 521].

Постоянно держа в напряжении захватчиков, успешно действовали в их тылу на оккупированной территории Калмыцкой АССР 13 партизанских отрядов и 2 спецдиверсионные группы. Руководители отрядов, основной состав которых составляли уроженцы Калмыкии – командиры и комиссары, назначались Калмобкомом ВКП(б) по согласованию с представителями ЦШПД. Население Калмыкии помнит и чтит память своих прославленных партизанов И.Г. Гермашева (командир) и Б.Х. Адучиева (комиссар), И.Н. Чернышева и Ш.Н. Даванова, В.Н. Кравченко и Л.Г. Горяева, С.А. Коломейцева и Б.К. Бактаева, П.Н. Яковлева

и Б.Г.У. Убушаева и других. В названном последнем отряде сражались и героически погибли партизаны Т. Хахлынова и В. Косиев.

Главные задачи отрядов заключались в организации борьбы населения с врагом, проведении разведывательно-диверсионных действий на оккупированной территории. Исходя из общей задачи, представители ЦШПД и оперативная группа Калмобкома ВКП(б) определяли цели операций отрядов. Они нарушали, срывали движение войск противника по основным дорогам, уничтожали склады боеприпасов, вооружения, горючего и продовольствия, разрушали узлы связи, аэродромы, захватывали штабы, истребляли солдат и офицеров, полицейских и старост. Наряду с этим отряды в районах действия вели политико-разъяснительную работу среди населения. Особое внимание обращалось на проведение разведки и снабжение ее данными воинских частей Красной Армии. Отряды препятствовали, не давали возможность противнику вывозить награбленное имущество, скот. Оценивая роль и значение действий партизанских и разведывательно-диверсионных отрядов в годы Великой Отечественной войны, авторы труда по истории партизанского движения пишут: «На Сталинградском направлении героически сражались партизаны Воронежской, Сталинградской, Ростовской областей и Калмыцкой АССР, где действовали более 60 отрядов и большое число диверсионных групп» [12, с. 83].

После изгнания в декабре 1942 – январе 1943 г. оккупантов партийные, государственные и хозяйственные органы, население республики приступили к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, оказанию всесторонней помощи Красной Армии, выполнению заданий советского правительства, обязательств перед государством. В первые же дни в освобожденной от захватчиков Элисте, 4 января 1943 г., члены правительства республики, собравшись на свое первое заседание в новом году, выразили от имени народа признательность и благодарность бойцам и офицерам 28-й армии за очищение от врага значительной части территории Калмыцкой АССР.

Главной заботой собравшихся на экстренное заседание членов правительства КАССР явилась организация снабжения частей Красной Армии продовольствием, продуктами питания и фуражом. С целью обеспечения освободителей хлебом правительство установило план ежедневного помола зерна на мельницах Элисты: колхозу им. Сталина – 4 т, им. Володарского – 2 т, им. Ленина – 2 т, артели им. Чкалова – 2 т, мельнице наркомата местной промышленности – 3 т. Элистинскому горисполкому поручалось с 4 января организовать в городе выпечку хлеба по колхозным дворам не менее 2 т в день в каждом колхозе. Выпечку предлагалось производить в семьях колхозников из муки,

имеющейся у них в личном пользовании, которую в последующем возвращали по мере помола зерна. Правлениям колхозов рекомендовалось начислять колхозницам за выпечку хлеба на дому по два трудодня за каждые 16 кг выпеченного хлеба. Аналогичное поручение от правительства получили исполкомы Приютненского и Троицкого улусных советов – немедленно организовать ежедневное хлебопечение для армии в селах Троицком (2 т), Приютном и Ульдючиных (2 т) [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 111. Л. 2].

Одновременно были приняты меры по организации размещения, помывки бойцов, стирки белья, оказанию помощи раненым. Всем улусным исполкомам предлагалось по трассе прохождения наших частей организовать медицинские пункты, госпитали со всеми необходимыми удобствами, лечением, питанием, теплом. В Элисте срочно развернули эвакуационный госпиталь на 90 коек, который ежедневно обеспечивался свежими продуктами из расчета на каждого человека в день: мяса – 120 г, животного масла – 50 г, сахара – 50 г, в достаточном количестве хлебом и молоком. Но часть забот о раненых все же пришлось взять на себя населению города и улусных центров, особенно в оказании помощи в обеспечении постельным бельем, продуктами, топливом, в стирке белья, организации помывки [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 111. Л. 21, 34].

В связи с обращением в январе 1943 г. Военного совета 28-й армии об оказании помощи в доставке боеприпасов, оставленных на территории Калмыцкой АССР, наступающим частям Красной Армии Совнарком КАССР помог республиканскому военкомату в пятидневный срок мобилизовать в порядке трудгужповинности 750 пар конных подвод и 750 мужчин (Долбанский улус – 250 подвод, Приволжский – 40, Лаганский – 30, Черноземельский – 30, Приютненский – 150, Троицкий – 100, Кетченеровский – 150) и направить их в распоряжение представителей командования армии для перевозки боеприпасов из Утты, Хулхуты на железнодорожную станцию Басы, из Яшкуля – на станцию Дивное.

В период боев и в результате быстрого продвижения частей Красной Армии по территории Калмыкии было оставлено обеими воюющими сторонами на полях сражений значительное количество вооружений и боеприпасов. Согласно предложению, изложенному в письме командующего артиллерией 28-й армии № 027 от 16 января 1943 г., исполкомы советов Малодербетовского, Сарпинского, Кетченеровского, Черноземельского, Троицкого, Приютненского, Западного и Яшалтинского улусов организовали силами местного населения сбор и сдачу вооружений и боеприпасов органам милиции. Молодежь указанных улусов собрала и сдала воинским частям 200 ящиков

снарядов, 30 тыс. винтовочных патронов, 250 гранат и др. [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 111. Л. 29, 31, 255; Д. 121. Л. 49 - 51].

Несмотря на заметное сокращение поголовья скота, Калмыцкая АССР продолжала оказывать помощь фронту в обеспечении мясом. В марте-июне 1943 г., согласно постановлению СНК КАССР и бюро Калмобкома ВКП(б), колхозы, совхозы, колхозники, рабочие и служащие Западного, Яшалтинского, Приютненского и Троицкого улусов, Элисты поставили военным соединениям Южного фронта 149,2 т мяса.

В ходе зимней военной кампании 1942 – 1943 г. на Северном Кавказе население республики приняло активное участие в строительстве объектов военного назначения. 19 февраля 1943 г., в соответствии с решением Военного совета Южного фронта № 0024 от 2 февраля, Совнарком КАССР и обком партии направили в распоряжение Управления южно-полевого строительства на возведение различных оборонительных сооружений 1000 человек и 25 подвод (из Сарпинского улуса – 450 человек и 8 подвод, Малодербетовского – 350 и 10, Кетченеровского – 200 и 7), обеспечив их продуктами питания, инструментами, лошадей – фуражом.

В это время в составе 2-го стройучастка Строительства № 8 Наркомата путей сообщения СССР на строительстве железной дороги Кизляр – Астрахань работали 500 человек на 200 подводах (из Улан-Хольского – 100 человек и 40 подвод, Лаганского – 100 и 40, Долбанского – 150 и 70, Приволжского – 150 и 50). Затем республика на этот участок направила еще 1200 человек (из Юстинского – 100, Лаганского – 250, Долбанского – 400, Улан-Хольского – 300, Приволжского – 150) [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 111. Л. 43, 209; Д. 1251. Л. 7; Ф. П-8. Оп. 1. Д. 51. Л. 28; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 798. Л. 9 - 11].

Население Калмыцкой АССР не осталось в стороне от участия во всенародной восстановительной работе в г. Сталинграде. По решению правительства республики на строительство зданий предприятий, жилых домов, иных сооружений были мобилизованы 550 человек, имеющих профессии строителей (из Малодербетовского улуса – 225 человек, Сарпинского – 175, Кетченеровского – 150), с сохранением заработной платы и трудодней.

Погодные аномалии лета 1943 г. (засуха, суховеи, обмеление водоемов, уменьшение сенокосных угодий и т.п.) в значительной степени затруднили восстановление экономики республики, выполнение обязательств перед государством. Из 124 500 га общей уборочной площади зерна и технических культур погибло 63 625 га (51 %), а сохранившиеся посевные поля (60 875 га) дали небывало низкий урожай. В связи с этим хозяйства

республики с большим трудом к 10 декабря 1943 г. сдали в «Хлебный фонд Красной Армии»: зерна – 43 777 ц (44,4 %); масличных культур – 2 370 ц (18,8 %), горчицы – 85 т (5,3 %). С немалым напряжением были выполнены колхозами и совхозами Калмыкии планы по сдаче государству продукции животноводства. К 10 декабря 1943 г. они сдали государству 39 844 ц (213 %) мяса, 3682 ц (117 %) шерсти, 15 668 литров (57 %) молока, яиц – 235 829 шт. (32 %) [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1216. Л. 80-81, 83; Д. 1217. Л. 36а; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839. Л. 198 - 199].

В 1943 г. довольно успешно потрудились рыболовецкие колхозы и предприятия рыбной промышленности Калмыцкой АССР. Рыбаки колхозов при годовом плане 330 тыс. ц, установленном постановлением правительства СССР № 102-37с от 27 января 1943 г., к 1 декабря выловили и сдали 395 тыс. ц рыбы (120 %). 5 крупных предприятий Калмгосрыбтреста заготовили 342 829 ц (104 %) рыбной продукции. За высокие производственные показатели по добыче и заготовке рыбы в 1943 г. 14 рыбаков и работников рыбной промышленности Калмыкии были награждены орденами и медалями Советского Союза, в том числе орденом Ленина – знатный рыбак Очир Буршумов. Трудники рыбной промышленности из своей заработной платы внесли в фонд обороны страны – на строительство танковой колонны – только в январе 1943 г. 1 035 тыс. руб., за что заслужили благодарность от И.В. Сталина [2, с. 197; НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839. Л. 122; Д. 456. Л. 300, 302; Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 104. Л. 39, 41 - 42].

Население Калмыцкой АССР продолжало оказывать всестороннюю помощь фронту, в том числе и финансовыми средствами. На 2-й военный государственный заем подписались около 70 тыс. человек взрослого населения. Размещение 2-го военного займа среди жителей Калмыкии, начатое 5 июня 1943 г. в соответствии с постановлением СНК СССР № 373-118с от 7 апреля 1943 г., к 1 июля 1943 г. уже составило 23 млн 485 тыс. руб. при плане 6 млн руб., что явилось весомым вкладом в бюджет РСФСР. По итогам размещения военного займа среди населения, перевыполнив задание на 391,4 %, Калмыцкая АССР заняла третье место в РСФСР. При реализации этого займа жители республики внесли наличными более 7 млн руб. Кроме того, в 1943 г. в сберегательные кассы от населения досрочно поступили в счет налогов 6 млн 409 тыс. руб., а также подписка на общий государственный заем дала в бюджет 1943 г. 22 млн руб. В первом полугодии 1943 г. жители Калмыкии сдали военный налог на сумму 4 млн 683 тыс. руб.

По данным наркомата финансов СССР, трудящиеся Калмыцкой АССР на 26 марта 1943 г. собрали на боевую технику и вооружение Красной Армии 5 млн 678 тыс. руб. 6 марта 1943 г. на имя пер-

вого секретаря Калмобкома ВКП(б) А. Ликомидова и председателя СНК КАССР Н. Гаряева поступила телеграмма от председателя ГКО, которая гласила: «Трудящимся Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики, собравшим, кроме первых 3 миллионов рублей, дополнительно 4 млн 830 тыс. рублей на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия», – мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин». Через неделю телеграмму от Сталина такого же содержания получили колхозники артели им. Кирова Улан-Хольского улуса, сдавшие в 1942 г. в фонд обороны страны 1 285 руб., в январе-феврале 1943 г. – на строительство танков 450 тыс. руб.

К июню 1943 г. на формирование танковой колонны жители республики собрали 8 млн руб. и 12 и 17 мая 1943 г. на имя секретарей Лаганского и Юстинского улусных парткомов Мамышева и Джендыкова поступили телеграммы от Сталина с благодарностью за крупные вклады на строительство танковой колонны. 2 апреля 1943 г. секретарь Калмыцкого обкома ВЛКСМ Э. Лиджи-Гаряев получил телеграмму от Сталина. В ней говорилось: «Передайте комсомольцам и молодежи Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики, собравшим, кроме ранее внесенных на строительство авиаэскадрильи «Калмыцкий комсомол» 1 700 тыс. руб., дополнительно 1 400 тыс. руб. на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия», мой горячий привет и благодарность Красной Армии» [13; НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 114. Л. 110, 112-113; Оп. 1. Д. 1025. Л. 21; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 785. Л. 30 - 31].

Помимо денежных средств, трудящиеся Калмыцкой АССР в трудном 1943 г. сдали в фонд обороны страны 14,2 тыс. ц хлеба (вместо 10 тыс. ц по плану) и дополнительно 8 тыс. ц мяса. Трудники Троицкого улуса собрали 112 т зерна и гороха, 1 400 ц мяса, Кетченеровского – 10 голов крупного рогатого скота и 40 овец общим весом 3,2 т, Приютненского – 288 голов крупного рогатого скота и 793 овец, 11,8 т зерна, Яшалтинского – 12 т зерна, 10 762 шт. яиц, Улан-Хольского – 2,5 т зерна и столько же мяса.

Не прекращалось начатое с первых же дней войны движение за сбор и отправку воинам-фронтовикам подарков. Ко Дню Красной Армии жители Западного улуса собрали и отправили частям Северо-Кавказского фронта 7 подвод мяса, масла и в начале марта еще 8 автомашин с различными продуктами, лаганцы послали бойцам на фронт 16 т продуктов (в основном мясных и рыбных), кетченеровцы – 2 326 кг сухарей, более 1 000 кг мяса и масла, 140 пар варежек, 110 пар чулок и носков, яшалтинцы – более 1 т продуктов, 130 пар валенок, 140 пар варежек, 110 пар чулок, 439 пар носков, 24 шт. теплых вещей, приютняне – зерна, мяса, 187 пар рукавиц, 50 шапок-ушанок, 138 пар

чулок, 7 полушубков. Помимо этого, в соответствии с постановлением бюро Калмобкома ВКП(б) от 13 июля 1943 г., принятым по заданию ГКО, государственные и партийные органы республики организовали сбор среди населения и отправку на фронт 5 400 пар шерстяных носков, 5 400 пар варежек.

К 26-й годовщине Октябрьской революции население Калмыцкой АССР, по данным только 8 улусов и Элисты, собрало и направило солдатам на фронт 2 214 кг мясных продуктов, 3 352 кг рыбных, 1 198 кг курятины, 2328 шт. яиц, 184 кг сливочного масла, 240 кг брынзы, 631 кг муки, 585 кг кондитерских изделий, 202 кг сахара, 116 кг крупы, 486 кг табака, 66 пачек папирос, 1 060 коробок спичек, 245 тетрадей и блокнотов, 242 карандаша, 1633 листа бумаги, 313 кисетов с табаком, 267 носовых платков, 197 пар носок, 178 пар варежек, 168 расчесок, 27 полушубков и т.д. [11, с. 422, 424, 438 - 441, 446, 453, 459, 487; НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 785. Л. 3031; Д. 818. Л. 53; Д. 907. Л. 13, 35].

За военный период 1941-1943 гг. Калмыцкая АССР направила на фронт 38 778 человек, а с учетом проходивших до начала войны действительную военную службу на фронтах Великой Отечественной войны сражалось 43 210 уроженцев республики. Кроме них, около 300 человек активно участвовали в разведывательно-диверсионных отрядах, действовавших в тылу врага на оккупированной территории Калмыцкой АССР, Сталинградской и Ростовской областей, Орджоникидзевского края. За это же время республика поставила в Красную Армию почти 30 тыс. лошадей, сотни тысяч тонн мяса и рыбной продукции, зерна и другой продукции сельского хозяйства, значительное количество теплых вещей, белья, обуви, а также сдала более 100 млн руб.

Труженики тыла Калмыкии, не жалея сил и здоровья, работали на полях, фермах, предприятиях, перевыполняя задания, планы, обязательства, своевременно сдавали в фонд обороны, государству все поставки. Все народы Советского Союза независимо от численности, национальности встали на защиту Родины и единого дома и внесли свой вклад в дело разгрома общего врага. Истоки и мотивы вставшего единой силой на защиту своей Родины советского народа достаточно правильно подметил известный американский военный историк Дэвид Гланц. Он пишет, что «чаще всего встречающееся суждение – советский народ защищал свое Отечество, Россию от чужеземного вторжения – правильно, но неполно. Это стремление свойственно всем народам. Но в СССР исторически сложилось так, что патриотизм отдельных народов стал неотделим от признания русских «старшим братом» и «чувства единой семьи».

Каждый народ, спасая себя от порабощения, вместе с другими народами защищал единую Родину – Советский Союз, в составе которого узбеки и казахи, татары и чуваша, многие другие народы обрели государственность, создали свою промышленность, получили возможность для развития своего языка, национальной культуры, подготовки национальных кадров и т.д.» [14, с. 494 – 295].

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-1, Р-26, Р-68, Р-131, П-1, П-22, П-830, П-8.

Российский государственный архив социально-политической истории России (РГАСПИ). Ф. 17, 69.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7523.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев [и др.]. М., 2009.
2. Калмыкия в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг.: документы и материалы. 2-е изд. Элиста, 1985. Док. № 29.
3. Ленинский путь. 1942. 30 янв.
4. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. М., 1974.
5. Богданов Н.П. Переправы войны // Война. Народ. Победа. 1941 – 1945. Кн. 1. М., 1976.
6. Земке Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942 – 1945 / пер. с англ. М., 2009.
7. Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982.
8. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007.
9. Панин И.И., Панина И.И. Астрахань в грозные годы войны. Астрахань, 2007.
10. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3. Кн. 2: От обороны к наступлению. 1 июня – 31 декабря 1942 года. М., 2003. С. 385.
11. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: документы и материалы. 3-е изд., доп. Элиста, 2005.
12. История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945. Историографическое исследование партизанского движения на временно оккупированных территориях Российской Федерации во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов / под ред. ген.-полк. Б.Т. Шумилина. М., 2001.
13. Ленинский путь. 1943. 7 и 14 марта, 3 апр., 18 и 22 мая.
14. Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы / пер. с англ. М., 2009.

МОБИЛИЗАЦИЯ СРЕДСТВ И СИЛ НАСЕЛЕНИЯ КАЛМЫКИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

М.С. Горяев

В годы Великой Отечественной войны население Калмыкии оказывает всемерную помощь фронту. В фонд обороны учреждения и частные лица перечисляют скот, продовольствие, одежду, ценности. Солдатам Красной Армии отправляются подарки и теплые вещи.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Красная Армия, фронт, Фонд обороны, население Калмыкии.*

During the Great Patriotic War the Kalmyk population renders help the front in every possible way. The institutions, private persons transfer cattle, food, clothes, value in the defence fund. Presents, warm clothes are sent to the soldiers of the Red Army.

Keywords: *the Great Patriotic War, Red Army, front, defence fund, population of Kalmykia.*

В 1935 году Совнарком Калмыцкой АССР на основании постановления правительства СССР об организации на местах фонда «Обороне – повозка с упряжью» приступает к созданию резерва лошадей, годных к службе в Красной Армии. Исходя из поставленных задач, хозяйства республики обязывались выделить 5 % лошадей от всего конепоголовья, в том числе 40 % молодняка до 3 лет и 60 % половозрелых от 3 до 7 лет [1, с. 64]. В условиях военного времени республика должна была обеспечить как потребности Красной Армии в конном составе, так и свое народное хозяйство тяглом.

С первых дней войны работа всех промышленных предприятий, совхозов, колхозов и учреждений республики была направлена на бесперебойное обеспечение нужд фронта. В связи с надвигающейся зимой сбор теплых вещей, подарков и книг для солдат Красной Армии стал новым видом военно-патриотического движения, развернувшегося в стране: движение тружеников тыла за выполнение заданий фронта, за снабжение его военной техникой, боеприпасами, продовольствием и обмундированием, усиление социалистического соревнования, создание фронтовых бригад, движение «двухсотников» (выполнение плана на 200 % и более) и т.д.

Для организованной сдачи теплых вещей были сформированы специальные комиссии, а для их изготовления созданы специальные пошивочные мастерские, была развернута акция по сбору денег на приобретение теплых вещей. Уже к октябрю 1941 г. население республики сдало в подарок Красной Армии более 6 тыс. пар валенок, 2,5 тыс. варежек и перчаток, 5 тыс. пар носок и шерстяных чулок, 2,5 тыс. ватных фуфаяк, большое количество шерсти, овчин, мануфактуры и многое другое [НА РК. Ф. Р-131. Оп.1. Д. 281. Л. 93]. Всего же до 1 марта 1942 года население Калмыкии собрало и сдало на во-

енные склады 3652 полушубка, 23159 пар валенок, 10205 пар варежек и перчаток шерстяных, 16608 пар носков и чулок шерстяных, 8555 ватных фуфаяк, 7789 ватных брюк, 6598 кальсон, 9699 рубашек, собрано и переработано 26505 кг шерсти и т.д. Только к 24-й годовщине Красной Армии бойцам Южного фронта было отправлено 8 вагонов подарков (62,5 тонны) и к 1 мая – еще 8 вагонов подарков (65 тонн) [2, с. 358].

Несмотря на малочисленность населения (220684 человека по переписи 1939 г.), невысокий уровень производительных сил, аграрно-животноводческая республика мобилизовала все людские и материальные ресурсы для помощи фронту: в течение нескольких месяцев 1941 – 1942 гг. за счет собственных ресурсов, не считая оружия и боеприпасов, была сформирована и обучена 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия [3, с. 9]; в ряды отрядов всеобщего военного обучения и народного ополчения вступило до 18 тысяч человек; 1582 женщины приобрели специальности медсестер и сандружиниц; более 80 тысяч человек было обучено мерам противовоздушной и противохимической обороны.

За 8 первых месяцев войны (июнь 1941 – март 1942 гг.) Калмыкия поставила в Красную Армию более 16 тыс. лошадей [4, с. 117], 700 автомашин и сотни тракторов, в фонд обороны страны на строительство танков и самолетов было перечислено 20 млн рублей, направила свыше 20 тысяч воинов. Взамен ушедших на фронт мужчин сразу же была начата подготовка специалистов из числа женщин: трактористок, комбайнеров, шоферов [2, с. 357].

В октябре 1941 года было начато строительство железной дороги Кизляр – Астрахань, имевшей народно-хозяйственное и стратегическое значение [5, с. 73]. А уже в декабре почетными грамотами Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР за отличную работу и высокую

производительность труда были награждены 39 колхозников Улан-Хольского улуса.

Жители Калмыкии участвовали и в строительстве Донского оборонительного рубежа. Несмотря на неблагоприятные погодные условия и военную обстановку, они прошли более 250 км до указанного им района на Дону (ст. Цимлянская) и в короткий срок выполнили огромный объем земляных работ (1,5 млн кубометров земли) [5, с. 73]. За этот трудовой подвиг, самоотверженную работу, перевыполнение дневных норм 127 женщин были награждены Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР.

В течение всей войны постоянно росло и принимало новые формы движение по оказанию помощи фронту. Помощь тружеников тыла Красной Армии была многогранной: сбор средств в Фонд обороны страны, приобретение на личные сбережения боевой техники, забота о семьях фронтовиков, о раненых воинах, нескончаемые потоки на фронт индивидуальных и коллективных писем, вещевых и продовольственных посылок.

Осенью 1941 г. было положено начало созданию Хлебного фонда обороны. Бюро обкома партии и Совнарком республики разрешили колхозам отчислять в новый фонд 5–10 % зерна от валового сбора из урожая 1941 года. Основной формой этого движения были хлебоуборочные комсомольско-молодежные воскресники, на которых активно работали все, включая домохозяек и престарелых.

В 1941 г. Советское правительство объявило о создании Фонда обороны страны. Значительные суммы вносили как целые организации, так и частные лица. Впоследствии это движение превратилось в организацию продовольственной и денежной помощи, так как в этот фонд в большом количестве направляли скот, деньги, ценности, продукты животноводства, полеводства и рыболовства. На 25 августа 1941 г. в Фонд было сдано 3 млн 835 тыс. руб., из них наличными деньгами 268 тыс. руб., облигациями – 2890 тыс. руб. Кроме того, было внесено большое количество скота, серебряных и золотых вещей и т.д. По состоянию на 15 декабря 1941 г. в Фонд обороны частными лицами было внесено более 12,5 млн рублей, из них на постройку самолетов – 1 млн 417 тыс. рублей, на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия» – 3 млн 468 тыс. рублей.

На конец 1941 г. в Фонд обороны гражданами республики было внесено 13 млн 760 тыс. рублей, 1 388 ц зерна, 8 869 ц мяса и многое другое.

К 1 марта 1942 весь денежный фонд строительства военной техники составил 14 млн 206 тыс. руб.

В начальный период войны с оккупированных немцами территорий в республику прибыло большое количество эвакуированных семей, к которым отнеслись с вниманием, обеспечили их одеждой, продуктами, предметами быта, организовали снабжение топливом, проявляли заботу о детях.

В 1943 г. в республике была организована большая работа по оказанию помощи населению районов Калмыкии, пострадавшему от немецкой оккупации – для них также собирали одежду, посуду, деньги. За месяцы оккупации немцы разграбили и разгромили хозяйство совхозов, МТС и колхозов, сожгли сотни больниц, детских садов и других культурно-бытовых учреждений, расстреляли и замучили 800 человек в Элисте и около 2 тыс. по всей Калмыкии, более 2 тыс. угнали в Германию на принудительные работы. Во время оккупации фашисты уничтожили 118 начальных школ, 32 семилетние и 17 средних школ, лишили возможности обучаться 21409 детей [6, с. 307].

Огромный труд был вложен в дело восстановления учреждений культуры и просвещения: в короткий срок были отремонтированы здания всех начальных школ и приспособлено несколько десятков зданий для семилетних и средних школ, выделено 40800 экземпляров учебников на русском языке и 22 тыс. экземпляров – на калмыцком языке. Для материально необеспеченных детей в республике было организовано 80 интернатов при школах [6, с. 308].

Перед республикой встал вопрос быстрого восстановления животноводства и промышленности, так как фронт остро нуждался в мясе, масле, молоке, шерсти, коже. К осени 1943 г. работало 142 колхоза, 17 МТС, 13 совхозов, 53 предприятия местной промышленности и промысловой кооперации.

Продолжался сбор в Фонд обороны: к 1 июля 1943 г. по республике было собрано 8 млн рублей на строительство танков и больше 1 млн рублей на восстановление столицы республики г. Элисты. За первые три дня сумма подписки составляла 22 млн рублей вместо 6 млн рублей по ориентировочному плану [6, с. 305]. И работа эта продолжалась до самого 28 декабря 1943 г. – трагического дня ликвидации Калмыцкой АССР и насильственной депортации калмыцкого народа в Сибирь.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 281.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиляшова М.Н. Военно-патриотическое движение в Калмыкии в первый год Великой Отечествен-

ной войны // Проблемы всеобщей и отечественной истории. Вып. 2. Элиста, 1997. С. 64–69.

2. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002.

3. Убушаев В.Б. Вклад трудящихся Калмыкии в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. // Вклад народов Северного Кавказа

в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Элиста, 2005. С. 8–11.

4. Калмыкия в истории СССР. Элиста, 1968.

5. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007.

6. Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма. М., 1970.

ББК 63.3 (2) 622-2

КУЛЬТУРА КАЛМЫКИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е.В. Сартикова

В статье рассматривается развитие культуры Калмыкии в годы Великой Отечественной войны, перестройка учреждений культуры в соответствии с задачами военного времени.

Ключевые слова: *культура, ущерб, восстановление.*

The article is devoted to the development of culture of Kalmykia within the Great Patriotic War, the reorganization of establishments of culture according to tasks of military time.

Keywords: *culture, damage, restoration.*

Начавшаяся 21 июня 1941 года Великая Отечественная война прервала мирную жизнь советских людей. Государство приступило к перестройке всех сфер жизни страны на военный лад. Свой вклад в победу над гитлеровским фашизмом предстояло внести и советской культуре.

К 1940 г. в Калмыцкой АССР функционировали 140 библиотек, в которых насчитывалось 107705 экз. книг и журналов, 198 клубных учреждений, в том числе 150 в сельской местности, 1 музей, 3 профессиональных театра, а также 28 киноустановок, в том числе 25 в сельской местности [1, с. 37].

Наиболее оперативно перестраивалась деятельность средств массовой информации, нацеленных на развертывание агитационно-пропагандистской работы на фронте и в тылу [2]. Решению этих задач были подчинены радиовещание, все виды печати, в том числе военной, деятельность государственных и общественных организаций, культпросветучреждений и т.д. В Калмыцкой АССР агитационно-пропагандистская работа в дни войны получила значительный размах. За два с половиной месяца 1942 года по городу было проведено более 100 тыс. бесед и чтот, 1274 собраний и митингов, 470 докладов и лекций, всеми этими мероприятиями обслужено более 900 тыс. человек. В результате проделанной агитационно-массовой и политической работы значительно возросли политическая активность, производственный героизм трудящихся города, о чем свидетельствовали следующие данные:

– для Красной Армии собрано более 145 тыс. вещей, из них в 1942 г. – 42500;

– в фонд обороны страны передано трудящимися 6242600 руб. облигаций государственных займов на 4891 руб.;

– на строительство танков и самолетов передано более 400 тыс. руб.

– трудящиеся послали бойцам, командирам и политработникам 2232 посылки, 4 вагона рыбных и овощных изделий [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 772. Л. 1].

Культпросветучреждения и в условиях войны оставались одним из центров сосредоточения политической и культурной жизни страны. Государственный комитет обороны постановил освободить все помещения клубов и дворцов культуры, которые использовались для других целей [3, с. 109]. В период войны работники культурно-просветительных учреждений Калмыкии, несмотря на чрезвычайные трудности военного времени, проводили разностороннюю работу среди населения по пропаганде политических и научных знаний. В ликпунктах, народных домах, библиотеках, избах-читальнях проводились доклады о международном и внутреннем положении Советского государства, вечера читателей, обсуждения произведений художественной литературы, читались лекции на оборонные темы: «Великая Отечественная война советского народа», «Фашизм несет рабство народам», «Красная Армия непобедима», «Партизанская война советских патриотов в тылу фашистской армии» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 612. Л. 29]. В 1942 г.

ной войны // Проблемы всеобщей и отечественной истории. Вып. 2. Элиста, 1997. С. 64–69.

2. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002.

3. Убушаев В.Б. Вклад трудящихся Калмыкии в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. // Вклад народов Северного Кавказа

в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Элиста, 2005. С. 8–11.

4. Калмыкия в истории СССР. Элиста, 1968.

5. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007.

6. Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма. М., 1970.

ББК 63.3 (2) 622-2

КУЛЬТУРА КАЛМЫКИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е.В. Сартикова

В статье рассматривается развитие культуры Калмыкии в годы Великой Отечественной войны, перестройка учреждений культуры в соответствии с задачами военного времени.

Ключевые слова: *культура, ущерб, восстановление.*

The article is devoted to the development of culture of Kalmykia within the Great Patriotic War, the reorganization of establishments of culture according to tasks of military time.

Keywords: *culture, damage, restoration.*

Начавшаяся 21 июня 1941 года Великая Отечественная война прервала мирную жизнь советских людей. Государство приступило к перестройке всех сфер жизни страны на военный лад. Свой вклад в победу над гитлеровским фашизмом предстояло внести и советской культуре.

К 1940 г. в Калмыцкой АССР функционировали 140 библиотек, в которых насчитывалось 107705 экз. книг и журналов, 198 клубных учреждений, в том числе 150 в сельской местности, 1 музей, 3 профессиональных театра, а также 28 киноустановок, в том числе 25 в сельской местности [1, с. 37].

Наиболее оперативно перестраивалась деятельность средств массовой информации, нацеленных на развертывание агитационно-пропагандистской работы на фронте и в тылу [2]. Решению этих задач были подчинены радиовещание, все виды печати, в том числе военной, деятельность государственных и общественных организаций, культпросветучреждений и т.д. В Калмыцкой АССР агитационно-пропагандистская работа в дни войны получила значительный размах. За два с половиной месяца 1942 года по городу было проведено более 100 тыс. бесед и чтот, 1274 собраний и митингов, 470 докладов и лекций, всеми этими мероприятиями обслужено более 900 тыс. человек. В результате проделанной агитационно-массовой и политической работы значительно возросли политическая активность, производственный героизм трудящихся города, о чем свидетельствовали следующие данные:

– для Красной Армии собрано более 145 тыс. вещей, из них в 1942 г. – 42500;

– в фонд обороны страны передано трудящимися 6242600 руб. облигаций государственных займов на 4891 руб.;

– на строительство танков и самолетов передано более 400 тыс. руб.

– трудящиеся послали бойцам, командирам и политработникам 2232 посылки, 4 вагона рыбных и овощных изделий [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 772. Л. 1].

Культпросветучреждения и в условиях войны оставались одним из центров сосредоточения политической и культурной жизни страны. Государственный комитет обороны постановил освободить все помещения клубов и дворцов культуры, которые использовались для других целей [3, с. 109]. В период войны работники культурно-просветительных учреждений Калмыкии, несмотря на чрезвычайные трудности военного времени, проводили разностороннюю работу среди населения по пропаганде политических и научных знаний. В ликпунктах, народных домах, библиотеках, избах-читальнях проводились доклады о международном и внутреннем положении Советского государства, вечера читателей, обсуждения произведений художественной литературы, читались лекции на оборонные темы: «Великая Отечественная война советского народа», «Фашизм несет рабство народам», «Красная Армия непобедима», «Партизанская война советских патриотов в тылу фашистской армии» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 612. Л. 29]. В 1942 г.

в Калмыцкой АССР работали 333 политико-просветительных учреждения: изб-читален – 110, кино клубов – 90, Домов культуры – 9, улусных библиотек – 13, сельских библиотек – 18, центральных библиотек – 2, городская библиотека – 1, красных уголков – 90 [4, с. 151].

Вся работа политико-просветительных учреждений проходила под лозунгом «Все для фронта! Все на разгром врага!». Избы-читальни, клубы, Дома культуры и библиотеки проводили большую работу среди населения, разъясняя сообщения Совинформбюро и газеты «Правда». Для оказания практической помощи работникам политпросветучреждений и улучшения политпросветработы Наркомпросом были проведены улусные совещание политпросветработников в Малодербетовском, Лаганском, Приволжском, Западном, Долбанском, Уланхольском, Троицком улусах. Большинство политико-просветительных учреждений перестроили свою работу на военный лад и неплохо работали. Например, в Приволжском Доме культуры была организована агитбригада из 25 человек, которая выезжала в ближайшие колхозы с постановками. Эта бригада дала 6 концертов на военно-оборонные темы; организовала хоровые выступления («Священная война», «Ответ врагу»); художественное чтение («Бдительность», «Трубите атаку»); инсценировки («В эти дни», «Маринка» и др.). Демонстрировались кинокартины «Если завтра война», «Победа будет за нами» [4, с. 152]. При Доме культуры имелся стол справок, была оформлена витрина на тему «Все силы народа на разгром врага» [4, с. 152].

Большое внимание политпросветучреждения уделяли военно-оборонной работе: в избах-читальнях, клубах, Домах культуры работали 197 кружков ПВХО (противовоздушная и химическая оборона) и ГСО («Будь готов к санитарной обороне»), которыми были охвачены 2721 человек. Занятия проводились не реже одного раза в неделю без отрыва от производства. Председателю ЦСОАХ т. Добросердову обком ВКП(б) поручил потребовать от руководителей групп «обучить асоавиахимовцев в совершенстве знать ручное оружие, владеть им, метко стрелять; научить правилам маскировки, скрытности от наземных и воздушных сил противника; выработать у каждого воинскую дисциплину, настойчивость, смелость, инициативу, выносливость» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 521. Л. 10]. Неплохо работала Бюдермис-Кебютювская изба-читальня Западного улуса: регулярно сообщалась информация об Отечественной войне; работали оборонные кружки ПВХО, ГСО, актив избы-читальни регулярно проводил беседы среди населения. При Доме культуры Долбанского улуса была организована разъездная культбригада для обслуживания населения, находящегося на производстве, в колхозах

улуса. На спецстроительстве культбригадой было дано 16 спектаклей. В программу культбригады входили небольшие пьесы на антифашистские темы, исполнение старых народных песен и песен советских композиторов и т. д.

В Баруновской избе-читальне Приволжского улуса занимались в кружке ПВХО 43 человека. В Гашун-Бургустинской, Хапчинской избах-читальнях Кетченеровского улуса проводились занятия по оказанию первой помощи пострадавшему от отравляющих веществ, изучали материальную часть винтовки [4, с. 152].

Важную роль в проведении культурно-массовой и идейно-воспитательной работы играло кино. В мае 1944 г. Оргбюро ЦК приняло постановление «О производстве киножурналов и документальных фильмов». В августе того же года по решению ЦК партии был создан художественный совет по делам кинематографии при СНК СССР [5, с. 19]. Государственные органы, прежде всего Комитет по делам кинематографии, предпринимали серьезные усилия для того, чтобы сохранить существующую киносеть. В республике работало 17 стационарных и 22 передвижных киноустановок (из них 11 звуковых).

Многие театральные коллективы страны активно включились в культурное обслуживание нужд фронта. При Комитете по делам искусств при СНК СССР было создано специальное Управление фронтовых театров. К 1944 г. имелось 25 фронтовых театров [5, с. 11]. В период Великой Отечественной войны Калмыцкий драматический театр развернул свою творческую деятельность в соответствии с идейно-политической задачей военного времени. В октябре 1941 г. русская труппа драматического театра подготовила спектакль «Ключи Берлина» Финна и Гуса. В феврале 1942 г. калмыцкая труппа под руководством Н. Ц. Эрендженова выехала на гастроли по улусам. В ее репертуаре были спектакли «Запоздалый богач», «Песня о матери» Б. Басангова. Творческие коллективы театра готовили также специализированные концерты для колхозников, рабочих и воинских частей. В столице республики в эти годы успешно работали филармония и кукольный театр. Только для воинов 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии коллективы театров дали 25 концертов.

В годы войны партийным и государственным органам удалось поддерживать деятельность музыкальных коллективов. В 1941 г. в республике работали шесть эстрадных коллективов, в том числе оркестр народных инструментов и национальный ансамбль песни и танца, 210 кружков художественной самодеятельности, в том числе 71 драматический, 21 хоровой, 54 музыкальных, 10 изобразительного искусства и свыше 40 самодеятельных ансамблей [6, с. 284, 285].

В духовном обеспечении победы советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками были призваны сыграть свою роль литература и искусство. Издательство «Искусство» объединяло многих художников, работавших в жанре военного плаката. За годы войны было выпущено свыше 800 различных плакатов общим тиражом в 34 млн экземпляров. В работе возникших в военной обстановке «Окон ТАСС» участвовало 130 художников и 80 поэтов [5, с. 17].

Художники Калмыкии также подчинили свои творческие силы задачам разгрома немецко-фашистских войск. Их вклад особенно был заметен в создании плакатов. Уже в первые дни войны появились сатирические плакаты И. Нухаева, выпущенные местным издательством: «Смерть озверелому фашизму!», «Уничтожим фашистскую гадину!».

Регулярный выпуск «Окон ТАСС» осуществлялся при активной творческой поддержке местных поэтов. «Окна ТАСС» помогали мобилизовывать народные массы на победу над гитлеровскими полчищами. Отдельные выпуски были посвящены теме помощи фронту: «Собрать без потерь урожай – помочь фронту!» Р. Богославского, «Первые пуды хлеба – фронту!» И. Нухаева и др.

Работая над различными видами наглядной агитации, художники Калмыкии не оставляли работу и над произведениями станковой живописи. В марте 1942 г. на республиканской художественной выставке, кроме сатирических плакатов, художники показали произведения, воплощавшие общий патриотический подъем советского народа. Здесь были и батальные темы, отображающие сражения на фронтах Отечественной войны, и портреты воинов-героев, сюжеты о жизни своей республики и подвигах прошлого.

Наиболее доступным средством мобилизации советских людей на борьбу с врагом было печатное и устное слово. Большую работу по идейно-политическому и патриотическому воспитанию трудящихся выполняла печать Калмыкии. В первый период войны издавались четыре республиканские газеты: «Ленинский путь» (на русском языке), «Улан хальмг» (на калмыцком языке), молодежная газета «Улан багчуд» (на русском и калмыцком языках), детская газета «Ленина ачнр». В каждом улусе также выходила газета на русском и калмыцком языках. Союз писателей Калмыкии имел свой периодический журнал «Улан туг». Калмыцкое книжное издательство в годы войны выпускало на русском и калмыцком языках общественно-политическую и художественную литературу.

Новое патриотическое звучание получили в годы войны песни калмыцкого героического эпоса «Джангар». Джангарчи выступали не только

как исполнители песен о подвигах богатырей, но и как авторы оригинальных произведений.

В оккупированных улусах фашисты уничтожили 21 библиотеку, 8 Домов культуры, 72 избы-читальни, 10 кинотеатров, 39 кинопередвижек, республиканскую библиотеку, драмтеатр [НА РК. Ф. Р-25. Оп. 3. Д. 7. Л. л. 9, 28, 34] и пр. Фашисты вывезли, уничтожили музейные экспонаты, 440 тыс. экземпляров книг, в том числе пединститута – 50 тыс. томов, центральной библиотеки – 300 тыс. экземпляров, детской и городской библиотеки – 60 тыс., института усовершенствования учителей – 20 тыс. экземпляров, научно-исследовательского института языка, литературы и истории – 10 тыс. томов, научных рукописей – 500 печатных листов [1, с. 259].

На территории неоккупированных районов осталось 14 библиотек, 5 домов культуры, 38 избы-читален. После освобождения оккупированной территории уже к осени 1943 г. многие культурно-просветительные учреждения были восстановлены [1, с. 309].

В мае 1943 г. вернулся в Элисту Калмыцкий государственный театр. Его репертуар значительно пополнился. Удачно использовав средства сатиры из богатого арсенала калмыцкого фольклора, Б. Басангов написал сатиру на Гитлера, которая имела большой успех у зрителей. До возвращения в Элисту русская и калмыцкая труппы гастролировали с концертно-эстрадной программой в Уланхольском, Лаганском и Долбанском улусах. В составе труппы выступали заслуженные артисты Калмыцкой АССР У. Лиджиева, К. Джапова, композитор-методист С.-Г. О. Дорджин.

На 1 декабря 1943 г. в освобожденных районах работали 6 домов культуры, республиканская библиотека, 62 избы-читальни. Оборудование, литература и наглядные пособия для этих политико-просветительных учреждений были собраны у населения с помощью комсомольцев, молодежи и политработников. Всего в республике на 1 декабря 1943 г. работали: 8 домов культуры, 13 районных библиотек, 97 избы-читален и клубов. Штат культурно-просветительных работников был укомплектован. В этих учреждениях работали 32 освобожденных политпросветработника, 55 учителей и секретарей сельских советов по совместительству.

С первых же дней изгнания немецких оккупантов политпросветучреждения направили свою работу на разоблачение лживой немецкой пропаганды. В течение февраля, марта и апреля 1943 г. работа политпросветучреждений была направлена на успешную подготовку и проведение весенне-полевых работ.

В феврале были организованы 2-х дневные курсы-семинары работников по вопросу массо-

во-политической работы. Агитаторы в клубах, избах-читальнях собирали народ, приводя факты зверств, насилия и разрушения, рассказывали, какой большой ущерб нанесли немецкие захватчики народному хозяйству и населению нашей республики.

В период весеннего сева агитаторы прочли свыше 200 докладов и бесед, культбригады организовали 280 концертов, выпущено было 500 боевых листков и стенных газет. Большую работу среди колхозников во время уборочной компании провела изба-читальня с. Промысловка Долбанского улуса (зав. – учительница Щербинина). Изба-читальня через своих активистов провела сбор литературы среди населения, пополнила свой книжный фонд и направила в полевые станы литературу, плакаты, лозунги, шахматы. По улусам при избах-читальнях были организованы агитбригады. По республике всего было организовано 13 агитбригад. Хорошо работала агитбригада Малодербетовского района, которая показала 17 постановок и концертов, провела 45 чтот и бесед, выпустила 17 стенных газет, боевых листков. Эта бригада являлась образцом культурно-просветительной работы среди колхозников.

В апреле 1943 г. Президиум ВЦСПС принял специальное постановление о проведении смотров художественной самодеятельности [3, с. 25]. По всей республике широко развернулась работа по подготовке к смотру художественной самодеятельности. При клубах, избах-читальнях были организованы драматические, хоровые, струнные кружки. Готовились пьесы, песни, массовые народные танцы, сольные номера, чтецы художественного чтения. По предварительным данным (имелись сведения от 8 улусов) работали: драматических и хоровых кружков – 74, ансамблей песни и пляски – 9, струнных оркестров – 3, певцов-частушечников – 31, музыкантов – 31, танцоров – 56, чтецов и сказителей – 6.

В Троицком улусе работали 11 драматических и хоровых кружков. Готовились сольные номера. В колхозе «18 партсъезд» Приютненского улуса были созданы драматический и хоровой кружок. Драматический кружок готовил пьесу «Чууча» на калмыцком языке. Струнный квартет репетировал на калмыцком языке народные песни. В доме культуры им. В.И. Ленина пос. Кануково по инициативе культмассовой комиссии ЦК ВЛКСМ под руководством Зикановой готовилась одноактная пьеса «Смерть врага». В педагогическом училище к смотру готовился концерт хоровых и индивидуальных номеров (рук. Якобсон). В программе концерта были песни о Сталинграде, «В бой за Родину» и другие. Средняя школа под руководством Якобсона подготовила большой концерт с хоровыми и сольными песнями. Разучивалась песня девушек-бойцов «Лейтенант

Галимов», готовились постановки «Бессмертие», «Ваня Ястребок», «Победа» и другие. Коллектив рыбного завода «Улан хальмг» под руководством т. Афанасьева подготовил концерт.

В Юстинском улусе работали 7 драмкружков, 7 хоровых, 6 ансамблей песни и пляски, 1 оркестр народных инструментов, 13 певцов, 16 музыкантов, 14 танцоров и 4 чтеца. В Черноземельском улусе – 3 драмкружка, 6 хоровых кружков, 1 оркестр народных инструментов, 7 музыкантов-скрипачей, 4 танцора, 3 сказителя. Репертуар состоял из народных песен, музыки, рассказов и произведений советских писателей и композиторов.

Серьезно к смотру художественной самодеятельности Долбанского улуса готовились клубы центрального дома культуры, где работа была хорошо поставлена, и клуб Первомайского рыбзавода. Слабо была развернута работа по художественной самодеятельности в г. Элисте. Подготовкой к смотру занимались только школы и военкомат, которые демонстрировали свое выступление в день юбилея комсомола и в день 26-й годовщины Октябрьской революции [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 881. Л. 18].

После освобождения части территории Калмыцкой АССР от немецких оккупантов сильно была разрушена вся система кинофикации. В городе Элиста были взорваны немцами мастерская, склады вместе с кинозапасными частями. Здание кинотеатра «Родина» уцелело, но сильно пострадало от бомбежки. Внутреннее оборудование полностью было разрушено. Здания кинотеатров сильно пострадали и требовали большого ремонта. Аппаратура и имущество были полностью уничтожены. По всей республике с февраля 1943 г. было 8 киноустановок: из них стационаров – 5, передвижных – 3 (против 63 установок, имевшихся до эвакуации). Нужно было быстро восстановить все киноустановки для обслуживания трудящихся освобожденных улусов. Кинофикация получала подкрепление из Москвы, Тбилиси, Саратова и Ташкента: были получены киноустановки, 4 электростанции и запасные части. В 1943 г. из Москвы дополнительно получили киноаппаратуру, электростанции, запасные части и киноустановки. Несмотря на то, что во всех улусах имелись киноустановки, часто бывали перебои с демонстрацией кинокартин. Это объяснялось тем, что киномеханики не имели опыта работы, имели также место недостаток горючего и задержка в переброске кинокартин в улусы. Временно не работали киноустановки ввиду ремонта киноаппаратуры в Сарпе, Яшкуле, Юсте; лучше обстояли дела с демонстрацией кинокартин в Кануково, Башанте, Приютном, Лагани и селе Вознесенка [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 881. Л. 19].

Демонстрировались картины на боевые, патриотические и бытовые темы: «Антоша Рыбкин», «Яков Свердлов», «Секретарь райкома», «Сталинград», «Ленинград в борьбе», «Парень из нашего города», «Партизаны в степях Украины» и др. В июле-августе 1943 г. по всем улусам проходил кинофестиваль «Отечественная война советского народа против немецких захватчиков». Перед демонстрацией кинокартин читались доклады об Отечественной войне. Были организованы выставки в фойе кинотеатров. С большим успехом прошел кинофестиваль в Приютном, Лагани, Долбане, Кануково. Для полного восстановления кино в республике необходимо было добиться замены устаревших киноустановок, которые часто работали с большими перебоями. Новая аппаратура для киноустановок была отгружена из Москвы. Требовались квалифицированные киномеханики.

Немецко-фашистские захватчики за время оккупации части территории Калмыцкой АССР разрушили 13 радиоузлов, 128 км радиотрасс и 4888 радиоточек. Кроме этого, ими разрушено 11 радиоузлов, принадлежащих совхозам, колхозам и МТС, 38 эфирных радиоприемных устройств в этих же организациях и уничтожены почти все репродукторы у населения [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 881. Л. 20].

На 1 января 1943 г. радиоузлов было 4; радиотрасс – 38, радиоточек – 1042, эфирных установок коллективного пользования – 3. Восстановлено 17 радиоузлов, 650 радиоточек, 10 эфирных установок коллективного пользования. Кроме этого, вне плана приступили к строительству радиоузла в селе Образцово Долбанского улуса. Там, где не было радио (в Лаганском, Долбанском, Западном районах), сводки информбюро передавали по телефону. В некоторых улусах (например, в Яшалтинском) радио зачастую работало с перебоями из-за недостатка питания.

Вся агитационно-пропагандистская работа проводилась главным образом на усиление помощи фронту для скорейшего разгрома ненавистного врага, в борьбе за восстановление народного хозяйства, проведение весеннего сева на высоком агротехническом уровне, на борьбу за восстановление поголовья животноводства республики в 1943 году.

Огромные задачи, стоящие перед республикой, потребовали напряжения сил и энергии трудящихся и активной помощи им со стороны агитационно-пропагандистских кадров.

По республике работал 231 агитколлектив, включавшие 2127 агитаторов. Число агитколлективов и агитаторов после пленума Обкома ВКП (б) значительно возросло. В числе агитаторов коммунисты составляли 28,5 %, комсомольцы 37,5 % и беспартийные 34 %, женщин

агитаторов – 50 %. Ими, по неполным данным, проведено 1047 докладов, 6611 бесед и чтений, свыше 130 лекций с охватом населения 147451 человек [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 881. Л. 50].

В результате проведенной агитационно-пропагандистской работы было собрано средств на танковую колонну «Советская Калмыкия» около 8 миллионов рублей и на восстановление г. Элисты свыше 1 млн 300 тыс. рублей.

Можно привести много фактов работы отдельных агитколлективов и агитаторов. Так, например, агитколлективы колхоза «Шин-Мер» (рук. Эрдгошев), колхоза им. Коминтерна (рук. Буваева) Кетченеровского улуса своей действенной и доходчивой агитацией добились хорошей работы колхозников по восстановлению хозяйств в колхозах, организовали сбор сельскохозяйственного инвентаря, засыпали полностью семена для весеннего сева. Лучший агитатор Керма Бакланова провела 8 бесед и чтений, на которых присутствовал 451 человек. Собрала средств на танковую колонну в сумме 6618 рублей.

На 1 мая 1943 г. в республике имелось 101 витрина для вывешивания центральных и республиканских газет: в Малодербетовском – 14, в Лаганском – 22, Приволжском – 10, Черноземельском – 9, Троицком – 13. Кроме газет, во всех улусах вывешивались лозунги. Так, в Малодербетовском улусе было размещено всего 354 лозунга, например, «Отечественная война против немецких захватчиков», «В борьбе за проведение весеннего сева», «По восстановлению народного хозяйства» и т.д.; в ряде улусов были организованы фотовыставки «На фронтах Отечественной войны».

Но в проведении агитмассовой работы имелись некоторые недостатки: далеко не все коммунисты и комсомольцы проводили политическую работу среди населения; агитацией были охвачены не все слои населения, несвоевременно информировалось население о событиях внутренней и международной жизни страны.

В освобожденных улусах первые номера газет вышли в Малодербетовском, Сарпинском, Яшалтинском, Кетченеровском, Западном, Черноземельском. Стенных газет в республике выпускалось 244. Так, в Кетченеровском улусе выпускалось 28 стенгазет [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 881. Л. 55]. В этом улусе хорошо была поставлена работа стенных газет в колхозе им. Буденного, «Ленина», «Шир-Мер», «Карла Маркса», в колхозах стенгазеты выходили регулярно и показывали образцы работы передовиков производства.

По республике имелось 70 изб-читален и 39 клубов, которые проводили культурную работу среди трудящихся и всего населения. Так, в Малодербетовском улусе работали 11 изб-читален и 4 клуба. При клубах организовано 5 кружков

самодетельности и 5 хоровых кружков. Создан актив в количестве 65 человек. В Приволжском улусе – 8 клубов и 7 изб-читален. Дом культуры в п. Кануково ежедневно демонстрировал кинофильмы, действовали кружки драматической самодеятельности. В большинстве улусов были установлены радиоузлы и во всех улусах – радиоприемники.

В августе 1943 г. ЦК партии принял специальное постановление об усилении культурно-просветительской работы в освобождавшихся районах. Предусматривались меры по укреплению материальной базы учреждений культуры, восстанавливались клубы, библиотеки, избы-читальни, Дома культуры, театры, кинотеатры, радиовещание.

Таким образом, Великая Отечественная война внесла в систему организации культурной жизни свои специфические формы и методы. Содержание культурной политики было подчинено интересам победы. Это предопределило основное направление перестройки деятельности всех учреждений культуры. Говоря об усилиях по восстановлению культуры, нельзя не сказать и об огромном ущербе, нанесенном врагом культуре.

Калмыкия мобилизовала свой духовный потенциал и внесла немалый вклад в разгром врага.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. П-1, Р-25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007.
2. Комков Г.Д. Политическая пропаганда и агитация в годы тяжелых испытаний // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. М., 1990. С. 36–60.
3. Максакова Л.В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977.
4. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: документы и материалы. 3-е изд. Элиста, 2005.
5. Ермаков В.Т. Перестройка управления культурой на военный лад // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. М., 1990.
6. Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма. М., 1970.

ББК 63.3 (2 Рос = Калм.)

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 110-й ОТДЕЛЬНОЙ КАЛМЫЦКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ НА НИЖНЕМ ДОНУ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

С.С. Белоусов

В статье на основе воспоминаний военнослужащих 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии рассматриваются история формирования и боевые действия дивизии на Нижнем Дону летом 1942 года. Работа базируется на воспоминаниях очевидцев событий, хранящихся в Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Ключевые слова: 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия, оборона Нижнего Дона, Великая Отечественная война, национальные воинские формирования, военные мемуары.

In the article on the basis of memoirs of the military men of the 110 Separate Kalmyk horse division, the author investigates a history of formation and battle actions of the division Nizhni Don in the summer of 1942. The paper is based on memoirs of the eyewitnesses of events stored in Scientific archive of Kalmyk Institute of Humanitarian researches.

Keywords: 110 Separate Kalmyk horse division, defense of Nizhni Don, the Great Patriotic War, national military formations, military memoirs.

110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее ОККД) была сформирована на территории Калмыцкой АССР и приняла свое боевое крещение в оборонительных боях

на Нижнем Дону летом 1942 года. Сохранились воспоминания ветеранов этой дивизии, которые являются ценным источником по изучению истории формирования и боевого пути 110-й ОККД.

самодетельности и 5 хоровых кружков. Создан актив в количестве 65 человек. В Приволжском улусе – 8 клубов и 7 изб-читален. Дом культуры в п. Кануково ежедневно демонстрировал кинофильмы, действовали кружки драматической самодеятельности. В большинстве улусов были установлены радиоузлы и во всех улусах – радиоприемники.

В августе 1943 г. ЦК партии принял специальное постановление об усилении культурно-просветительской работы в освобождавшихся районах. Предусматривались меры по укреплению материальной базы учреждений культуры, восстанавливались клубы, библиотеки, избы-читальни, Дома культуры, театры, кинотеатры, радиовещание.

Таким образом, Великая Отечественная война внесла в систему организации культурной жизни свои специфические формы и методы. Содержание культурной политики было подчинено интересам победы. Это предопределило основное направление перестройки деятельности всех учреждений культуры. Говоря об усилиях по восстановлению культуры, нельзя не сказать и об огромном ущербе, нанесенном врагом культуре.

Калмыкия мобилизовала свой духовный потенциал и внесла немалый вклад в разгром врага.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. П-1, Р-25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007.
2. Комков Г.Д. Политическая пропаганда и агитация в годы тяжелых испытаний // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. М., 1990. С. 36–60.
3. Максакова Л.В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977.
4. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: документы и материалы. 3-е изд. Элиста, 2005.
5. Ермаков В.Т. Перестройка управления культурой на военный лад // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. М., 1990.
6. Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма. М., 1970.

ББК 63.3 (2 Рос = Калм.)

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 110-й ОТДЕЛЬНОЙ КАЛМЫЦКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ НА НИЖНЕМ ДОНУ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

С.С. Белоусов

В статье на основе воспоминаний военнослужащих 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии рассматриваются история формирования и боевые действия дивизии на Нижнем Дону летом 1942 года. Работа базируется на воспоминаниях очевидцев событий, хранящихся в Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Ключевые слова: 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия, оборона Нижнего Дона, Великая Отечественная война, национальные воинские формирования, военные мемуары.

In the article on the basis of memoirs of the military men of the 110 Separate Kalmyk horse division, the author investigates a history of formation and battle actions of the division Nizhni Don in the summer of 1942. The paper is based on memoirs of the eyewitnesses of events stored in Scientific archive of Kalmyk Institute of Humanitarian researches.

Keywords: 110 Separate Kalmyk horse division, defense of Nizhni Don, the Great Patriotic War, national military formations, military memoirs.

110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее ОККД) была сформирована на территории Калмыцкой АССР и приняла свое боевое крещение в оборонительных боях

на Нижнем Дону летом 1942 года. Сохранились воспоминания ветеранов этой дивизии, которые являются ценным источником по изучению истории формирования и боевого пути 110-й ОККД.

Главная их ценность заключается в том, что они позволяют восполнить многое из того, что не нашло отражение в скупых оперативных сводках, донесениях и в других материалах, хранящихся в Центральном архиве министерства обороны СССР.

Начало изучению истории дивизии было положено в 1960-е гг., когда калмыцкий народ возвратился из ссылки и полным ходом шло восстановление республики. Обратиться к истории 110-й ОККД ученых и общественность Калмыкии побудили не только ее неизученность, но и политические соображения. Дело в том, что дивизия являлась национальным формированием, при этом свой боевой путь она начала с тяжелейших оборонительных боев на Нижнем Дону, где советские войска потерпели поражение. Дивизия понесла большие потери, и, рассеянная на части, была вынуждена отступать. Эти трагические обстоятельства в годы ссылки по ложному обвинению калмыцкого народа и противозаконной ликвидации Калмыцкой АССР породили различные слухи и вымыслы. В мнении части населения сложились представления о неустойчивости морального духа личного состава дивизии, не позволившего ей по этой причине выполнить задачу, поставленную советским командованием в ходе оборонительных боев на Нижнем Дону, об оставлении без приказа позиций и переходе некоторых ее военнослужащих на сторону врага. Чтобы опровергнуть их, очень важно было восстановить ее действительную историю, которая могла быть написана только в результате скрупулезного анализа всех имеющихся источников. Исследование вклада населения Калмыкии и, в том числе, 110-й ОККД в общую победу над фашизмом актуально как для жителей республики, так и для исторической науки.

Первая подборка документов и воспоминаний о боевых действиях дивизии на Дону была опубликована в 1966 году в сборнике «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». В данном сборнике в специальный подраздел были выделены материалы по истории 110-й ОККД – это около 30 архивных документов и воспоминаний ветеранов [1, с.10]. В силу своей малочисленности и краткости данные материалы не могли дать полного представления об истории дивизии, кроме того, в воспоминаниях ветеранов 110-й ОККД содержались и ошибочные сведения, и отдельные искажения фактов, вызвавшие впоследствии критику со стороны их боевых товарищей.

Опубликованные в сборнике «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» документальные материалы послужили толчком к новым исследованиям по истории 110-й ОККД. В 1967 году был создан Совет ве-

теранов 110-й ОККД, который совместно с учеными Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы, истории (далее КНИИЯЛИ) принял решение о создании книги воспоминаний о боевых действиях дивизии. Возглавил эту работу кандидат исторических наук М.Л. Кичиков. Под его руководством были составлены и разосланы оставшимся в живых ветеранам опросные листы, разработана структура книги, начато выявление архивного материала.

Вскоре в КНИИЯЛИ стали поступать первые воспоминания бойцов и командиров 110-й ОККД об истории формирования дивизии и ее боевом пути. На предложение о сотрудничестве откликнулись бывшие представители командного и рядового состава 110-й ОККД: начальник политотдела, полковник А.И. Заднепрук, начальник штаба дивизии, подполковник И.А. Теврюков, начальник оперативного штаба, полковник Г.И. Бурмистров, военный прокурор дивизии, подполковник Д.С. Лебедкин, командир и комиссар 292 кавполка гвардии подполковники С.И. Ориночко и П.А. Кругляков, младшие командиры Н.В. Бадминов, И.Г. Ургадулов, Н.И. Даржинов, рядовой М.Г. Джунгуров и другие. Вместе с тем свои ответы на опросные листы и воспоминания прислали не все ветераны дивизии, не удалось разыскать и многих бывших командиров и политработников.

В переработанном виде воспоминания были включены в книгу воспоминаний военнослужащих 110-й ОККД об оборонительных боях на донском рубеже летом 1942 года. Эта книга вышла в Калмыцком книжном издательстве (г. Элиста) в 1969 году и называлась «В боях за Дон». В нее вошли 11 воспоминаний военнослужащих дивизии, отличающиеся различной степенью информативности. Наиболее ценные и интересные воспоминания дали представители командного состава дивизии, что не случайно, так как по своей должности эти люди руководили боевыми действиями и потому владели оперативной обстановкой и общей картиной боя. Воспоминания были опубликованы в переработанном виде: составители сборника исключили некоторые сюжеты из воспоминаний, посчитав их несущественными или же не служащими делу воспитания молодого поколения. Необходимо отметить, что сами ветераны ясно осознавали главную цель публикации и по этой причине не пытались включать в свои воспоминания сюжеты, способные вызвать критику со стороны партийно-государственных органов и составителей сборника. Ветераны принадлежали к поколению сталинской эпохи и поэтому знали, о чем можно писать и когда следует благоразумно промолчать.

Книга «В боях за Дон» содержит воспоминания ветеранов дивизии об истории формирования дивизии и ее боевом крещении на

Нижнем Дону. Первый раздел книги называется «Формирование 110-й ОККД», и для него были отобраны воспоминания, подготовленные в основном представителями командного состава дивизии.

Решение о создании национальных частей на территории Северо-Кавказского военного округа было принято Государственным Комитетом Обороны в ноябре 1941 года. Их формирование возлагалось на командование округа и власти национальных республик. Процесс формирования 110-й ОККД занял около полугода, в течение этого времени она обрела организационную структуру и личный состав, получила вооружение и прошла военную подготовку. Финансирование и материальное обеспечение (за исключением вооружения) дивизии осуществлялись за счет средств Калмыцкой АССР. В дивизию призывались мужчины преимущественно калмыцкой национальности в возрасте от 18 до 40 лет. К началу марта 1942 года практически завершилось ее укомплектование личным составом (4,5 тыс. сабель) [2, с. 42]. Одновременно дивизия получила вооружение и имущество. По воспоминанию начальника политотдела дивизии А.И. Заднепрука, перед выступлением на фронт дивизия «была вооружена на 80 – 85 % к штатному вооружению» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 88. Л. 3], поэтому довооружаться ей пришлось в канун боев на новом месте дислокации.

110-я ОККД была сформирована в составе 273, 292, 311 кавалерийских полков, 110-го отдельного конно-артиллерийского дивизиона (ОКАД), отдельного разведывательного кавалерийского эскадрона и нескольких небольших специальных и вспомогательных подразделений. В период своего формирования дивизия располагалась в населенных пунктах Сарпинского и Малодербетовского районов.

В опубликованных воспоминаниях ветеранов достаточно сжато говорится о трудностях, с которыми столкнулась дивизия в начальный период своего комплектования. Указывалось на отсутствие приспособленного для проживания большого количества людей жилья и помещений для конского состава, материальной базы для военного обучения бойцов и командиров, на трудности их обеспечения продовольствием и топливом, фуражом для лошадей. Многие из рядовых призывников-калмыков не проходили ранее действительную военную службу, не владели русским языком или плохо его знали. Это порождало проблемы при обучении военному делу и усложняло контакты с военнослужащими славянских национальностей, представители которых занимали многие командные должности. Так, согласно архивным документам, славяне составляли большинство среди командиров высшего и среднего

звена дивизии, калмыки преобладали в младшем комсоставе (70 % по состоянию на май 1942 г.) [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 210. Л. 35]. В целом по своей национальной принадлежности военнослужащие 110-й ОККД распределялись следующим образом: из 4597 человек 3186 человек были калмыками (70 %), 1160 – русскими (25,2 %), 214 – украинцами (4,6 %), 31 – белорусами, 106 – представителями других национальностей [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 210. Л. 35].

Руководству 110-й ОККД пришлось приложить немало усилий, чтобы из не знакомых с военным делом новобранцев подготовить обученных солдат. Их учили владению стрелковым и холодным оружием, тактике наступательного и оборонительного боя и, конечно же, конному делу. Учитывая специфику соединения, командование уделяло большое внимание обучению езде на лошадях и владению холодным оружием. Бывший помощник начальника оперативного отделения штаба 110-й ОККД Г.И. Бурмистров в своих воспоминаниях, хранящихся в научном архиве КИГИ РАН, указывал на то, что конная подготовка проводилась не только с рядовыми, но и с офицерами штаба, многие из которых были призваны из запаса и не знали верховой езды. Обучались езде на лошадях и медицинские работники медсанэскадрона, состоящего в большинстве из женщин. Бурмистров отмечал, что пополнение конского состава дивизии чаще всего осуществлялось за счет лошадей, не обученных под верховую езду и упряжь, поэтому предварительно их приходилось выезживать. В этом деле, по его словам, калмыкам не было равных [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 61].

К поступающим из хозяйств Калмыкии лошадям у командования имелись претензии. Начальник ветеринарной службы 110-й ОККД майор Д.С. Чепель в своих неопубликованных воспоминаниях писал: «На пополнение дивизии поступала в большинстве своем лошадь, не совсем отвечающая требованиям кавалерийской лошади...» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 210. Л. 50]. В первый день своего пребывания в дивизии он обнаружил среди конского пополнения больных лошадей, которых из-за отсутствия лекарств по его приказу поместили в наспех сооруженные простые газкамеры и немедленно окурили сернистым газом. Чтобы обеспечить командование дивизии хорошими лошадьми, Чепель по приказу начдива Панина совершил поездку в ближайший конский племязавод, где выбрал 10 – 15 «красивых лошадей». Дирекция племязавода крайне неохотно на это согласилась, так как уже отдала в действующую армию значительное количество племенных лошадей и берегла оставшихся [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 210. Л. 51].

Подготовка дивизии к будущим боевым столкновениям во многом зависела от уровня военной подготовки ее командного состава. При назначении на руководящие должности в дивизию Наркомат обороны СССР учитывал национальность офицера, наличие у него боевого и организационного опыта, а также опыта службы в национальных частях. Большинство ветеранов положительно и тепло отзывались о командире 110-й ОККД полковнике В.П. Панине, погибшем в 1944 г. при освобождении города Рогачева. В воспоминаниях приводятся многочисленные факты его деятельности по организации обучения личного состава дивизии. Начальник политотдела дивизии А.И. Заднепрук характеризует Панина как «высокоподготовленного», «культурного, политически грамотного», «скромного и дисциплинированного» офицера. Он отмечает хорошую военную подготовку начдива, его храбрость, уравновешенность и способность не теряться в сложных ситуациях [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 59]. В гражданскую войну и после ее окончания Панин служил в коннице. По свидетельству бывшего комиссара Отдельного конно-артиллерийского дивизиона 110-й ОККД В.С. Найдина, Панин метко стрелял и мастерски владел клинком (рубил с двух рук, на скаку перебрасывая саблю из одной руки в другую) [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 6]. Такими же хорошими конниками, обладавшими опытом боевых действий, среди старшего начсостава 110-й ОККД были заместитель комдива полковник В.А. Хомутников, полковой комиссар С.Ф. Заярный, начальник политотдела дивизии батальонный комиссар А.И. Заднепрук, начальник штаба подполковник М.Т. Бимбаев.

Комиссара Заярного А.И. Заднепрук характеризовал как очень требовательного командира, особенно нетерпимо относящегося к военнослужащим, совершившим аморальные поступки. Он приводит факт, когда «за нарушение партийной и командной этики и морали» был снят с должности командир 311-го кавалерийского полка М.С. Шарاپов. Относительно В.А. Хомутникова Заднепрук заметил, что ему, хотя он и был хорошим командиром, «в некоторых вопросах тактики, огневой подготовки не доставало глубоких знаний» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 59]. Эти пробелы, по словам комиссара, Хомутников, благодаря своему трудолюбию, впоследствии восполнил. По свидетельству Заднепрука, в феврале 1942 года Хомутников предложил руководству дивизии изготовить пики для сабельных эскадронов, однако на это оно согласия не дало.

К сожалению, составители сборника «В боях за Дон», авторы трижды переизданной книги по истории 110-й ОККД «В годы суровых испытаний» не в полной мере использовали материалы

ветеранов, касающиеся личных качеств руководителей дивизии. Поэтому их характеристики получились достаточно шаблонными, на что обратил внимание в свое время рецензировавший книгу воспоминаний «В боях за Дон» старший научный сотрудник Института военной истории СССР, кандидат исторических наук И.В. Ставицкий.

Работу по формированию и обучению дивизии возглавлял штаб дивизии, большинство офицеров которого являлись кадровыми военными. Подавляющее большинство из них (по воспоминаниям А.И. Заднепрука – 85 %), однако ранее в штабах и управлениях никогда не работали [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 59]. Офицерам пришлось упорно овладевать навыками штабной работы, так как от нее зависели успех управления подразделениями и взаимодействие между ними.

3 мая 1942 года 110-я ОККД получила приказ руководства Сталинградского военного округа о переходе в распоряжение командования Северо-Кавказского направления и передислокации в район Зимовники – Куберле. Дивизии предстояло скрытно пройти по открытой пересеченной местности 325 километров. Командование дивизии провело рекогносцировку маршрута и разработало политический план движения подразделений [2, с. 64]. Бывший военный комиссар 292-го полка П.А. Кругляков вспоминал, что командование дивизии опасалось чрезвычайных происшествий, которые могли возникнуть при прохождении частей через Сарпинский район Калмыцкой АССР и донские станицы. Для этого командиры и политработники подразделений взяли на учет всех военнослужащих, уроженцев Сарпинского района, и провели с ними беседы о том, как вести себя при встрече с родственниками. Предварительные встречи были также проведены с представителями населения донских станиц, через которые пролегал маршрут дивизии [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 61]. Редакция сборника «В борьбе за Дон» исключила данные факты из мемуаров Круглякова, не были они использованы и в последующих публикациях по истории дивизии.

Прибыв 26 мая в заданный район, 110-я ОККД получила приказ выдвинуться к реке Дон на рубеж между станицами Семикаракорская и Багаевская. Во время движения дивизии к фронту стояла хорошая, теплая погода, и бойцы радовались жизни, стараясь не думать о будущих боях и возможной своей гибели. Эти настроения людей, направляющихся в район боевых действий, хорошо донес до нас в своем письме лейтенант 311-го кавполка П.Е. Сякин. В датированном 12 июня 1942 года письме родным он пишет: «Лежа на спине в одном из садилов, смотрю, как,

низко склоняются ветки вишни, с ветки на ветку перелетают птички. Солнце своими лучами загоняет в тень. По небу плывут дымчатые облака. В этот день хочется жить, жить! И дышать полной грудью, вдыхая свежий воздух» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 197]. Через месяц автор письма погиб во время разведки в районе станицы Раздорской.

В первых числах июня 110-я ОККД прибыла в район новой дислокации и была введена в состав 51-й армии, перед которой командование Северо-Кавказского направления поставило задачу организации обороны на южном участке по левому берегу р. Дон. Из-за недостатка сил было решено обороняться путем создания системы опорных пунктов. Один из 7 боевых участков поручили защищать 110-й ОККД: ей предстояло оборонять местность между станицами Семикаракорская и Богаевская, шириною 58 километров и глубиной 40 километров. Командование 51-й армии, не имея других возможностей, вынуждено было использовать конную дивизию в качестве стрелковой. Так как оперативная плотность обороны 51-й армии в шесть и более раз была меньше уставной нормы, то она строилась методом прикрытия отдельных направлений, поддержания огневой связи, патрулирования и наблюдения за труднодоступными для действий войск участками фронта. Командование 110-й ОККД решило создать и оборудовать опорные пункты и узлы сопротивления в местах наиболее вероятного наступления противника, в первую очередь в районах переправ Раздорская, Мелиховская, Калинин, Багаевская [2, с. 83]. Эта вынужденная мера предопределила растянутость обороны, усложнила связь и управление между подразделениями, подвоз боеприпасов на позиции. Руководство дивизии особенно тревожил недостаток технических средств связи, которыми дивизия была обеспечена лишь на 15 – 20 %.

Оборону осложнял также рельеф местности. В своих воспоминаниях бывший комиссар 292-го кавполка П.А. Кругляков отмечал, что занимаемый дивизией левый берег Дона являлся поймой реки и был ниже правого. Это давало немцам возможность просматривать позиции 110-й ОККД на 10 – 12 километров вглубь, в то время как правый, занятый немцами берег просматривался на 400 – 500 метров в глубину. Ко всему прочему дивизия не имела танковой и авиационной поддержки. «Мы понимали, – писал Кругляков, – что такой рубеж обороны был бы по силам армии, оснащенной современной боевой техникой, но, видимо, не было такой возможности у командования фронта. Взвешивая все это, мы добавляли еще и то обстоятельство, что части дивизии вступают в бой впервые, что мы выполняем задачу прикрытия отхода некоторых частей и соедине-

ний фронта, задачу возможно дольше задержать врага на правом берегу р. Дон и тем самым дать возможность какой-то части войск фронта подготовиться к будущим сражениям. Иначе говоря, мы сознавали свою обреченность....» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 61].

Отрицательно на настроения военнослужащих дивизии также влияли переправлявшиеся через Дон и проходившие через ее порядки отступающие войска и эвакуирующееся гражданское население. По словам Круглякова, это «удручающе действовало на настроение» бойцов. Ввиду господства в небе немецкой авиации гражданские переправлялись в светлое время суток, а войска с целью минимизации потерь – ночью. Некоторые из отступающих удивлялись монголоидному облику бойцов дивизии, когда один из гражданских лиц поинтересовался – не китайцы ли это? – его арестовали и отправили на допрос в Особый отдел дивизии [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 61].

Данные свидетельства комиссара Круглякова не были включены в книгу «В боях за Дон», его составители, по-видимому, посчитали, что у читателей может сложиться мнение, отличающееся от принятого официального о высоком боевом духе военнослужащих дивизии накануне сражений. В опубликованных воспоминаниях при характеристике настроений, царивших в подразделениях, акцент делался на их высоком боевом духе, который поддерживался активной политико-пропагандистской работой. В подтверждение приводились факты многочисленных бесед и собраний, проводимых политработниками в подразделениях, выпусков газеты и листов, патриотические высказывания военнослужащих, данные, свидетельствующие об увеличении численности членов партии и комсомола и другие. При этом ничего не говорилось о трудностях и проблемах, с которыми сталкивался начсостав дивизии в политико-воспитательной работе. Некоторое представление о них дают воспоминания старшего писаря штаба 110-й ОККД Д.Ц. Арбакова, впоследствии перешедшего на службу к немцам. В интервью Э.-Б. Гучиновой в 1998 году он рассказал о письмах из дома, где близкие и родственники жаловались бойцам о начале эвакуации скота и вывоза продовольствия из Калмыкии властями. «Люди голодали, пухли, писали своим сыновьям и мужьям о смерти детей от голода, просили их быстрее вернуться домой», – эмоционально говорил он Э.-Б. Гучиновой. По словам Д.Ц. Арбакова, командование 51-й армии за время тяжелых семидневных боев не оказало никакой помощи дивизии, сражавшейся против превосходящего по численности и вооружению врага. «Мы были обречены на гибель. Плюс выгон скота из республики, голод родителей никак не настраивал солдат вести героическую борьбу», – резюмировал он [3, с. 77].

Оставшиеся в живых ветераны, безусловно, знали о негативных проявлениях в жизни военнослужащих дивизии, однако предпочли обойти их молчанием, видимо, полагая, что это может бросить тень на честь дивизии. В письме к руководителю исследовательской группы КНИИЯЛИ по написанию истории 110-й ОККД 18 мая 1971 года бывший военный прокурор дивизии Д.С. Лебедин высказался по этому вопросу вполне откровенно: «В своих воспоминаниях я стремился показать героизм некоторых бойцов и командиров, очевидцем которого являлся я сам, а не о том, кто и за что был привлечен к уголовной или дисциплинарной ответственности за совершенные преступления или проступки» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96]. Свое нежелание писать о них военный прокурор мотивировал соображениями морального характера, полагая, что это может навредить патристическому воспитанию подрастающего поколения.

В преддверии боев личный состав 110-й ОККД окапывался, совершенствовал свою боевую подготовку, проводил разведку на правом берегу Дона, вылавливал заброшенных немцами шпионов и диверсантов. Чтобы укрыть лошадей от обстрела, бойцы 292-го полка вырыли капониры в человеческий рост, которые обнесли плетнем и обваловали землей.

С приближением фронта через переправы усилился поток отступающих, потрепанных в боях частей Красной Армии. Бывший комиссар Отдельного конно-артиллерийского дивизиона 110-й ОККД В.С. Найдин, чьи мемуары не вошли в сборник «В боях за Дон», вспоминал, что через Багаевский мост, который оборонял его дивизион, круглосуточно шли «злые и голодные» военные. Комиссар дивизии Заярный приказал создать отряд из 40 человек, который должен был помогать начальнику переправы обеспечивать порядок и забирать оружие и боеприпасы у отходящих в тыл войск. Эта мера позволила восполнить недостаток вооружения и боеприпасов накануне боев. «Отходившие на новые рубежи, – писал Найдин, – передали нам 76-мм и 45-мм пушки, минометы, ПТР (противотанковые ружья), ручные пулеметы, гранаты, автоматы, боеприпасы, приборы, транспорт. Нашему примеру последовали и кавалеристы других частей дивизии. Мы вооружились до зубов. Некоторые отступающие солдаты присоединились к нам» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 9]. По свидетельству Найдина, в дивизию влилось около 50 отступавших солдат и 2 офицера-сапера, войсками было передано четыре 85-мм, три 75-мм и пять 45-мм орудий, одиннадцать ПТР, один счетверенный зенитный пулемет и две 37-мм зенитные пушки [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 21].

Уже упоминавшийся Д.Ц. Арбаков рассказывал Э.-Б. Гучиновой о размещении за спиной

110-й ОККД заградительного отряда НКВД, который получил приказ не допускать отступления и расстреливать покидавших позиции военнослужащих [3, с. 77]. Однако в воспоминаниях других военнослужащих дивизии этот факт не упоминается.

15 июля 1942 года немецкой авиацией впервые были нанесены бомбовые удары по переправам и боевым порядкам защищавших их подразделений дивизии. Появились первые потери. В последующие дни бомбежки продолжились. Вот как описывали их ветераны А.И. Заднепрук и Д.С. Лебедин: «В небе стаями носились «юнкерсы» и «хенкели». Они волнами штурмовали позиции и переправы через Дон. От рева моторов, свиста и завывания бомб и их разрывов не только земля содрогалась, но и содрогался воздух. Время от времени с воющим звуком появлялась «рама», высматривая каждый кустарник, сад, овраг, населенный пункт, а затем снова прилетали «юнкерсы», забрасывая бомбами намеченные объекты» [4, с. 63 – 64]. В первые свои вылеты немецкие летчики не знали об отсутствии у оборонявшихся средств ПВО, поэтому бомбили с больших высот. Когда они догадались об этом, то начали бомбить с низких высот. Бойцы 110-й ОККД этим воспользовались и стали вести огонь из стрелкового и противотанкового оружия, сбив несколько вражеских самолетов. Бойцы 292-го кавполка приспособили для стрельбы по воздушным мишеням даже противотанковые орудия. Для этого, как вспоминал П.А. Кругляков, они выкопали под опорные лапы лафета глубокий котлован, благодаря чему орудийный ствол стал подниматься на 75 градусов. Кругляков так описывает дуэль артиллеристов с самолетами во время второго налета 18 июля: «Орудие наведено на солнце. Стая стервятников заходит для пикирования на Багаевский мост. Командир орудия Тецханов дает наводчику Дертынову прицельные установки, заряжающий Эльдаев вставляет в казенник снаряд. Дертынов прикинул к окуляру прицела и выжидает момент выхода самолета из ослепительной зоны солнечных лучей. Наши открыли огонь по самолетам, но снаряды не достигают цели. Обнаружив орудие, три машины отрываются от эскадрильи и делают новый заход с солнечной стороны. На этот раз пикируют прямо на пушку, поливая ее пулеметным огнем. Ранен Эльдаев, к нему на помощь подбегает Андраев, оттаскивает его в укрытие, сам становится на его место. Орудие опять встречает огнем новую атаку бомбардировщиков. На этот раз удача – один самолет вспыхивает. Рядом с орудием падает бомба, и пушка накренилась от воздушной волны. Расчет невредим» [4, с. 100].

19 июля 1942 года подразделения дивизии вошли в непосредственное боевое соприкосновение с передовыми отрядами немецких 3-го тан-

кового и 52-го армейского корпусов. Первыми встретили врага находившиеся в боевом охранении на правом берегу Дона в районе станицы Раздорской подразделения 273-го кавполка, большая часть которого держала оборону на левой стороне Дона [2, с. 92]. Вместе с другими частями Красной Армии бойцы полка до 21 июля отражали попытки противника овладеть станицами Раздорской и Мелиховской, после чего отступили на правый берег Дона, предварительно взорвав за собой наплавной мост Мелиховской переправы вместе с успевшими заскочить на нее немцами. 21 июля 1942 года при обороне Раздорской переправы на правом берегу Дона около хутора Пухлякова совершил подвиг сержант 3-го эскадрона 273-го кавполка Э.Т. Деликов. Из противотанкового ружья он уничтожил три немецких броневика и три автомашины с солдатами. Четвертую автомашину он поджег, будучи тяжело раненным. За этот подвиг Э. Деликову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Весь день 22 июля немецкие войска наносили артиллерийские и бомбовые удары по позициям 273-го кавполка на левом берегу Дона, безуспешно пытаясь под их прикрытием форсировать реку. К 23 июля к правому берегу Дона подошли основные силы противника, и дивизия вошла в соприкосновение с ним на всем протяжении своей обороны [2, с. 98]. В этот день бои шли за Багаевскую и Мелиховскую переправы.

Багаевскую переправу защищали части 292-го кавполка С.И. Ориночко. В своих мемуарах он рассказывал, что рано утром 23 июля через Багаевский наплавной мост переправились примерно 700 красноармейцев – остатки стрелковой дивизии. Ее командир заявил, что за ними больше наших частей нет, и к переправе скоро подойдут немцы [4, с. 85]. Утром 23 июля позиции 292-го кавполка подверглись массированной бомбежке, затем к переправе начали подходить танки и пехота. Под массированным танково-артиллерийским огнем боевое охранение полка на отошло на левый берег, и в дело вступила полковая артиллерия и батарея Отдельного конно-артиллерийского дивизиона. Артиллеристы заранее пристреляли подходы к мосту на правом берегу, поэтому немцы понесли значительные потери от оружейного огня. Несколько раз немцы приближались к переправе и даже прорывались на мост, но всякий раз отбрасывались огнем с левого берега. В полдень 23 июля Ориночко получил приказ взорвать мост. Выждав, когда он заполнится бегущими немцами, саперы взорвали мост.

Не достигнув цели у Багаевской переправы, немцы сосредоточили крупные силы для прорыва в районе станиц Семикаракорской, Раздорской и Мелиховской, где держал оборону 273-й кавполк, усиленный накануне двумя эскадронами 311-го

кавполка. Весь день 24 июля дивизия отбивала попытки врага переправиться на понтонах и лодках в районе станиц Раздорской и Мелиховской. В конце дня немцам удалось переправить на левый берег Дона на правом фланге обороны 273-го кавполка до двух рот автоматчиков, однако ночью 25 июля усилиями бойцов 273-го кавполка и переброшенного к нему на подмогу двух эскадронов 292-го и 311-го кавполков они были уничтожены.

Вечером 24 июля стало известно, что противник форсировал Дон и создал плацдармы на левом берегу в районах станиц Цимлянской, Николаевской и Константиновской и что на правом берегу Дона напротив стыка правого фланга 110-й ОККД и левого фланга соседней 156-й советской стрелковой дивизии сконцентрировались его крупные бронетанковые и механизированные силы для переправы. В случае прорыва противника 110-я ОККД попала бы в тяжелое положение. В сложившихся условиях командир дивизии В.П. Панин запросил штаб 37-й армии о разрешении провести перегруппировку сил. Это разрешение он получил, и утром 292-й кавполк был переведен на новый рубеж обороны по реке Сусат – от ее впадения в реку Дон до хутора Сусатский. Прежний рубеж обороны (от хутора Калинина до станицы Багаевской) указанного полка заняли подразделения 230-й стрелковой дивизии.

25 июля 292-й, 273-й кавполки 110-й ОККД и остатки 295-й стрелковой дивизии отражали атаки у Раздорской переправы. По свидетельству С.И. Ориночко, противник под прикрытием авиации и танков трижды прорывался на левый берег Дона, но каждый раз отбрасывался на исходные позиции. К концу дня натиск врага ослаб, но и силы дивизии были на исходе. Ориночко писал: «Необходимо отметить, что противник, имея превосходство в живой силе, артиллерии, при поддержке танков и особенно авиации, переоценил наши силы. Наши силы таяли с каждым часом и, если бы противник совершил еще один налет авиации, а пехота и танки проявили больше настойчивости, возможно, ему и удалось бы овладеть переправой» [4, с. 88].

Ночью 25 июля в распоряжение дивизии вернулись разведчики, которые принесли неутешительные вести. Они рассказали, что прорвавшийся на левый берег Дона в районе станиц Семикаракорской и Константиновской противник активно перебрасывает через Дон свои части. Передовые группы немцев к утру 26 июля вышли на рубеж хуторов Сусатский и Слободской, в результате чего 110-я ОККД оказалась перед угрозой окружения. В своих воспоминаниях бывший начальник политотдела дивизии А.И. Заднепрук и военный прокурор Д.С. Лебедкин писали: «Мы

отдавали себе отчет в том, что соотношение сил было слишком неравным: противник во много раз превосходил наши силы не только по численности войск, но и по боевой технике, средствам ПВО и авиации. Наша дивизия совершенно не имела танков, бронемашин, зенитной артиллерии. Не было также поддержки с воздуха. Вражеская авиация господствовала в небе» [4, с. 69].

Оценив сложившуюся обстановку, начдив В.П. Панин принял решение укрепить оборону вдоль реки Сусат по линии хуторов Сусатский – Карповка – Ажинов – Кудинов, одновременно сдерживая немцев на левом берегу Дона [2, с. 116]. Для этого остатки 292-го полка перебросили на северную окраину хутора Карповки для предотвращения прорыва противника к хутору Ажинову, где располагался штаб дивизии, кроме того, наиболее сильный сабельный эскадрон и пулеметный взвод этого полка был передан в распоряжение 311-го кавполка, державшего оборону в районе хутора Сусатский [4, с. 89]. Всю ночь бойцы 292-го полка окапывались и устраивали огневые позиции на окраине хутора Карповка. Комиссар полка П.А. Кругляков впоследствии удивлялся: «Диву даешься, откуда бралось столько сил!? После четырехдневных боев, трех бессонных ночей, к рассвету 26 июля, все воины отрыли себе индивидуальные окопы и соорудили огневые позиции» [4, с. 105].

С утра при поддержке авиации, артиллерии и танков немцы начали атаки на позиции 292-го кавполка у хутора Карповка. Позже комполка С.И. Ориночко признался, что он опасался того, как поведут себя бойцы, увидев танки. «Нам предстояло вступить в бой с танками противника. Ведь до сих пор мы дрались с пехотой, и, хотя ее поддерживали танки, но они находились за водной преградой, и с ними вела борьбу наша артиллерия. Теперь же перед танками не было реки...», – писал он в своих воспоминаниях [4, с. 90]. К чести бойцов полка, они выдержали это испытание. Ориночко с удовлетворением отмечал: «Наблюдая за атакой танков, мы боялись, а вдруг кто-либо из наших бойцов не выдержит, сдадут нервы. К нашему счастью, таких у нас не оказалось» [4, с. 91]. Бойцы уничтожали танки с помощью артиллерии, противотанковых ружей, бутылок с зажигательной смесью.

Утром 26 июля противник атаковал также позиции 273-го и 311-го кавполков, но эти атаки были отбиты. Однако немцам удалось прорвать оборону 156-й стрелковой дивизии в районе станции Семикаракорской, и для указанных полков возникла угроза окружения. Находившийся в это время в распоряжении 273-го и 311-го кавполков и руководивший их действиями полковник В.П. Панин принял решение отвести полки за реку Сусат на новый оборонительный рубеж.

Восточный участок обороны 110-й ОККД проходил от х. Карповки до х. Кудинова. В этом районе находились штаб и тыловые подразделения дивизии. Как только возникла угроза окружения, их начали постепенно отводить за реку Маныч. Оборону на линии Карповка – Ажинов – Кудинов держали специальные подразделения 110-й ОККД, основную ударную силу которой составлял Отдельный конно-артиллерийский дивизион. К обороне также удалось привлечь отставшие от своих частей некоторые артиллерийские подразделения Южного фронта. Это позволило в полтора раза по сравнению со штатным расписанием увеличить количество орудий [2, с. 116]. Руководили обороной на данном участке комиссар С.Ф. Заярный и начальник штаба 110-й ОККД А.А. Раабь.

Для удобства управления артиллерию разделили на два отряда. Одну из них в составе пушечной и минометной батарей возглавил капитан К.Г. Дыба. Группа имела двенадцать 76-мм и 45-мм орудий, четыре 120-мм миномета и шесть противотанковых орудий. Второй группой командовал комиссар артдивизиона В.С. Найдин. На вооружении у нее находилось по четыре 120-мм и 82-мм минометов, две 45-мм пушки и три противотанковых ружья [2, с. 122].

Один из немногих уцелевших в бою 26 июля комиссар В.С. Найдин оставил интересные воспоминания, позволяющие восстановить картину дуэли артиллеристов 110-го ОККД с немецкими танками. Начало боя выдалось удачным, так как немецкие танки сразу же напоролись на мины и фугасы, заложенные накануне саперами. Отгаскивая подорванные танки, немцы продолжали упорно идти вперед. От танков отбивались всеми возможными способами. Артиллеристы старались попасть по гусеницам, бойцы стреляли из противотанковых ружей, саперы забрасывали их гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Некоторые солдаты подползали к уже подбитым танкам и подкладывали под них мины, погибая при этом сами [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 23]. «Страшно ли было? – задает себе вопрос в своих воспоминаниях Найдин и отвечает, – Еще как! Представьте, что на орудие, изрыгая огонь пушки и пулеметов, несется бронированное чудовище. А мы на его виду должны развернуть орудие и ждать подходящей минуты, чтобы ударить сбоку или по гусенице (в лоб снаряд не берет). Страшно, конечно, а теряться нельзя. Растеряешься – пропадешь, враг убьет или раздавит. Страшно только первое время, а войдешь в азарт, обо всем забудешь» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 27].

Танковая атака немцев шла при массированной поддержке огнем авиации и артиллерии, в ней также участвовали самоходные орудия

и бронетранспортеры с пехотой. В течение дня защитники восточного рубежа отбили 5 атак противника, по словам Найдина, на их позиции наступали 80 – 90 танков, и он видел горящими 26 танков. О накале боя говорит тот факт, что, несмотря на ясный, безоблачный день, от туч пыли и пепла, поднятыми разрывами бомб и снарядов, было темно. В итоге немецким танкам удалось ворваться на позиции, где они начали в упор расстреливать и давить гусеницами артиллерийские и минометные расчеты. В этом бою полностью погиб первый артиллерийский отряд вместе со своим командиром – капитаном К.Г. Дыба. Второму отряду повезло больше. По словам Найдина, складки местности позволяли лучше укрыть позиции отряда от огня противника, поэтому он «не весь погиб» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 29].

В то время, как 292-й кавполк и спецподразделения 110-ой ОККД вели тяжелые бои на линии Карповка – Ажинов – Кудинов, в район станции Багаевской, где занимали оборону 311-й и 273-й полки под командованием В.А. Панина, в полдень 26 июля прибыл офицер связи штаба Отдельного кавалерийского корпуса лейтенант В.А. Хитров. Он передал командиру дивизии приказ об отступлении. Панин распорядился немедленно начать отвод 311-го и 273-го кавполков дивизии в южном направлении, за реку Маныч. Он осуществлялся в организованном порядке с боевым прикрытием, и во избежание потерь – поэскадронно. Командир взвода прикрытия, младший лейтенант Н.И. Даржинов описывал отход своего 311-го полка так: «Полк уходил в пешем строю. Позади отходивших эскадронов идут капитан Василенко и батальонный комиссар Гаряев. Узкая горловина между Доном и его рукавом. Это единственный возможный проход для фашистов. Здесь мы и заняли оборону. Полк скрылся. Взвод быстро расставил огневые средства, окопался. Тишина. Бойцы зорко смотрят на северо-запад, в сторону прибрежных зарослей, откуда должны появиться фашисты. Жара, назойливо жужжат комары. Из зарослей выходят три солдата – немцы. Очевидно, дозор. Потом развернутым строем вышло до роты фашистов. Идут не спеша, уверенным шагом. Автоматы взяты наизготовку. Но немцы не видят красноармейцев, окопавшихся на неровной местности. Фашисты подходят все ближе и ближе. Осталось триста, двести метров, 150 метров. Огонь! И разом заработали все двадцать стволов, четыре пулемета и шестнадцать автоматов. Фашисты падают группами и в одиночку. Уцелевшие открыли ответный огонь. Фашистский офицер пронзительным голосом подает команду, размахивая пистолетом. Немцы короткими перебежками пошли в наступление. Они подошли на сто метров. Уже различаются озлобленные и одновременно испуганные лица

немецких солдат. Потом они ползком приблизились к нашему взводу на пятьдесят метров. Враг все ближе и ближе. Красноармейцы непрерывно ведут огонь по немцам. В ход пошли гранаты. Я встал во весь рост с криком «За Родину, за тихий Дон! Ура! Поднялся весь взвод, с криком «ура» ринулся в атаку, стреляя из автоматов и бросая гранаты. Навстречу мне бежит немецкий офицер с пистолетом. Худощавый, рослый, лицо озлобленное, волосы рыжие. Рывок, и я достиг фашиста, вцепился обеими руками в горло, повалил и сел на него верхом. Началась отчаянная борьба. На миг я потерял сознание от боли в спине, где сидели осколки, и немец очутился верхом на мне. Бледно-синие глаза фашиста заслонили небо и жизнь. Неужели конец? Нет! Я еще буду в Берлине! Превозмогая боль, последним усилием отрываю от своего горла пальцы фашиста. Но фашист силен. В этот миг на голову фашиста обрушился приклад красноармейского автомата. Это мне на помощь пришел Бадма-Ара Ширипов. Фашист обмяк, ослабили его руки. Выстрелом из оброненного фашистом пистолета «Вальтер» Ширипов добил врага» [4, с. 120 - 121].

Сразу же после получения из штаба корпуса приказа об отходе Панин распорядился начать отвод подразделений дивизии, ведущих бои в районе Карповки и Ажинова. Выводивший остатки своего 292-го полка из-под Карповки С.И. Ориночко вспоминал, что делать это приходилось под плотным артиллерийским и танковым огнем. Вечером того же дня уцелевший в боях личный состав полка в количестве 300 человек с 2 орудиями и 2 пулеметами переправился через реку Маныч и согласно приказу занял оборону на левом берегу реки в 4 километрах северо-западнее хутора Веселого.

Драматически складывались события на восточном участке обороны дивизии, который защищали спецподразделения (артдивизион, связисты, охрана штаба, саперы). Посланные Паниным в Ажинов разведчики с приказом отходить застали там ожесточенный бой. Из-за этого было крайне сложно обеспечить организованный отход войск. К 15 часам 26 июля вражеские танки и пехота ворвались в Ажинов, где располагался командный пункт дивизии. Завязался тяжелый бой на улицах хутора. В ажиновском бою героически погибли комиссар дивизии С.Ф. Заярный, начальник штаба А.А. Раабь и многие другие бойцы и командиры.

За полчаса до появления танков в Ажинове комиссар дивизии Заярный сумел организовать вывоз документов и знамен полков дивизии, доставленных незадолго до начала боя в штаб, в безопасное место. Свидетель этого события старший писарь штаба Л.Б. Чужгинов рассказывал в своих воспоминаниях о том, что еще 25 июля

в штаб прямым попаданием угодила авиационная бомба, однако находившиеся там бронированные сейфы со знаменами и секретными документами уцелели. По приказу Заярного и Хомутникова он, а также водитель полковника Хомутникова С. Сармуткин, инженер Ц. Буринов и писарь С. Липкин выкопали из воронки сейфы и, погрузив их на машину, доставили в конезавод им. Буденного, где сдали новому начальнику штаба дивизии майору И.А. Теврюкову.

К утру 27 июля вышедшие из боев на Нижнем Дону подразделения 110-й ОККД сосредоточились на южном берегу реки Маныч в районе населенных пунктов Красный, Тузлуков, Свободы, Веселый. За время боев с 15 по 27 июля дивизия уничтожила 4 батальона мотопехоты, 30 танков, 55 бронемашин, 45 минометов, 20 орудий и 38 пулеметов противника, сбила 5 самолетов. Сама дивизия потеряла 600 человек убитыми, 700 человек ранеными и около 200 человек пропавшими без вести. Перешедший на сторону немцев бывший военнослужащий 110-й ОККД Д.Ц. Арбаков потери оценивал в 1000 человек убитыми и 300 человек попавшими в плен» [3, с. 77].

Покинувшие без приказа поле боя, безусловно, бросили тень на дивизию в целом, которая в труднейших условиях выполнила поставленную ей боевую задачу на Нижнем Дону. Первым с этим пришлось столкнуться командованию 292-го кавполка. Во второй половине дня 27 июля в расположение полка прибыл старший лейтенант Капранов, передавший Панину устный приказ сдать позиции соседнему слева полку и двигаться к Майкопу, куда должны были отойти подразделения дивизии [4, с. 92]. Ночью 292-й кавполк выступил в путь и прибыл в Майкоп 5 августа. Каково было удивление бойцов полка, когда они узнали, что в городе частей дивизии нет. Оказывается, 28 июля Ставка Верховного Главнокомандования объединила Южный и Северо-Кавказский фронты в один – Северо-Кавказский фронт. Его командующий Маршал Советского Союза С.М. Буденный для облегчения управления разделил войска фронта на две оперативные группы: Донскую, прикрывавшую Ставропольское направление, и Приморскую, прикрывавшую Краснодарское направление. 110-я ОККД была включена в Донскую оперативную группу и получила приказ отступать в направлении Сальск – Башанта – Ворошиловск (Ставрополь) – Моздок. Все это произошло, когда 292-й кавполк уже находился на марше в г. Майкоп.

Появление в городе Майкопе 292-го кавполка вне своей дивизии вызвало подозрение у командования Северо-Кавказского фронта, штаб которой размещался в станице Белореченской. Прибывший в штаб фронта для выяснения мес-

тоположения своей дивизии командир 292-го кавполка майор Ориночко подвергся основательному допросу и оскорблениям со стороны начальника оперативного управления штаба фронта генерал-майора В.Н. Разуваева. Этот инцидент Ориночко не включил в свои воспоминания, но изложил в письме к М.Л. Кичикову 12 марта 1967 года. По словам С.И. Ориночко, Разуваев на повышенных тонах заявил ему: «Вы трусы, паникеры и предатели, вы, как трусы, бросили ваши рубежи обороны и разбежались кто куда попало. Вся ваша дивизия без приказа бросила свой участок обороны на Дону и разбежалась» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96]. Еле сдерживаясь от гнева, Ориночко ответил, что это ложь, и дивизия «с честью и достоинством выполнила боевую задачу», поставленную командованием 37-й армии. В качестве подтверждения своих слов он сослался на тот факт, что за время боев на Дону в его полку не было ни одного случая паникерства и бегства. После этого разговора Ориночко допросили двое сотрудников Особого отдела Северо-Кавказского фронта. Они потребовали предъявить им письменный приказ начдива об отходе полка в Майкоп, но, поскольку приказ был устный, то Ориночко наизусть повторил приказ Панина, а также назвал время, место, звание, должность и фамилию офицера, передавшего ему приказ. Его слова подтвердил присутствовавший при передаче приказа оперуполномоченный Особого отдела дивизии И.Е. Орден. Только тогда Ориночко поверили и, извинившись, зачитали приказ о временном подчинении его полка начальнику обороны города Майкопа [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96]. Группе Ориночко не суждено было больше воевать в рядах 110-й ОККД. Согласно распоряжению С.М. Буденного ее влили в состав 10-й гвардейской кавалерийской дивизии 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Что касается 110-й ОККД, то она после пополнения воевала на Северном Кавказе, Ставрополье и в Калмыкии.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН). Ф. 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов: документы и материалы. Элиста, 1966.
2. В годы суровых испытаний. Элиста, 2003.
3. Гучинова Э.-Б. Улица «Kalmuk Road»: история, культура и идентичности в калмыцкой общине США. СПб., 2004.
4. В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 1969.

**248-я СРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛМЫКИИ
В 1942 – 1943 гг.****У.Б. Очиров**

Статья посвящена истории формирования и участию в боевых действиях на территории Калмыкии 248-й стрелковой дивизии в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Работа в значительной степени базируется на материалах Центрального архива Министерства обороны.

Ключевые слова: *история военных формирований, боевые действия на территории Калмыкии, Великая Отечественная война.*

The article is devoted to the history of the shaping and participation in combat actions on territory of Kalmykia the 248th rifle division during the Great Patriotic War 1941 – 1945. The paper is based to a considerable extent on materials of the Central archive of Defense Ministry.

Keywords: *history of the military units, combat actions on territory of Kalmykia, the Great Patriotic War.*

248-я Одесская Краснознаменная стрелковая дивизия (далее – сд) в истории Великой Отечественной войны оставила заметный след. Она принимала участие во многих сражениях на южном направлении, в освобождении Донбасса и Молдавии, в Битве на Днестре и Яско-Кишиневской операции, в прорыве Миус-фронта и форсировании Днестра. Особый вклад 248-я сд внесла в штурм Одессы: ее бойцы выбивали оккупантов с Пересыпи, Молдаванки и Дерибасовской, а затем водрузили красный флаг над Оперным театром, знаменуя освобождение города. Затем были Висла и Одер, Магнушевский плацдарм и штурм Берлина. Вместе с 230-й и 301-й сд она участвовала в штурме Рейхсканцелярии.

Начало истории этого соединения связано с Калмыкией. Оно было сформировано как 248-я сд (3-го формирования) в поселке Тинаки 6 сентября 1942 г. на базе 1 и 2-го Астраханских сводных курсантских полков [ЦАМО РФ. Ф. 248сд. Оп. 1. Д. 2. Л. 3]. В ее состав вошли 899, 902 и 905-й стрелковые полки (далее – сп), 771-й артиллерийский полк (далее – ап), отдельный учебный батальон, 199-й отдельный пулеметный батальон, 412-й отдельный саперный батальон, 302-й истребительно-противотанковый дивизион, 80-я отдельная зенитно-артиллерийская батарея и другие подразделения [ЦАМО РФ. Ф. 248сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 2]. Первым начдивом был полковник Л.Н. Алексеев, комиссаром – полковник Поваров, начальником штаба – подполковник Лоцягин [ЦАМО РФ. Ф. 248сд. Оп. 1. Д. 2. Л. 4].

Дивизия формировалась в грозную для страны пору – начались Сталинградская битва и Битва за Кавказ. В этот период Астрахань имела ключевое значение как стратегический узел коммуникаций, через который шел основной грузопоток продукции, производимой на Кавказе: нефть (Баку), марганец (Чиатура), уголь (Ткварчели), ферросплавы (Зестафони), боеприпасы, самолеты, минометы, пистоле-

ты-пулеметы, запчасти для военной техники, основные части для установок БМ-13 «Катюша». До войны Закавказье и Северный Кавказ давали стране 86% нефти, 65% газа, 56% марганца. Через Нижнее Поволжье шли и стратегические грузы из-за рубежа, поставляемые по программе ленд-лиза через Иран. Обратно корабли Каспийской флотилии везли еще более важный груз: войска и боеприпасы для спешно формирующегося Закавказского фронта. В течение августа через Астрахань, не считая других соединений и частей, было переброшено 17 стрелковых бригад (далее – сбр) [1, с. 382], сыгравших важную роль в Битве за Кавказ.

2 августа 1942 г. 370-я пехотная дивизия (далее – пд) генерал-майора Германа Клеппа, усиленная мобильной группой из состава 3-й танковой дивизии (далее – тд), захватила Башанту, а к 5 августа заняла территорию Западного и Яшалтинского улусов Калмыцкой АССР. 52-й армейский корпус генерала пехоты Отта, прикрывавший стык группы армий «А» и «Б» и включавший в себя 111 и 370-ю пд с группой танков и самоходок, мог совершить стремительный марш-бросок к Астрахани и в случае успеха самостоятельно выполнить завершающий этап операции «Фишрайер», из-за которой под Сталинградом в бесплодных атаках погибали две армии вермахта. Однако Отт, довольно агрессивно действовавший на левом берегу Маныча, на правом берегу оперировал крайне вяло. Лишь 11 августа 111-я пд генерал-майора Эрнста Рекнагеля начала переправу через Маныч и на следующий день взяла штурмом Элисту. Отряд полковника М.К. Зубкова, защищавший степную столицу, отошел на север на соединение с основными силами 51-й армии. Дорога на Астрахань была свободна. Единственное, что советское командование могло противопоставить корпусу Отта, были два сводных курсантских полка без артиллерии, если не считать таковой бронекатера Астраханской военно-морской базы [2, с. 9].

1-й полк был укомплектован курсантами 1-го

Астраханского пехотного училища (нач. – полковник И.И. Шапкин), 2-й полк – курсантами 2-го Астраханского (бывшего Ленинградского) пехотного училища (нач. – полковник М.С. Юргелас) и Астраханской авиационной школы механиков. Командный состав этих полков на 85% состоял из фронтовиков, младший начальствующий состав (старшины и сержанты) был набран из опытных курсантов, рядовой состав – из курсантов последних наборов. В основном, эта была молодежь; более половины личного состава курсантских полков составляли коммунисты и комсомольцы [ЦАМО РФ. Ф. 248сд. Оп. 1. Д. 2. Л. 3]. В составе 1-го полка числилось 1882 чел., в том числе 1743 курсанта, которые были вооружены 882 винтовками, 62 автоматами, 18 ручными и 9 станковыми пулеметами, 6 пушками (2 – 76-мм, 4 – 45-мм), 38 минометами (2 – 120-мм, 8 – 82-мм, 28 – 50-мм), 14 противотанковыми ружьями (далее – ПТР), а также имели 6 автомашин и 1 трактор. Во 2-м полку было 1737 бойцов, в том числе 100 офицеров [3, с. 18-19]. Уже 14 августа отряд курсантов 2-го Астраханского сводного полка под командованием старшего лейтенанта В.М. Алябьева при поддержке небольшой группы конников 110-й ОККД отважно выдвинулся к Яшкулую [2, с. 26]. Однако немцы, заняв вечером 14 августа Улан-Эрге, этим ограничились. Позже начальник штаба 52-го корпуса Г. Дёрр объяснял эту «робость» опасениями возможных ударов советских войск с востока: «Гитлер опасался, что противник может атаковать восточный фланг 4-й танковой армии со стороны Астрахани» [4, с. 455]. Затем немцы затеяли затяжную рокировку: 52-й корпус перешел на Терек, а в Калмыкию перебросили 16-ю моторизованную дивизию (далее – мд) из-под Майкопа, которая завершила передислокацию лишь 27 августа.

За это время советское командование развернуло на астраханском направлении 28-ю армию (3-го формирования), в состав которой вошли две сд (34-я гв., 248-я), одна сбр (152-я), два УРа (78-й и 116-й), а также отдельные подразделения: 565-й танковый батальон, 35-й бронепоезд, 30-й и 33-й дивизионы бронепоездов [5, с. 571]. Командарм В.Ф. Герасименко решил выдвинуть на передний край соединения с более высокой степенью боеготовности, а курсантские полки вывел в резерв для завершения боевой подготовки и формирования недостающих частей и подразделений. Поначалу 1-й (переименованный в 899-й сп) и 2-й (переименованный в 902-й сп) Астраханские сводные полки стояли за внутренним оборонительным обводом г. Астрахани, протянувшимся от Стрелецкого до Орджоникидзе (небольшое село к югу от Трусоло). Одновременно шло формирование управления дивизии, специальных частей и подразделений (артиллерия, саперы, связь, медсанбат и т.д.), на базе запасного полка был создан 905-й сп. Первые месяцы 248-я сд считалась малобоеспособной и плохо

укомплектованной. В соединении не было средств подвоза, не были заняты должности заместителя начдива и начальника штаба (Лощагин убыл на учебу в Академию), на плохо организованном 100-км марше допущено 20 смертных случаев, дисциплина в дивизии характеризовалась как низкая [ЦАМО РФ. Ф. 28 А (3-го форм.). Оп. 8465. Д. 1. Л. 54].

В конце августа 899-й сп перебросили в район Цаган-Аман – Енотаевск для прикрытия стыка с 51-й армией, разграничительная линия с которой пролегла через с. Алцынхута (вкл.) – свх. №10 «Сарпа» (искл.) – Цаган-Аман (вкл.). 1-й батальон 899-го сп был выдвинут в свх. № 10 «Сарпа» (Цаган-Усн-худук), 2-й батальон – остался в Енотаевске, роты 3-го батальона обороняли Бергин (7-я), Юсту (8-я) и Харбу (9-я) [ЦАМО РФ. Ф. 28 А (3-го форм.). Оп. 8465. Д. 8. Л. 1]. В течение всей осени полк базировался в этом районе, отражал налеты разведгрупп противника и сам производил набеги на отдаленные степные гарнизоны. Например, 18 сентября рота 899-го сп вместе с частями 51-й армии (рота 91-й сд и эскадрон 115-й кд) разгромила гарнизон в Омн-Керюлчи, захватив 11 автомашин (еще 6 уничтожены), 3 мотоцикла, 3 орудия и миномет [3, с. 78-79].

В сентябре штаб 248-й сд базировался в Тинаках, 902-й сп – в ильменах между Тинаками и Красноармейским (штаб полка – в Карантинном), 905-й сп – в Стрелецком, 771-й ап – в Трусоло. После формирования 248-ю сд, за исключением 899-го сп, перевели на внешний обвод (до 6 ноября). За этот период дивизия усилила свой боевой состав (до 10 тыс. бойцов). Правда, вооружения не хватало. На 1 октября имелось всего 2777 винтовок, 588 автоматов, 11 ПТР, 150 ручных и 13 станковых пулеметов. Артиллерия соединения состояла из 44 пушек и 155 минометов, причем орудий калибром свыше 76 мм не было. Противовоздушную оборону дивизии обеспечивали всего 4 зенитных пулемета.

В сентябре 1942 г. войска 28-й армии дважды безуспешно атаковали оборонительные позиции 16-й мд под Хулхуттой. Для проведения третьей Хулхутинской наступательной операции Герасименко в ноябре привлек большую часть своих сил, в том числе и часть 248-й сд. К началу ноября дивизия на 10 тыс. бойцов имела 32 автомашины, 1627 лошадей, 233 пулемета (в том числе 183 ручных), 202 ПТР, 496 автоматов и 6324 винтовки. Артиллерия соединения состояла из зенитной батареи (4 – 37-мм пушки и 4 зенитных пулемета), истребительно-противотанкового дивизиона (12 – 45-мм орудий), полковых батарей (17 – 45-мм и 12 – 76-мм орудий, 85 – 82-мм и 18 – 120-мм минометов), 771-го ап (20 – 76-мм пушек и 12 – 122-мм гаубиц) [ЦАМО РФ. Ф.28 А (3-го форм.). Оп.8465. Д.14. Л.50].

Передвижение войск проходило скрытно, с соблюдением правил маскировки. 6 ноября 248-я сд

(без 899-го сп) вышла по маршруту Тинаки – Красный Худук – пески Давсна, где заняла оборону в резерве 28-й армии. 899-й сп продолжал действовать на Енотаевском участке. Силы усиления, в том числе мобильные части и подразделения, подошли буквально накануне операции. 16 – 17 ноября управление 248-й сд и 902-й сп прибыли в пески Давсна, а 905-й сп – в Красный Худук. Два батальона 899-го сп начали концентрироваться в Юсте, чтобы предпринять глубокий охват противника и перерезать коммуникации в районе Яшкуля и Чилгира. Усиленному 1-му батальону 899-го сп поручалось повторить набег на Омн-Керюльчи, но затем командарм отменил операцию, оставив батальон в Сарпе.

19 – 20 ноября 1-й батальон 905-го сп, временно приданный 34-й гв. сд, принимал участие в штурме Хулхуты в составе отвлекающей группы. В этом бою полк понес первые потери: 26 убитых и 54 раненых [3, с. 153]. После успешного штурма он был возвращен в состав своего полка, который перешел в Хулхуту. 902-й сп остался в песках Давсна, а 899-й сп (без 1-го батальона) с 4 и 5-й батареями 771-го ап под командованием капитана А.А. Постного 21 ноября выдвинулся по маршруту Юста – Утта – Большая Шалда, чтобы обойти яшкульскую группировку с севера в районе ильменя Деед-Хулсун. Во время дневки у Шалды 24 ноября этот отряд был внезапно атакован противником (по оценке советских офицеров – до двух батальонов пехоты и 25 танков). После трехчасового боя немцы отошли к Яшкулю, но 899-й сп из-за серьезных ошибок в организации боевого обеспечения понес большие потери и в течение двух следующих дней «приводил себя в порядок» [ЦАМО РФ. Ф. 248 сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.]. По данным штаба 28-й армии, потери в Шалде составили: 232 убитых, 254 пропавших без вести, 267 раненых, 11 – 76-мм орудий (из них 12 убитых, 29 пропавших без вести, 22 раненых и 8 орудий из 771-го ап), 5 минометов, 9 ПТР, 3 станковых и 15 ручных пулеметов, 222 винтовки, 5 автомашин и 241 лошадь [ЦАМО РФ. Ф. 28 А (3-го форм.). Оп. 8465. Д. 7. Л. 3]. Была потеряна почти вся артиллерия. Для восполнения потерь из состава 902 и 905-го сп пришлось формировать новый батальон. 1-й батальон, оставшийся в Сарпе, вернулся в состав 899-го сп лишь 3 декабря.

Уже утром 21 ноября части 28-й армии начали движение на запад. Основные силы 248-й сд (без 899-го сп) продолжали оставаться в резерве, в районе Хулхуты – пески Давсна. К сожалению, из-за этого они не успели принять участие в первой Яшкульской операции, где группировке 28-й армии не хватило сил, чтобы разбить 16-ю мд с приданными батальонами. Герасименко решил взять передышку для пополнения своих потрепанных частей и подтягивания новых резервов, ограничиваясь проведением частных операций. Однако многие из них успеха

не имели, так как командиры частей, как правило, слабо налаживали взаимодействие между разными родами войск, к тому же часто теряли управление войсками с начала атаки.

13 декабря 1-й батальон 899-го сп (единственный не участвовавший в бою под Шалдой) провел частную операцию в районе выс. +3,2 (3 км от Яшкуля). Батальон действовал, если не считать 17-минутной спорадической стрельбы 4 танков, фактически без поддержки артиллерии. В ходе боя подразделение было накрыто артиллерийским огнем противника и весь день лежало в снегу под огнем. Комсостав батальона вместо руководства боем шел в первых рядах и погиб почти весь, включая комбата – старшего лейтенанта Щербака. Общие потери батальона – 158 убитых, 200 раненых, цель операции не достигнута [ЦАМО РФ. Ф. 28 А (3-го форм.). Оп. 8465. Д. 14. Л. 108-109]. По оценке О.В. Шеина потери батальона в том бою были еще большими и составили 2/3 батальона: убито 8 офицеров, 43 сержанта и 123 рядовых, ранено 19 офицеров, 48 сержантов и 130 рядовых [3, с. 189].

Командующий ударной группировки 28-й армии генерал-майор П.Г. Тихомиров, считая бессмысленной осаду Яшкуля в заснеженной степи, обратился к командарму с запиской: «стояние на одном месте у Яшкуля бесцельно. Надо... переходить к обороне и отвести войска к Утте, или переходить в наступление, предварительно введя 248-ю сд в боевые порядки наступающих войск» [цит. по: 3, с. 176]. Герасименко отдал приказ о начале переброски 248-й сд к линии фронта. 9 декабря 905-й сп перешел в Утту, 902-й сп – в Сянчик. Однако 12 декабря мобильная группировка противника (по оценке советских офицеров до двух батальонов мотопехоты и 25 танков) скрытно вышла в тыл ударной группировке 28-й армии «по южной дороге Пески Бузги – клх. Ширияева» и внезапно атаковала 902-й сп в Сянчике. В ходе двухчасового боя некоторые подразделения отразили атаку противника (особенно отличились роты 1-го батальона), но 3-й батальон поддался панике и понес большие потери, часть батальона сдалась [ЦАМО РФ. Ф. 248 сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. Потери 902-го сп и учбата – 88 убитых, 102 раненых, 146 пропавших без вести, 2 – 45-мм орудия, 1 – 120-мм миномет, 1 – ампуломет, 7 ПТР, 5 станковых и 8 ручных пулеметов, 16 ППШ и 133 винтовки [ЦАМО РФ. Ф. 28 А (3-го форм.). Оп. 8465. Д. 7. Л. 108]. По данным О.В. Шеина было потеряно не 2, а даже 4 «сорокапятки» [3, с. 187]. В итоге накануне второй Яшкульской операции начдив-248 полковник Л.Н. Алексеев был отстранен от должности, как несоответствующий занимаемой должности, и заменен подполковником Н.З. Галаем [ЦАМО РФ. Ф. 248 сд. Оп. 1. Д. 1. Л. 15].

Противник оборонялся на рубеже Чилгир – Нюкн – ильмень Деед-Хулсун – Олинг – Городок – Яшкуль силами 60-го мотопехотного полка (да-

лее – мп), двух дивизионов 146-го ап, 116-го танкового батальона и трех туркестанских батальонов, закрывая дорогу на Элисту. Благодаря этому противник мог удерживать переправу через Маныч и прикрывать левый фланг группы армий «А», еще не завершивший отвод войск с Терека. Согласно плану 248-я сд наступала непосредственно на Яшкуль. Накануне второй Яшкульской операции, в ночь на 27 декабря основные силы 248-й сд перешли из района Сянчик – Утта в район восточнее Яшкуля, где соединились с 899-м сп. В ночь на 28 декабря 1942 г. 248-я сд начала выдвигаться на позиции для штурма улусного центра. По плану 899-й сп атаковал село с севера через курган Ацха-Хар-Толга, 902-й сп – с востока, 905-й сп – с запада и юго-запада. Первым в Яшкуль вошел 902-й сп, который ворвался вглубь обороны противника, отразил две контратаки с участием 5 танков, но был вынужден остановиться. Однако вслед за ним в село вошел 899-й сп, который не смог добиться успеха у Ацха-Хар-Толги и сменил направление атаки. В числе первых в Яшкуль ворвались Л. Лиджиев и В. Емчириров, которые вскоре пали смертью храбрых.

Тем временем 152-я осбр при поддержке танкистов овладела хотоном Нюкн, а части 34-й гв. сд форсировали ильмень Деед-Хулсун и перерезали дорогу на Элисту. Дальнейшая оборона Яшкуля потеряла свой смысл, и в ночь на 29 декабря противник, демонстрируя ложную артподготовку, начал отход на запад и северо-запад. В 3 часа утра бойцы 248-й сд взяли Яшкуль, захватив склады, трофеи и пленных.

Среди воинов, освобождавших Калмыкию от врага, были и наши земляки: Алексей Хочинов, Санджи Оконов, Прокофий Бокшургинов, Дорджи Гаряев, Батр Кожиев, Иван Какугинов, Дорджи Исе-ев, Андрей Джимбиев, Ярослав Джамбинов, Борис Басангов, С. Шандронов, Бадма Джимбеев, Эрдни-Гаря Бадма-Халгаев и многие другие. На 1 января 1943 г. дивизия состояла из 7931 чел.: в том числе 4752 русских, 2014 украинцев, 56 калмыков, даже 1 китаец.

34-я гв. сд, выделив один полк для движения по дороге Яшкуль – Элиста, основными силами двигалась к югу от трассы, вдоль Бураты-Салы, обходя высокие курганы и обрывы к югу от Улан-Эрге. 248-я сд с артиллерией двигалась по самой Бурате-Сале. В 6 утра 1 января 1943 г. дивизия, обогнув курган Три Брата, занятый танкистами, перерезала дорогу Элиста – Дивное, а затем форсировала Хара-Зуху и по маршруту Амтя-Уста – Ленинск (1-й Ульдучин) – Приютное устремилась к Манычу. Противник отступал организованно, проводил постоянные контратаки и огневые налеты, но части 248-й сд успешно отражали их. Например, 31 декабря 1942 г. 905-й сп был трижды атакован противником южнее Вознесенки. Однако благодаря быстро организованному ответному огню батареей 905-го сп и 2-го дивизиона 771-го ап противник

был разбит. На поле боя захвачены 45-мм пушка, 6 ПТР, 25 пулеметов, 200 винтовок, огромное количество боеприпасов, повозки, полевые кухни. Потери советских войск составили 11 убитыми и 50 ранеными. Гораздо больший урон нашим бойцам нанес «генерал Оттепель». За 5 дней дивизия прошла 160 – 170 км по тающему снегу, и у бойцов намокли валенки. Поскольку кожаную обувь у бойцов отобрали при обмене на валенки, то многие бойцы натерли ноги и выбыли из строя [ЦАМО РФ. Ф. 248 сд. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 об.-3 об.]. В рядах противника началось разложение. Только за период 31 декабря 1942 г. по 3 января 1943 г. на участке 248-й сд захвачены «перешедшими на нашу сторону» 41 человек [ЦАМО РФ. Ф. 248 сд. Оп. 1. Д. 57. Л. 7 об.].

4 января 1943 г. 902-й сп вышел к островам Правый и Левый на Маныче, уже занятым танкистами 6-й гв. тбр. Хотя ширина Маныча в этом месте составляла примерно 50 метров, форсировать реку не удалось, так как в Дивном упорно оборонялся вражеский гарнизон (60-й мп с 146-м ап, 116-м танковым батальоном и подразделениями коллаборационистов). Два других полка 248-й сд еще находились на марше: 5 января 899-й сп прибыл в Ленинск (1-й Ульдучин), 905-й сп – в район Балык – Амтя-Уста. Дальний марш по тающему снегу тяжело дался бойцам 248-й сд. В ночь с 4 на 5 января были зафиксированы случаи оставления постов уставшими бойцами. К 8 января 902-й сп на марше и в боях потерял 200 винтовок, 55 ППП, 5 станковых и 17 ручных пулеметов, 5 – 82-мм и 8 – 50-мм минометов, 1 – 45-мм пушку [ЦАМО РФ. Ф. 248 сд. Оп. 1. Д. 57. Л. 12 - 13, 27].

7 января 902-й сп и 152-я сбр начали форсирование Маныча без поддержки других полков, находившихся на марше. Под ураганным огнем и атаками танков добровольцы сводно-штурмового батальона, проваливаясь под лед, стоя по пояс в ледяной воде, навели переправы. 8 января Маныч перешли 899-й и 905-й сп, вышедшие к озеру Подманок. Однако командование 28-й армии, видимо, вновь недооценило противника. Хенрици завязал ожесточенное сражение за Дивное, и 11 января 248-й сд пришлось отступить на северный берег Маныча. 13 января снова развернулись ожесточенные бои за Дивное. В один из моментов 905-й сп дрогнул, по словам командира – подполковника Егорова: 1-й батальон разбежался, а 2-й отступил без приказа. 17 января в 12.00. Дивное было взято, а 16-я мд покинула позиции и устремилась на соединение с Манштейном. После этого левофланговая группировка 28-й армии начала движение к Сальску и Зернограду, очищая по дороге Западный и Яшалтинский улусы Калмыцкой АССР.

21 января 1943 г. войска 248-й сд и 159-й осбр освободили от фашистов последний клочок калмыцкой земли.

Приложение 1

Командиры 248-й сд и ее полков в период боев в Калмыкии

248-я сд – полковник Леонид Николаевич Алексеев (3.9.42 – 22.12.42, отстранен), подполковник Николай Захарович Галай (с 22.12.42);

899-й сп (6.8.42 – 3.9.42 – 1-й Астраханский сводный) – полковник Иван Сергеевич Шапкин (6.8.42 – 18(?).8.42), майор Данил Андреевич Щербак (18(?).8.42 – 15.9.42, погиб), капитан Александр Анисимович Постный (16.9.42 – 7.1.43), полковник Иван Михайлович Жуков (с 7.1.43);

902-й сп (6.8.42 – 3.9.42 – 2-й Астраханский сводный) – полковник Михаил Семенович Юргелас (6.8.42 – 3(?).9.42), майор Иван Данилович Кроха (3(?).9.42 – 29.1.43, погиб);

905-й сп – капитан Дмитрий Степанович Фурманов (21.8.42 – 21.10.42, отстранен), полковник Иван Александрович Егоров (с 21.10.42);

771-й ап – майор Евгений Григорьевич Рогоза (с 3.9.42).

Приложение 2

Численность калмыков в 248-й сд

На 1 января 1943 г. – 56, на 1 апреля 1943 г. – 74, на 1 июля 1943 г. – 131, на 1 января 1944 г. – 19.

Приложение 3

Возрастной состав 248-й сд на 1 января 1943 г.

Год рождения	Количество бойцов
1922 г. и моложе;	3254
1917 – 1921 гг.	1370
1912 – 1916 гг.	897
1907 – 1911 гг.	721
1902 – 1906 гг.	615
1897 – 1901 гг.	358
1896 г. и старше	118

Приложение 4

Численность и вооружение 248-й сд в конце 1942 – начале 1943 гг.

Даты	КПС	МНС	рядовые	всего бойцов	машин	лошадей
01.10.1942	1000	2070	7338	10408	29	972
01.11.1942	нет данных			10212	32	1627
01.12.1942	958	1904	5961	8823	53	1497
01.02.1943	249	187	1037	1473	–	–
01.03.1943	613	581	3690	4884	103	685

КПС – командно-политический состав

МНС – младший начальствующий состав

Даты	пулеметы			ПТР	автоматы	винтовки
	станковые	зенитные	ручные			
01.10.1942	13	4	150	11	588	2777
01.11.1942	42	6	183	202	496	6324
01.12.1942	50	6	183	198	680	6115
01.02.1943	–	–	–	18	117	872
01.03.1943	15	4	23	66	422	1800

Даты	орудия				минометы		
	122-мм гаубицы	76-мм	45-мм	37-мм	107-мм, 120-мм	82-мм	50-мм
01.10.1942	—	29	14	—	20	73	62
01.11.1942	15	29	29	—	всего 183		
01.12.1942	12	21	30	4	19	84	75
01.02.1943	—	5	9	—	—	—	2
01.03.1943	4	11	18	4	13	19	8

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». Минск, 2003.

2. Скоробогатов В.П. 28-я в боях за Калмыкию. Элиста, 1968.

3. Шеин О.В. На Астраханском направлении: история боевых действий в калмыцкой степи в 1942 году. б/м., б/г.

4. Роковые решения. Поход на Сталинград. СПб., 2000.

5. Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1989.

ББК 63.3 (2) 45

СОВЕТСКИЕ КОРЕЙЦЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л.В. Намруева

Статья посвящена анализу участия советских корейцев в Великой Отечественной войне. Автор рассматривает проблемы, связанные с участием представителей корейского народа в защите Родины и работе в тылу.

Ключевые слова: *корейский народ, депортация, тыл, труд.*

The paper is devoted to the analysis of participation of Soviet Koreans in the Great Patriotic war. The author considers the problems connected with the representatives of the Korean people heroically protected a native land, worked in rear.

Keywords: *the Korean people, deportation, rear, home front labour.*

В настоящее время в Центре этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН разрабатывается коллективная научно-исследовательская работа «Народы Калмыкии: социокультурный облик». Корейцы уже более четырех десятилетий проживают на территории республики, и материал о них является составной частью данной научной работы. В связи с этим меня заинтересовал вопрос участия представителей корейского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. К сожалению, пока трудно определить количественные характеристики участия советских корейцев в этой войне. Книга, посвященная участию их в Великой Отечественной войне, к сожалению, еще не написана, как и не исследована эта проблема в научном плане, она требует глубокого изучения.

Несмотря на то, что на фронт корейцев не призывали, некоторые из них все же участвовали в войне добровольцами. Среди них – гвардии майор Александр Мин, Герой Советского Союза

(погиб при освобождении Крыма); мичман Сергей Хан, участник Парада Победы; лейтенант Николай Цой, закончивший войну в Прибалтике; командир взвода Николай Ким, дошедший до р. Одер, академик архитектуры, лауреат Государственной премии Союза ССР; сестра медсанбата Валентина Ли, закончившая войну в Берлине; полковой радист Виктор Хан, освобождавший Бухарест, Софию, Белград, Будапешт, Вену; радист Виктор Канн; командир подводной лодки Алексей Хан; политрук Степан Тен; пулеметчик Михаил Тен. Вкратце расскажем о судьбе отдельных представителей корейского народа, которые героически сражались в годы Великой Отечественной войны.

Александр Павлович Мин родился в декабре 1915 г. в с. Чер-Сан-До Шкотовского района Приморского края в семье крестьянина. Член ВКП(б) с 1944 г. Призван в ряды РККА 25 мая 1941 г. Волжским РВК г. Саратова. С мая по июль 1941 г. – красноармеец 511-го отдельного строительного батальона. С июля 1941 г. по август 1942 г. – крас-

Даты	орудия				минометы		
	122-мм гаубицы	76-мм	45-мм	37-мм	107-мм, 120-мм	82-мм	50-мм
01.10.1942	—	29	14	—	20	73	62
01.11.1942	15	29	29	—	всего 183		
01.12.1942	12	21	30	4	19	84	75
01.02.1943	—	5	9	—	—	—	2
01.03.1943	4	11	18	4	13	19	8

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». Минск, 2003.

2. Скоробогатов В.П. 28-я в боях за Калмыкию. Элиста, 1968.

3. Шеин О.В. На Астраханском направлении: история боевых действий в калмыцкой степи в 1942 году. б/м., б/г.

4. Роковые решения. Поход на Сталинград. СПб., 2000.

5. Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1989.

ББК 63.3 (2) 45

СОВЕТСКИЕ КОРЕЙЦЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л.В. Намруева

Статья посвящена анализу участия советских корейцев в Великой Отечественной войне. Автор рассматривает проблемы, связанные с участием представителей корейского народа в защите Родины и работе в тылу.

Ключевые слова: *корейский народ, депортация, тыл, труд.*

The paper is devoted to the analysis of participation of Soviet Koreans in the Great Patriotic war. The author considers the problems connected with the representatives of the Korean people heroically protected a native land, worked in rear.

Keywords: *the Korean people, deportation, rear, home front labour.*

В настоящее время в Центре этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН разрабатывается коллективная научно-исследовательская работа «Народы Калмыкии: социокультурный облик». Корейцы уже более четырех десятилетий проживают на территории республики, и материал о них является составной частью данной научной работы. В связи с этим меня заинтересовал вопрос участия представителей корейского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. К сожалению, пока трудно определить количественные характеристики участия советских корейцев в этой войне. Книга, посвященная участию их в Великой Отечественной войне, к сожалению, еще не написана, как и не исследована эта проблема в научном плане, она требует глубокого изучения.

Несмотря на то, что на фронт корейцев не призывали, некоторые из них все же участвовали в войне добровольцами. Среди них – гвардии майор Александр Мин, Герой Советского Союза

(погиб при освобождении Крыма); мичман Сергей Хан, участник Парада Победы; лейтенант Николай Цой, закончивший войну в Прибалтике; командир взвода Николай Ким, дошедший до р. Одер, академик архитектуры, лауреат Государственной премии Союза ССР; сестра медсанбата Валентина Ли, закончившая войну в Берлине; полковой радист Виктор Хан, освобождавший Бухарест, Софию, Белград, Будапешт, Вену; радист Виктор Канн; командир подводной лодки Алексей Хан; политрук Степан Тен; пулеметчик Михаил Тен. Вкратце расскажем о судьбе отдельных представителей корейского народа, которые героически сражались в годы Великой Отечественной войны.

Александр Павлович Мин родился в декабре 1915 г. в с. Чер-Сан-До Шкотовского района Приморского края в семье крестьянина. Член ВКП(б) с 1944 г. Призван в ряды РККА 25 мая 1941 г. Волжским РВК г. Саратова. С мая по июль 1941 г. – красноармеец 511-го отдельного строительного батальона. С июля 1941 г. по август 1942 г. – крас-

ноармеец 150-го отдельного строительного батальона. Принимал участие в обороне Москвы. С августа по октябрь 1942 г. прошел курсы младших лейтенантов при 13-й армии Брянского фронта. С октября 1942 г. по январь 1944 г. – адъютант 1-го стрелкового батальона 605-го стрелкового полка 132-й стрелковой Бахмаческой Краснознаменной ордена Суворова дивизии. С января 1944 г. – командир батальона 605-го стрелкового полка (132-я стрелковая дивизия, 65-я армия, 1-й Белорусский фронт). В боях за г. Ковель (Волинская область) отразил с батальоном 4 – 5 июля 1944 г. пять контратак врага. Преследуя отходящего противника, захватил с. Старые Каширы (Ковельский район Волинской области). Погиб 9 июля 1944 г. при прорыве сильно укрепленной обороны противника в районе с. Паридубы (Старовыжевский район Волинской области). Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 (посмертно). Награжден орденами Ленина, Александра Невского, Отечественной войны 2-й ст., Красной Звезды. Похоронен в братской могиле в поселке Луков Турийского района Волинской области. У здания средней школы в с. Ровное Таразской (ранее Джамбульской) области Республики Казахстан установлен бюст героя. Именем Героя Советского Союза А.П. Мина названы улица в Ташкенте, сад в г. Аккургане (Республика Узбекистан).

Судьба другого солдата, Хвана Донгука, не отличается от судеб тысяч советских корейцев, депортированных с Дальнего Востока. После депортации в Среднюю Азию учился на физико-математическом факультете Самаркандского государственного университета. Однако с началом Великой Отечественной войны, будучи уже на втором курсе, вынужден был оставить учебу. Его, как и других работоспособных корейских мужчин, направили по специальному призыву в трудовую армию. С августа 1941 г. он работает на рытье окопов под Харьковом, затем участвует в строительстве стратегической железнодорожной ветки.

Зная о том, что корейцев по разным политическим причинам, как «неблагонадежных», не призывали на фронт, Хван Донгук все же проявил решительность и написал письмо на имя И. Сталина, в котором изложил свою просьбу «направить его на фронт, чтобы лично сразаться с врагами Советской Родины». В сентябре 1942 г. его просьба была удовлетворена. Хвана Донгука направили в Астрахань, где размещался пересыльный пункт. Там в течение трех месяцев формировалась 130-я дивизия. Еще будучи в университете, он научился водить машину. Хвана определили в артиллерийский полк командиром противотанкового 76-мм орудия.

В начале декабря 1942 г. 130-я дивизия выступила в сторону Элисты, дошла до Батайска, освобождала от фашистов города Ростов-на-Дону

и Жданов (Мариуполь). После кратковременного отдыха 130-ю дивизию в 1943 г. передислоцировали в распоряжение Белорусского фронта. Под Брестом Хван Донгук был ранен и контужен, лежал в госпитале. После выздоровления принимал участие в освобождении Польши, сражался за Кенигсберг. Награжден медалью «За взятие Кенигсберга». Позднее за освобождение Берлина был удостоен ордена Отечественной войны II степени, награжден двумя медалями «За отвагу» и двумя медалями «За боевые заслуги» [1, с. 154 - 155].

Во время Великой Отечественной войны еще один советский кореец, Иннокентий Пак, после неоднократных попыток попасть на фронт добровольцем был призван в армию и направлен в бомбардировочную авиацию дальнего действия. Совершил 120 боевых вылетов, дважды был сбит. Каждый раз с территории, занятой врагом, несколько дней пробирался к своим. И снова рвался в бой. В составе авиационной эскадрильи участвовал в освобождении Китая и Кореи от японцев. Иннокентий Андреевич награжден пятью боевыми орденами и двадцатью медалями. После увольнения из армии служил бортинженером в гражданской авиации [2].

Газета «Российские корейцы» в одном из январских номеров в 2000 г., писала о С.А. Хане: «Малоприметный и абсолютно равнодушный к собственному имиджу, он между тем был человеком-легендой. Он единственный кореец – участник Парада Победы в Москве в 1945 году». Оставшись сиротой, Хан бежал из детдома и добрался до Украины. Его подобрала воинская часть, Сергей стал сыном полка, потом служил в 5-й Московской танковой бригаде. Принимал участие в Великой Отечественной войне на Юго-Западном фронте. Люди его поколения с горячей целеустремленностью и обостренным чувством справедливости только и могли победить в войне, а затем одерживать победу в мирной жизни [3].

Многих корейских юношей военкоматы призывали в армию, а затем вместо фронта направляли в трудовые лагеря. М.Н. Хан рассказывает: «Тысячи молодых корейцев, среди которых были и только что окончившие среднюю школу, подавали заявления в местные военкоматы с просьбой направить их на фронт. Но тоталитарный сталинский режим, питавший недоверие к корейскому населению, которое считал потенциальным пособником японского империализма, отказывал корейцам служить в рядах регулярной Советской Армии. Вместо этого было принято решение направить корейцев, достигших призывного возраста, в трудовую армию» [4].

С. Югай, как комсомолец 1940-х годов, патриот, преисполненный стремлением во что бы то ни стало одержать победу над Германией, просился на фронт. В 1943 г. 17-летнего юношу Сырдарьинский

райвоенкомат г. Кызыл-Орда призывает в армию. Горвоенкомат готовит призывников к отправке в артиллерийский полк. В конце ноября их погружают в товарные вагоны, примерно так же, как это было при депортации корейцев в 1937 г. из Дальневосточного края. В эшелоне было около 200 корейцев 17–18-летнего возраста, мобилизованных со всего Казахстана и Средней Азии.

Вместо обещанного артиллерийского, а позднее танкового полков привезли их на Крайний Север в трудовую армию. Служить и работать пришлось на первой в СССР нефтяной шахте в системе наркомата внутренних дел. Остальные ребята работали на лесоповале и в других местах. Полуголодные, одетые в бушлаты, они опухали от голода и холода. Труд и условия быта были очень тяжелыми. Жили в бараках, спали на двухъярусных нарах. С. Югай вспоминает, что работал под землей, на большой глубине шахтером-забойщиком (бурильщиком) на шахте № 1. Впоследствии его назначили бригадиром. Интересна судьба рода Югай. Судьба всех его братьев связана с войной. В своих воспоминаниях С. Югай пишет: «...Мой двоюродный брат Хван Иван был отчислен в середине 1941 г. из Института стали им. И. Сталина (их отчисляли из вузов как детей депортированных). Он считался лучшим успевающим студентом вуза. Впоследствии он добровольцем участвовал в войне против гитлеровской Германии, раненый под городом Выборгом, умер в 1942 г. в госпитале Ленинграда. Похоронен Иван на Пискаревском кладбище. Брат Борис был отчислен со второго курса летного училища города Архангельска. Он вернулся в 1942 г., и тут же его отправили на работу, на шахту под Тулой» [5, с. 156].

По не зависящим от них причинам корейцы в своем большинстве трудились в тылу и внесли свой вклад в победу над фашизмом, как и все другие народы. Об этом свидетельствуют их мобилизации на трудовой фронт, в рабочие колонны и батальоны. Наверное, трудно было найти такую отрасль народного хозяйства, в которой бы они не трудились, и это особый, специальный срез истории советских корейцев. Рассказ одной из участниц трудового тыла, записанный нами, позволяет узнать об этой стороне истории корейского народа.

Елена Трофимовна Ким родилась на Дальнем Востоке в 1924 г. С 1970 года проживает в поселке Большой Царын Республики Калмыкия. Из ее воспоминаний мы узнали, что начало трудовой деятельности корейской девушки совпало с началом войны. С 17 лет она трудилась в колхозе им. Ленина близ г. Ташкента Узбекской ССР. Работала звеньевой хлопковой бригады, в звене было до 20 человек. Для выполнения плана необходимо было собирать по 100 кг хлопка, поэтому молодые девушки, женщины целый день находи-

лись в согнутом положении. Для юной неокрепшей девушки эта работа казалась просто адской. Хлопок поливали ночью, когда не было жарко, чтобы не падали цветы. Из семян этой культуры изготавливали порох на одном из ташкентских заводов. Хлопок собирали вручную днем, а ночью молотили рис. Работали практически без отдыха. Питались скверно, кормили баландой из овощей. Чувство голода и желание досыта поесть никогда не покидало. Поломка комбайна позволяла женщинам хоть немного отдохнуть. Зимой они копали канал для строительства ГЭС глубиной 6 м. Труд оплачивался в основном натуральными продуктами, давали небольшое количество риса и немного денег. Мужчины находились в трудовой армии. Елена Трофимовна Ким была награждена в 1948 г. орденом Трудового Красного Знамени за особые заслуги в области социалистического строительства и обороны Союза ССР. Как участник трудового фронта награждена также 5 юбилейными медалями за вклад в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Из книги воспоминаний Пака Сан-Ера, первого директора рисовхоза «Калмыцкий» Октябрьского района Республики Калмыкия также получили сведения по интересующему нас вопросу. Пак Сан-Ер, 1913 г. рождения, агроном по специальности, начал работать в системе сельского хозяйства с 1934 г.

В октябре 1941 г. он был назначен начальником районного земельного отдела и первым заместителем председателя райисполкома Верхне-Чирчикского района Ташкентской области. В районе было 38 колхозов. Национальный состав района был таковым: узбеки – 35-40%, корейцы – 20-25%, казахи – около 20%. Основными культурами, засеваемыми в колхозах, были хлопчатник, рис, зерновые, кормовые и технические культуры. На фронт призывали в первую очередь кадровых военных, находившихся в запасе. В машинно-тракторной станции (МТС), которой руководил Пак Сан-Ер, специалисты в основном были запасниками. От работы МТС зависело, какой урожай получат колхозы, какое количество зерна они заготовят в государственные закрома, поэтому ее работе придавалось большое значение. МТС стала также штабом по мобилизации автомобилей и тракторов. Экстренно были организованы курсы трактористов из числа женщин и девушек. Через три месяца они заменили ушедших на фронт мужчин и составили почти 30% от общего числа механизаторов [6].

О высоком патриотизме того времени говорит такой факт. По почину многих рабочих, служащих и колхозников в стране проходил сбор средств на строительство самолетов и танков. Почти все без исключения люди отдавали на это сбережения. Так, например, председатель колхо-

за «Северный маяк» Средне-Чирчикского района Ташкентской области Сергей Григорьевич Цой отдал на строительство самолета один миллион рублей своих сбережений. Вскоре самолет, построенный на средства С.Г. Цой, прилетел в колхоз «Северный маяк» в знак благодарности [6, с. 80 - 81].

Радостные известия с фронта вселяли веру в близкую победу и воодушевляли людей, работающих в тылу. Они работали, не считаясь со временем, не жалея своих сил, за двоих, за троих. Люди работали до позднего вечера, иногда до полуночи, а порой и до утра, своим самоотверженным трудом приближая долгожданную победу. Несмотря на трудности, связанные с притеснениями в условиях депортации, корейцы не были сломлены, высокими оставались их дух преданности родине, чувства гражданского долга, необходимости защиты своей отчизны, которой стал для них Советский Союз.

Переселенные по превентивному обвинению, они воссоздавали своими силами новый очаг жизни, обрабатывая в неимоверно тяжелых условиях земельные угодья, растили своих детей. В годы Великой Отечественной войны корейский народ проявил истинную любовь к своей Родине, героически участвовал в защите ее от врагов, мужественно трудился в тылу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хван Донгук // Дорогой горьких испытаний. М., 1997. С. 154–155.
2. Азар Мехтиев. 150 витков вокруг земли // Российские корейцы. 2002. № 2 (23), фев.
3. Российские корейцы. 2000. № 5, янв.
4. Российские корейцы. 2001. № 15, июнь.
5. Югай С. П. О жизни одной семьи российских корейцев // Дорогой горьких испытаний. М., 1997. С. 156.
6. Пак Сан-Ер. Дорогие сердцу воспоминания. Караганда, 1979. С. 80–81.

ББК 63.3 (5)

ВОЕННЫЙ ТАЛАНТ ЭСЭНА КАК ПОЛКОВОДЦА

Д.Г. Кукеев

Статья посвящена тайше Эсэну из ойратского племени Чорос, одному из крупных политических деятелей Центральной Азии XV века. Автор приходит к выводу, что крупномасштабное вторжение в пределы Минской империи в 1449 г. было тщательно продуманным планом с использованием методов шпионажа и тактикой, основанной на триадной структуре войска. Поражение в этой кампании было обусловлено нарушением общего руководства в военной организации армии кочевников и неподчинением двух крыльев армейскому центру.

Ключевые слова: *Моголистан, Чжу Ци-чжэнь, триадная структура войска, династия Мин, Ван Чжэн, Токтобуха, хошеуты, торгуты, Чжисюань Алаг, евнух Си-нин.*

Despite of the taishi Esen from Oirat's tribe Choros was one of the big political figures of Central Asia in XV century, but this article is devoted to illumination his commander's capabilities. The author came to conclusion that the large-scale invasion into Ming empire in 1449 was accurately considered plan with the spying methods and the tactic, which based on the triad structure of the army. This campaign's defeat was determined by interruption of common management in the nomad's military organization and by unobedience of the two wings to the military center.

Keywords: *Mogholistan, Zhu Qi-zheng, the triad structure of the army, Ming dynasty, Wang Zheng, Tokto-buka, The Khoshuud, The Torghuut, Zhiyuan Alaq, the eunuch Xi-ning.*

Для воспитания патриотического духа молодежи необходимо освещать события, а также деятельность выдающихся личностей минувших лет, имевшие место в сравнительно далеком прошлом, однако довольно интересные и масштабные по своей сущности. В настоящей статье нами предпринимается попытка проследить тактику главнокомандующего ойрато-монгольскими войсками тайши Эсэна из ойратского рода Чорос в военных кампаниях против соседних кочевых народов, а также крупномасштабной операции вторжения вглубь территорий, подконтрольных

китайской династии Мин, в 1449 году. Помимо этого хотелось бы осветить особенности побед и вынужденных промахов ойратского военачальника, военно-тактические приемы ойрато-монгольских войск под предводительством Эсэна в противоборстве с кочевыми племенами и оседло-земледельческой империей Мин, а также результаты военной кампании Эсэна против Минской империи [1, с. 2 - 9].

К моменту политического и военного противостояния с самой могущественной империей дальневосточного региона Эсэн уже имел значи-

за «Северный маяк» Средне-Чирчикского района Ташкентской области Сергей Григорьевич Цой отдал на строительство самолета один миллион рублей своих сбережений. Вскоре самолет, построенный на средства С.Г. Цой, прилетел в колхоз «Северный маяк» в знак благодарности [6, с. 80 - 81].

Радостные известия с фронта вселяли веру в близкую победу и воодушевляли людей, работающих в тылу. Они работали, не считаясь со временем, не жалея своих сил, за двоих, за троих. Люди работали до позднего вечера, иногда до полуночи, а порой и до утра, своим самоотверженным трудом приближая долгожданную победу. Несмотря на трудности, связанные с притеснениями в условиях депортации, корейцы не были сломлены, высокими оставались их дух преданности родине, чувства гражданского долга, необходимости защиты своей отчизны, которой стал для них Советский Союз.

Переселенные по превентивному обвинению, они воссоздавали своими силами новый очаг жизни, обрабатывая в неимоверно тяжелых условиях земельные угодья, растили своих детей. В годы Великой Отечественной войны корейский народ проявил истинную любовь к своей Родине, героически участвовал в защите ее от врагов, мужественно трудился в тылу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хван Донгук // Дорогой горьких испытаний. М., 1997. С. 154–155.
2. Азар Мехтиев. 150 витков вокруг земли // Российские корейцы. 2002. № 2 (23), фев.
3. Российские корейцы. 2000. № 5, янв.
4. Российские корейцы. 2001. № 15, июнь.
5. Югай С. П. О жизни одной семьи российских корейцев // Дорогой горьких испытаний. М., 1997. С. 156.
6. Пак Сан-Ер. Дорогие сердцу воспоминания. Караганда, 1979. С. 80–81.

ББК 63.3 (5)

ВОЕННЫЙ ТАЛАНТ ЭСЭНА КАК ПОЛКОВОДЦА

Д.Г. Кукеев

Статья посвящена тайше Эсэну из ойратского племени Чорос, одному из крупных политических деятелей Центральной Азии XV века. Автор приходит к выводу, что крупномасштабное вторжение в пределы Минской империи в 1449 г. было тщательно продуманным планом с использованием методов шпионажа и тактикой, основанной на триадной структуре войска. Поражение в этой кампании было обусловлено нарушением общего руководства в военной организации армии кочевников и неподчинением двух крыльев армейскому центру.

Ключевые слова: *Моголистан, Чжу Ци-чжэнь, триадная структура войска, династия Мин, Ван Чжэн, Токтобуха, хошеуты, торгуты, Чжисюань Алаг, евнух Си-нин.*

Despite of the taishi Esen from Oirat's tribe Choros was one of the big political figures of Central Asia in XV century, but this article is devoted to illumination his commander's capabilities. The author came to conclusion that the large-scale invasion into Ming empire in 1449 was accurately considered plan with the spying methods and the tactic, which based on the triad structure of the army. This campaign's defeat was determined by interruption of common management in the nomad's military organization and by unobedience of the two wings to the military center.

Keywords: *Mogholistan, Zhu Qi-zheng, the triad structure of the army, Ming dynasty, Wang Zheng, Tokto-buka, The Khoshuud, The Torghuut, Zhiyuan Alaq, the eunuch Xi-ning.*

Для воспитания патриотического духа молодежи необходимо освещать события, а также деятельность выдающихся личностей минувших лет, имевшие место в сравнительно далеком прошлом, однако довольно интересные и масштабные по своей сущности. В настоящей статье нами предпринимается попытка проследить тактику главнокомандующего ойрато-монгольскими войсками тайши Эсэна из ойратского рода Чорос в военных кампаниях против соседних кочевых народов, а также крупномасштабной операции вторжения вглубь территорий, подконтрольных

китайской династии Мин, в 1449 году. Помимо этого хотелось бы осветить особенности побед и вынужденных промахов ойратского военачальника, военно-тактические приемы ойрато-монгольских войск под предводительством Эсэна в противоборстве с кочевыми племенами и оседло-земледельческой империей Мин, а также результаты военной кампании Эсэна против Минской империи [1, с. 2 - 9].

К моменту политического и военного противостояния с самой могущественной империей дальневосточного региона Эсэн уже имел значи-

тельный военный опыт. В 1420-х г. Эсэн успел реализовать три военных кампании против Восточного Моголистана¹ под своим командованием, которые закончились вполне результативно – благодаря успехам этих операций территория политического влияния ойратов простиралась на западе до Бешбалыка.

В годы правления Вэйс (Увэйс)-хана (1418 – 1429) в Моголистане ойраты вели непрерывную вооруженную борьбу против него. Известный востоковед В.В. Бартольд, делая ссылку на тюркский источник «Тарихи Рашиди», утверждает, что «на берегах Или Вейс-хан много раз сражался с военачальником Эсэн-тайчжи, сыном главного ойратского предводителя того времени Тогона. Вейс дал калмыкам 61 битву, из которых только в одной одержал победу; два раза он был взят в плен калмыками и против своего желания должен был выдать за Эсэн-тайчжи свою сестру» [2, с. 73].

Немного позже, в 30-х г. XV в., Эсэн сопровождал и активно помогал своему отцу Тогону при ликвидации давнего соперника ойратов – восточномонгольского тайши Аруктая из рода асуд [3, с. 416].

Главным тактическим приемом ведения боевых действий с противником у кочевников традиционно было использование принципов облавной охоты. Ее суть сводилась к охвату территории, окружению и преследованию врага в определенном направлении, то есть к уже приготовленной «ловушке», где отряды неприятеля можно было ликвидировать либо принудить к сдаче в плен. При проведении такой тактики обязательно соблюдались незыблемые принципы военной организации, заимствованные из опыта облавной охоты на диких животных: триадная структура войска (правое крыло, центр, левое крыло), иерархический принцип деления воинских единиц, наличие общего руководства боевыми действиями [4, с. 57]. Талант же Эсэна заключался в правильном использовании имевшихся к тому времени в его распоряжении специализированных военных подразделений. Как известно, в 30-е г. XV века происходило присоединение к ойратам хошеутов и торгутов [5, с. 43 – 58; 6, с. 72 – 76]. Эсэн приспособил военную структуру подразделений хошеутов и торгутов к сохра-

нившейся у ойратов того времени «племенной» структуре. Эсэн как полководец находился в центре триадной структуры войска. Центр же имел свою структуру и включал в себя арьергардный и авангардный для всего войска «воинские порядки», т.е. построения типа клина или «морды» (хошуун) и т.д. [7, с. 227]. На мой взгляд, ввиду рационального использования влившихся в состав ойратов новых людских ресурсов можно частично объяснить военный успех Эсэна в противостоянии с соседними кочевыми (восточномонгольские племена, находившиеся под руководством Аруктая) и полукочевыми народами (племена, входившие в состав восточного Моголистана). Конечно, без подтверждения письменных источников данный вывод не может быть категоричен, однако они и не опровергают наше мнение по этому поводу.

Успешно завершив военные действия со своими кочевыми соседями, Эсэн сфокусировал свое внимание на оседло-земледельческой империи Мин. Здесь следует отметить, что по своей военной мощи центральноазиатские кочевые соперники Эсэна не имели в наличии таких огромных военных и людских ресурсов, какими обладала дальневосточная империя Мин. Китайские войска уже к тому времени при защите от осады городов активно использовали порох [8, с. 59]. Хотя ойраты и могли познакомиться с действием ручного огнестрельного оружия и артиллерии еще в XV в., однако в этот период не особенно надежное огнестрельное оружие не производило должного впечатления на центральноазиатских полководцев [9, с. 157]. Поэтому использование пороха или наличие огнестрельного оружия у ойратов при ведении боевых действий в XV в. представляется маловероятным. Это, в свою очередь, в условиях осады снижало боевую эффективность военного снаряжения кочевников по сравнению с китайскими солдатами.

Несмотря на констатацию военного преимущества империи Мин, все же не следует абсолютизировать ее потенциал. Военное ведомство империи Мин к середине XV в. имело множество пороков. Причиной некомпетентности данного ведомства являлось то, что в высшей структуре власти являлся посредником между императором и государственным аппаратом и огромным влиянием пользовался наставник императора главный евнух Ведомства ритуалов Ван Чжэнь. Наиболее компетентные военные чиновники были при нем смещены, охранные войска вдоль границ были в запущенном состоянии, а солдаты, несущие службу на северо-западной границе империи, находились в бедственном положении, близком к рабству. Оборонительные возможности китайской империи были ограничены из-за всеобщей коррупции, результатом чего явилась постоянная

¹ Согласно существующей в науке терминологии, восточная часть Чагатайского улуса после 40-х гг. XIV в. именуется Моголистаном. В литературе территория Могольского государства часто именовалась Малой Бухарией, Кашгарией и Восточным Туркестаном. Границы Моголистана в первый период его существования доходили на западе до р. Сырдарья; на востоке – до оз. Баркуль и р. Иртыш; на юге они проходили по южному склону Тянь-Шаня – от Ферганы до Великой китайской стены; на севере – до оз. Балхаш.

боязнь минских пограничников вступать в сражение с неприятелем [10, с. 89].

Несмотря на сложность обстановки, используя как плюсы, так и минусы военного потенциала противоборствующих сторон, Эсэн решился вести войну на территории Минской империи, хотя при столкновении с обществом оседло-земледельческого типа кочевники обычно избегали вступать во фронтальное сражение с более многочисленным и хорошо вооруженным войском. Несомненно, эта кампания не являлась спонтанным решением полководца, а была тщательно продуманной операцией с определенной стратегией.

Задолго до начала крупной военной кампании против Китая сначала Тогон, а затем и Эсэн тщательно изучали могучего противника и засылали своих разведчиков и шпионов. Изначально Тогоном, отцом Эсэна, предпринимались действия подобного характера. «Мин ши» сообщает, что Тогон угрозами и соблазнами переманивал к себе все дояньские² караулы для того, чтобы следить за тем, что происходит за заставами [11, с. 2321]. Не исключено, что Эсэн к тому времени также принимал прямое участие в координации действий при реализации данного замысла.

Помимо данного типа шпионажа также велась разведка через т.н. «даннические» миссии, которые ежегодно отправлялись в Пекин и вели торговый обмен товаров кочевого животноводства на необходимые изделия, изготавливаемые оседло-земледельческим обществом на территории Китая. Часто в состав этих посольств входили мусульманские купцы³. Но самым важным шпионом и полезным советником Эсэна после Тумуской катастрофы 1449 г. и пленения императора стал евнух Си-нин, который по происхождению являлся восточным монголом.

При такой сложной расстановке противоборствующих сил летом 1449 года началось масштабное вторжение ойрато-монгольских войск в Китай. Ойрато-китайскую войну можно разделить на три этапа.

Первый этап (от 7 месяца 14 года правления Чжэн-туна до 8 месяца этого года) включает сражение при Туму, разгром минской армии и пленение императора Чжу Ци-чжэня.

Второй этап продолжался с 8-го месяца 14-го года до 12-го месяца девиза правления Чжэн-туна (храмовое имя – Ин-цзун). Этот этап характери-

зуется т.н. «сопровождением императора», грабежом городов, осадой столицы и неудачным исходом на север.

Третий этап (с весны года вступления под девизом правления Цзин-тай до лета) характеризуется новой попыткой похода на юг, проигрывшем и отправкой послов с предложением о мире.

В июле 1449 г. началось вторжение ойрато-монгольских армий по трем дорогам. Эсэн, возглавляя центр армии, направился в г. Датун, восточномонгольский хан Токтобуха, возглавив левое крыло вместе с монголами-урянхайцами, атаковал Ляодун, а чжиюань Алаг во главе правого крыла ограбил Сюаньфу, осадил Ичэн и, кроме того, отправил отдельный кавалерийский отряд разграбить Ганьчжоу [11, с. 2321].

Эсэну не пришлось долго осаждать Датун, поскольку минские военачальники и ответственные за данную территорию чиновники под командованием военного министра евнуха Го Цзина решили дать генеральное сражение ойратскому полководцу. Битва за Датун произошла в местности Янхэ. Ввиду того, что действиями китайских военачальников руководили малосведущие Ван Чжэнь, Го Цзин и другие евнухи, в китайских войсках не было дисциплины. Естественно, при таких обстоятельствах китайский гарнизон потерпел поражение. Все генералы противника были схвачены Эсэном. Тем временем 16 июля император Чжу Ци-чжэнь и евнух Ван Чжэнь, возглавив 500-тысячную⁴ столичную армию, вышли из Пекина навстречу ойрато-монгольским войскам в сторону Датун. К их несчастью, в течение нескольких дней подряд шел сильный дождь и дул ветер. Как повествует династийная хроника, «армия находилась в [состоянии] боязни ночью, люди дрожали от страха. Го Цзин тайно предложил Чжэню повернуть войска назад» [11, с. 2322]. Несмотря на это, в начале августа император все же достиг Датун, но разыгралась большая буря. В это время чжиюань Алаг вторгся в Ма-ин-бао (совр. Хэбэй, сев.-зап. Ичэна), а шоубэй⁵ Ян Хун сбежал. Ойратские войска прошли через проход Ду-ши-коу (Хэбэй, северо-восток Бэй-ичэн), разгромили город Юн-нин-чэн (совр. Хэбэй). И в этот момент в китайском лагере решили отступить.

3 августа минская армия рассредоточилась на востоке. Датунский фу-цзун-бин⁶ Го Дэн через Цао Лина советовал императору отступить к столице через проход Цзыцзингуань (совр. Хэбэй), при этом, как советовал он, следовало бы сохранять осторожность. От Датун до Цзыцзингуаня

⁴ Данная цифра дается китайскими источниками, однако полностью доверять ей не стоит.

⁵ Шоубэй – военачальник в составе войск особой местности, исключительно в защитных гарнизонах.

⁶ Фу-цзун-бин – помощник военачальника.

² Доянь – округ, состоящий из монгольского населения, подконтрольный минскому Китаю. На населении этого округа лежала функция охраны северных рубежей Китая. Это был некий аналог «казакам» в Российской империи, хотя такое сравнение не вполне точное.

³ В «Мин ши» часто упоминается о некоем «Пир-ма-хэй-ма», т.е. Пир-Махмуде.

они проходили через Вэйчжоу, и Ван Чжэнь предложил императору свернуть с пути и посетить его малую родину, а это еще более поспособствовало вхождению минской армии вглубь Вэйчжоу. После того как армия прошла 14 ли⁷, Ван Чжэнь испугался, что солдаты и лошади истопчут земли его территории. Он внезапно переменял свое решение и двинул армию на восток [12, с. 3485].

10 августа «Император прибыл в Сюаньфу, вражеские (т.е. ойрато-монгольские) войска атаковали армию с тыла. Хунь-шунь-хоу⁸ У Кэ-чжун доблестно сопротивлялся врагу, но потерпел поражение и умер. Чэн-го-гун⁹ Чжу Юн и юн-шунь-бо¹⁰ Се Шоу с 40-тыс. войском продолжали движение и прибыл в [местность] Яоэрлин, [где] они попали в засаду и были полностью разбиты» [11, с. 2322].

13 августа минский правитель Чжу Ци-чжэнь отступил из Сюаньфу к местности Туму, которая находилась от г. Хуайлай всего в 20 ли. Ван Чжэнь не осмелился войти в город из-за того, что военный обоз был велик. Минский император тогда оставался на горе Ланшань у тумуской крепости, а армейский лагерь был разбит около крепости Туму. Крепость Туму являлась важной почтовой станцией, которая стояла между проходом Цзюйюнгунянь и Сюаньфу. Она располагалась на западном склоне горы Ланшань – к востоку от укрепления Хуайлай на 25 ли, к северо-востоку от Яньцинчжоу на 80 ли, и к западу от Баоаньчжоу на 40 ли. В это время с северо-запада, со стороны Яоэрлина, китайская армия подверглась нападению войск под командованием Эсэна, с северо-востока со стороны г. Ичэна и территории Юн-нина атаковали минскую армию войска чжюаня Алага. Минские войска попали в очень тяжелое положение. Рассматривая данную тактику, хочется отметить, что в ней применен один из популярных военно-тактических приемов центральноазиатских кочевников, именуемый «принципом двойного удара крыльев». Этот тактический прием был исключительно широко распространен у кочевников Центральной Азии и активно применялся ими даже в XVIII веке [10, с. 537]. На следующий день, 14 августа 1449 г., на рассвете ойратские войска достигли крепости Туму и окружили гору Ланшань. В официальной династийной истории «Мин ши» сказано: «Туму находится на возвышенности, [стали копать] колодцы были глубиной в 2 чжана¹¹, но воды не находили. Все дороги, на которых имелись [источ-

ники], были захвачены врагом. Люди испытывали жажду, и на следующий день враг обнаружил, что императорская армия стоит и не двигается, и притворно отступил. Тогда [Ван] Чжэнь приказал перевести лагерь к югу» [11, с. 2322]. В 181 цзюани «Мин Инцзун шилу» добавлено, что «к югу от крепости на 15 ли имелась река, на которой располагались ойратские войска. Минские войска находились без воды два дня; как люди, так и скот испытывали жажду, армия очень утомилась... Ойратская же армия увеличивалась. 15 августа ойратские войска притворно дали понять, что отступают, и послали гонца с предложением о мире. Минский Чжу Ци-чжэнь приказал сюэши¹² Цао Лину побыстрее дать ответ и послал двух людей вместе с послом Эсэна в лагерь ойратов с целью заключения мира. Ван Чжэнь же приказал переместить военный лагерь поближе к воде. Положение в войсках было плачевным, царил беспорядок, и все двинулись на юг. Когда они прошли 3-4 ли, ойратские всадники внезапно атаковали их со всех четырех сторон, с яростью рубя минскую армию, и громко восклицали: «Не убьем тех, кто сдается!» [12, с. 3486]. В результате китайская армия потерпела фиаско. «Минский Инцзун (т.е. император Чжу Ци-чжэнь) во главе своей гвардии собирался прорвать окружение, но успеха не имел. Ему даже пришлось слезть с лошади и сидеть на земле, скрестив ноги, его сопровождал только евнух Си-нин» [12, с. 3486]. Император был захвачен в плен, и «Эсэн, когда узнал о прибытии императорского экипажа, был очень изумлен и даже не поверил [этому], но когда они свиделись, [Эсэн] очень вежливо обращался с ним» [11, с. 2322].

В истории это событие было названо «Битвой при Туму» или «Тумуской катастрофой».

Таким образом, удачный для Эсэна исход первого этапа ойрато-китайской войны был достигнут не только благодаря его воинскому таланту, но и благоприятным для ойратской стороны природным явлениям, таким как буря, дождь и т.д. К тому же Эсэну благоприятствовало наличие некомпетентных и бездарных деятелей в главном штабе противника, поскольку всеми военными операциями руководили малосведущие в военном деле евнухи Го Цзинь и Ван Чжэнь.

После пленения китайского императора начался второй этап войны. Эсэн устроил совет со своими приближенными относительно судьбы своего царственного пленника. После жарких споров было решено оставить пленного императора у младшего брата Эсэна Баян-темура [11, с. 2322]. Здесь Эсэн совершил политический просчет. Именно на втором этапе войны Эсэн полагал, что пленный император может быть козырной картой в будущих мирных переговорах. Поэтому он

¹² Сюэши – титул, имеющий значение «ученый».

⁷ 1 ли равен 576 м.

⁸ Хунь-шунь-хоу – один из княжеских титулов.

⁹ Чэн-го-гун – один из княжеских титулов, означающий «основатель государства».

¹⁰ Юн-шунь-бо – один из княжеских титулов, означающий «вечный и покорный».

¹¹ 1 чжан равен 3,33 м.

прекратил военные действия и не сумел до конца использовать благоприятную для себя ситуацию, чтобы навязать китайской стороне выгодные для ойрато-монгольского государства условия мирного договора. Он упустил время. Ведь он мог после победы при Туму занять китайскую столицу и установить свою власть над значительной территорией Северного Китая. Вместо этого он напрасно прождал прибытия посольства из китайской столицы для заключения мира. Однако это был просчет политического характера, в военном же плане его талант полководца остается неоспоримым. Эсэн принудил императора отправиться вместе с ним в г. Датун, требуя от командующего гарнизоном Го Дэна золото и шелк, и тот дал 30 тысяч кусков серебра. Одновременно Дэн планировал отбить экипаж с пленным императором и вместе с ним въехать в город, но император не согласился на это, и Эсэн вынудил императора направиться на север [11, с. 2322].

Тем временем в Пекине произошли большие изменения: на престол был возведен младший брат попавшего в плен императора, регент Чжу Ци-юй. Главную роль в последовавших событиях сыграл талантливый и энергичный полководец Юй Цянь. В 1449 г. он был заместителем военного министра и, по счастью, во время злополучной военной кампании оставался в столице, исполняя обязанности главы военного ведомства. На место пропавших во время этой кампании высокопоставленных придворных и военачальников при новом дворе к власти пришли новые люди. Юй Цянь 7 сентября 1449 г. был назначен военным министром и стал наиболее влиятельной фигурой в новом правительстве [13, с. 135].

22 сентября 1449 г. «на престол императора взошел Чэн-ван, который прежде был Цзяньго, и пожаловал предыдущему императору [титул] Тайшан-хуанди. Эсэн обманывал, что вернет императора, и пошел через Датунский Янхэ, добрался до прохода Цзыцзингуань и атаковал его» [11, с. 2322].

11 октября ойратские войска приблизились к Пекину и поместили минского Чжу Ци-чжэня снаружи Дэ-шэн-мэна. В этот раз Эсэн планировал за несколько дней разграбить Пекин, но, увидев, что город укреплен (минская армия находилась в полной боевой готовности), понял, что это будет делом нелегким. Перебежчик Синин на этот раз посоветовал Эсэну под предлогом заключения мира пригласить в ойратский лагерь Юй Цяня и других высших сановников империи для ведения переговоров. Однако они получили твердый отказ со стороны Юй Цяня.

13 октября ойратские войска вторглись в Дэ-шэн-мэн, а Юй Цянь приказал Ши Хэну сделать засаду, расквартировав солдат в доме жителей. Он также отдал приказ небольшому военному

отряду показать врагу, что они якобы терпят поражение и отступают. Когда ойратские всадники численностью более 10 тысяч человек вторглись в город, Юй Цянь распорядился встретить врага огнестрельными орудиями. Фу-цзун-бин Фань Гуань, вскочив на коня, вторгся в самый центр ойратского войска. В этот момент из засады внезапно выступил Ши Хэн, в результате они взяли «щипцами» с двух сторон ойратское войско, которое и потерпело поражение у стен города. В этой схватке погибли младший брат Эсэна – Болот, пин-чжан Маонахай и др. Ойратские войска повернули и напали на Си-чжэн-мэн, но там также потерпели поражение и после этого отступили в окрестности за город [10, с. 89].

Эта битва за Пекин длилась 5 дней. Ойратская армия встретила ожесточенный отпор, было множество погибших и раненых, начал падать боевой дух в ойрато-монгольском войске. Сначала Эсэну не удалось взять приступом город, затем он подвергся атаке минской армии, отчего и оказался в крайне плачевном состоянии. Помимо этого, он получил известия о том, что из Ляодуна и Сюаньфу движется дополнительное минское войско, которое может перекрыть ему дорогу.

Другое ойратское войско численностью 50 тысяч всадников осадило Цзюйюньгуань, но здесь шоуцзян¹³ Ло Тун приказал полить водой приступы к городу, и они превратились в лед. И здесь ойратская армия не продвинулась вперед, хотя и вела боевые действия в течение 7 дней и ночей, после чего отступила. Эсэн, услышав эту новость, стал еще более осторожным. 15 числа Эсэн снял свой лагерь и тайно отступил. Юй Цянь отдал приказ Ши Хэну и др., чтобы они под покровом ночи настигли противника. В итоге было убито еще 10 тысяч человек [10, с. 89]. Оказавшись в таких сложных условиях, Эсэн направился на север. Токтобуха, услышав о поражении, не стал вторгаться через ущелья, а также устремил свой путь на север. Эсэн отошел незаметно к Лянсяну и 17 числа вместе с пленным императором вышел из прохода Цзыцзингуань и вновь, разделив свое войско, занялся грабежом Хэбэя.

Зимой этого года ойратские военные отряды рассредоточились на севере. Юй Цянь принялся укреплять оборонную мощь столицы. В декабре Юй Цянь тайно послал более 200 смельчаков на юг Кайпина (совр. Долун сянь) и север Сюаньфу. Они по ночам, тревожа нападениями лагеря Токтобухи и чжюаня Алага, доставили немало забот неприятелю.

В это время главные силы Эсэна занимали местность, в которую входили западная возвышенность горы Дациншань (неподалеку от совр.

¹³ Шоуцзян – начальник пограничного гарнизона.

Хух-хото), восточная часть Янхэ (совр. Сиянга-осянь), Сюаньфу (совр. Хэбэй, Сюаньхуа). Чжюань Алаг располагался к востоку от него – на территории современного Долунсянь, а территория, занятая Токтобухой, находилась на землях совр. Хулун баяра [10, с. 94 - 95]. Этим был завершен второй этап войны.

Таким образом, второй этап был переломным и не принес окончательную победу военной кампании, предпринятой Эсэном. Ведение боевых действий Эсэном оказалось напрасным ввиду усиления оборонной способности столицы империи Мин. С этого момента также можно видеть, что в общем и целом военное искусство кочевников, в том числе и ойрато-монгольское в частности, утрачивает свои передовые позиции, по крайней мере в деле осады крупных городов, и уступает по своим характеристикам оборонительной мощи Пекинским укреплениям, которые активно используют пороховые инструменты. Эсэну не удалось взять город штурмом, и вскоре ему пришлось снять осаду после получения информации о движущихся из других провинций Китая дополнительных воинских подразделений на помощь столице.

На последнем этапе войны с минцами Эсэн вновь возвращается к тактике нападений на территории, подконтрольные династии Мин. В это время вышеупомянутый евнух Си-нин вновь выступает в роли советника Эсэна. Он предлагает выступить из Нинся, разграбить Шаньси и спешно направиться в Цзянань, затем разместить императора Чжу Ци-чжэня в Нанкине и начать политику противодействия недавно коронованному императору Чжу Ци-юю. Далее он советовал, чтобы ойратские войска, выступив из южной части прохода Цзыцзингуань, направились в Шаньдун, затем, разграбив Ланцин, перерезали путь, по которому проходила доставка провианта китайской армии [10, с. 95]. Эсэн прислушался к советам перебежчика и спланировал еще одно вторжение в Китай.

В марте 1450 г. ойрато-монгольские войска вновь несколькими дорогами вторглись на минскую территорию. Эсэн и Сайхан-ван вновь напали на Датун и Янхэ; Датун-ван напал на Бянь-гуань; Тегэ-бука напал на Датун-ба-ли-дянь; Тегэ-пинчжан напал на Тяньчэн, Токтобуха напал на Е-гу-лин и Ван-цюань-вэй [10, с. 95].

Юй Цянь, перебросив войска, с боем встретил ойратскую армию. В мае того же года многотысячная ойратская армия напала на Ин-мэнь-гуань, но была отброшена Ду-чжи-хуэем¹⁴ Ли Жуем. Ойраты снова напали и разграбили Хэцю и Ицзинбао (совр. Шаньси, западная часть Шэньчжэня), осадили Дайчжоу и стремительно продвинулись на юг, но были отброшены губернатором Шаньси Чжу Цзянем.

¹⁴ Ду-чжи-хуэй – командир отряда.

В июне 1450 г. ойратские войска вновь напали на Сюаньфу и при возвращении вместе с пленным императором в Датун понесли немалые потери. Тем временем, как повествует китайская династийная история «Мин ши», «Китай заманил к себе и убил шпиона Ян Си-нина. Эсэн потерял его, и Токтобуха, Алаг чжюань вновь послали своих послов ко двору для переговоров о мире. Они отозвали свои отряды, и Эсэн решил прекратить вражду» [11, с. 2322].

Провал кампании Эсэна на третьем этапе войны объясняется нарушением иерархического принципа деления воинских единиц, что и положило конец существованию общего руководства боевыми действиями. Как сообщают источники, в самом ойратско-монгольском лагере начались разногласия: главы левого и правого крыльев Токтобуха и чжюань Алаг выражали недовольство по поводу последствий этой войны и долгого задержания в плену минского императора Чжу Ци-чжэня. Они независимо от главнокомандующего войсками посылали послов и устанавливали контакты с минским двором, вынуждая Эсэна вместе со своей отрезанной армией вести войну. Эсэн, являясь фактическим главнокомандующим войска, теперь же остался с небольшим отрядом в невыгодных для себя условиях. Он не смог проводить в одиночку операции по успешному проникновению и закреплению на занятых им территориях, поскольку театр военных действий был огромен.

Далее Эсэн был вынужден прекратить военные действия и удалиться на север, а впоследствии вернуть царственного пленника без видимых для себя выгод. Тем не менее сам факт пленения минского императора ойратским правителем Эсэном ярко показывает его полководческий талант. «Ведь такое поражение, отягощенное такой ценой, как попадание в плен к противнику самого императора, случалось в истории Китая лишь однажды – при Сунах в 1127 г., когда чжурчженям еще удалось взять их столицу в Бяньляне (Кайпин)» [14, с. 326].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. Кукеев Д.Г. Эсэн-тайши и ойратско-китайская война 1449 г. (по данным китайских источников) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3.
2. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1957.
3. Dictionary of Ming Biography, 1368 – 1644. Vol. 1. / L. Carrington Goodrich and Chaoying Fang (ed). Columbia Univ. press. New York and London, 1976.
4. Ерофеева И.В. Феномен «скифской тактики» ведения боевых действий в истории казахско-джунгарских войн: экологические аспекты военного искусства кочевников // Вклад кочевников в развитие мировой

цивилизации: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Алматы, 21 – 23 ноября 2007 г.). Алматы: Дайк-пресс, 2008.

5. Авляев Г.О., Санчиров В.П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

6. Кукеев Д.Г. О вхождении хошеутов в состав ойратов (XV век) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: материалы Междунар. научн. конф. Ч. 1. Элиста, 2009.

7. Стратанович Г.Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения: материалы Всесоюзной конф. (Элиста, 17 – 19 мая 1972 г.). Элиста, 1974.

8. Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980.

9. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008.

10. Ду Жункунь, Бай Цуйцин. Си мэньгу ши яньцзю (Исследования истории западных монголов). Урумчи, 1986.

11. Мин ши (История династии Мин). Сер.: Сыбу-бэй-яо. Шанхай, 1936.

12. Мин Инцзун шилу (Записки о свершившемся под девизом правления минского Чжэн-туна). Факсим. изд. Сянган. 1964 – 1966. цз. 181.

13. Санчиров В.П. Ойрато-китайские отношения после «Тумуской катастрофы» 1449 г. // Восток (Oriens). 2009. № 1.

14. Cambridge history of China. Vol. 7. The Ming Dynasty. 1368 – 1644. Pt 1. Cambridge, 1988.

ББК 63.3 (2) 46

РУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ШЕРТЬ 1673 г.

В.Т. Тепкеев

Статья посвящена важной странице в истории русско-калмыцких отношений в XVII веке. Именно заключение шерти 1673 года открыло эпоху правления калмыцкого хана Аюки, привело к тому, что Россия с этого момента приобрела верного союзника на своих южных границах. Автор пытается проследить хронологию событий накануне и во время проведения русско-калмыцкого съезда под Астраханью, а также дать краткий аналитический обзор самой шерти.

Ключевые слова: *Аюка, тайша, воевода, Я.Н. Одоевский, К.М. Черкасский, шерть, русско-калмыцкий съезд, Астрахань, стрельцы.*

The article is devoted to one of the important chapters in the history of Kalmyk-Russian relations in the XVIIth century. The conclusion of the shert in 1673 ushered in an era of government of the Kalmyk Khan Ayuka, and Russia has acquired a loyal ally on its southern borders. The author of this article tries to trace the chronology of events before and during the Russian-Kalmyk Congress near Astrakhan, and give an analytical summary of the shert.

Keywords: *Ayuka, Taisha, military leader, J.N.Odoevsky, K.M.Cherkassky, shert, Russian-Kalmyk congress, Astrakhan, shooters.*

В историографии не уделялось достаточно-го внимания обстоятельствам заключения шерти 1673 г., а впервые этот документ полностью был опубликован только в сборнике «Полное собрание законов Российской империи» [1, с. 923 – 926]. Поэтому мы попытаемся впервые дать аналитический обзор политической ситуации и состояния русско-калмыцких отношений накануне и во время заключения шерти 1673 г., которая открыла целую эпоху более чем полувекового правления калмыцкого Аюки-хана.

Восхождение на политический небосклон молодого тайши происходило в условиях сложной обстановки того времени. В 1669 г. умирает его отец Мончак, попадает в плен к хошутам дед Дайчин, в 1671 г. происходит вооруженная борьба между ним и хошутским Аблаем, а затем оппозиционно настро-

енными тайшами Аблаем и Боком, но Аюке в конечном итоге удалось ликвидировать все препятствия по преодолению политического кризиса в калмыцком обществе. Успешное подавление внутренней оппозиции и внешних врагов помогло ему завоевать симпатии калмыцкого народа и, особенно, старших тайшей, поначалу относившихся к нему с недоверием. Укрепление русско-калмыцких отношений стало своего рода продолжением политики Дайчина и Мончака, видевших в этом главную гарантию обеспечения безопасности калмыцких кочевий.

Международная ситуация в Восточной Европе продолжала оставаться сложной, и у Московского государства после подавления восстания С. Разина все еще существовала напряженность на границе с Крымским ханством. Поэтому для Москвы оставалась актуальной проблемой организация новых сов-

цивилизации: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Алматы, 21 – 23 ноября 2007 г.). Алматы: Дайк-пресс, 2008.

5. Авляев Г.О., Санчиров В.П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

6. Кукеев Д.Г. О вхождении хошеутов в состав ойратов (XV век) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: материалы Междунар. научн. конф. Ч. 1. Элиста, 2009.

7. Стратанович Г.Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения: материалы Всесоюзной конф. (Элиста, 17 – 19 мая 1972 г.). Элиста, 1974.

8. Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980.

9. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008.

10. Ду Жункунь, Бай Цуйцин. Си мэngu ши яньцзю (Исследования истории западных монголов). Урумчи, 1986.

11. Мин ши (История династии Мин). Сер.: Сыбу-бэй-яо. Шанхай, 1936.

12. Мин Инцзун шилу (Записки о свершившемся под девизом правления минского Чжэн-туна). Факсим. изд. Сянган. 1964 – 1966. цз. 181.

13. Санчиров В.П. Ойрато-китайские отношения после «Тумуской катастрофы» 1449 г. // Восток (Oriens). 2009. № 1.

14. Cambridge history of China. Vol. 7. The Ming Dynasty. 1368 – 1644. Pt 1. Cambridge, 1988.

ББК 63.3 (2) 46

РУССКО-КАЛМЫЦКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ШЕРТЬ 1673 г.

В.Т. Тепкеев

Статья посвящена важной странице в истории русско-калмыцких отношений в XVII веке. Именно заключение шерти 1673 года открыло эпоху правления калмыцкого хана Аюки, привело к тому, что Россия с этого момента приобрела верного союзника на своих южных границах. Автор пытается проследить хронологию событий накануне и во время проведения русско-калмыцкого съезда под Астраханью, а также дать краткий аналитический обзор самой шерти.

Ключевые слова: *Аюка, тайша, воевода, Я.Н. Одоевский, К.М. Черкасский, шерть, русско-калмыцкий съезд, Астрахань, стрельцы.*

The article is devoted to one of the important chapters in the history of Kalmyk-Russian relations in the XVIIth century. The conclusion of the shert in 1673 ushered in an era of government of the Kalmyk Khan Ayuka, and Russia has acquired a loyal ally on its southern borders. The author of this article tries to trace the chronology of events before and during the Russian-Kalmyk Congress near Astrakhan, and give an analytical summary of the shert.

Keywords: *Ayuka, Taisha, military leader, J.N.Odoevsky, K.M.Cherkassky, shert, Russian-Kalmyk congress, Astrakhan, shooters.*

В историографии не уделялось достаточно-го внимания обстоятельствам заключения шерти 1673 г., а впервые этот документ полностью был опубликован только в сборнике «Полное собрание законов Российской империи» [1, с. 923 – 926]. Поэтому мы попытаемся впервые дать аналитический обзор политической ситуации и состояния русско-калмыцких отношений накануне и во время заключения шерти 1673 г., которая открыла целую эпоху более чем полувекового правления калмыцкого Аюки-хана.

Восхождение на политический небосклон молодого тайши происходило в условиях сложной обстановки того времени. В 1669 г. умирает его отец Мончак, попадает в плен к хошутам дед Дайчин, в 1671 г. происходит вооруженная борьба между ним и хошутским Аблаем, а затем оппозиционно настро-

енными тайшами Аблаем и Боком, но Аюке в конечном итоге удалось ликвидировать все препятствия по преодолению политического кризиса в калмыцком обществе. Успешное подавление внутренней оппозиции и внешних врагов помогло ему завоевать симпатии калмыцкого народа и, особенно, старших тайшей, поначалу относившихся к нему с недоверием. Укрепление русско-калмыцких отношений стало своего рода продолжением политики Дайчина и Мончака, видевших в этом главную гарантию обеспечения безопасности калмыцких кочевий.

Международная ситуация в Восточной Европе продолжала оставаться сложной, и у Московского государства после подавления восстания С. Разина все еще существовала напряженность на границе с Крымским ханством. Поэтому для Москвы оставалась актуальной проблемой организация новых сов-

местных походов казаков и калмыков против татар. Аюка, несмотря на возникшие внутрикалмыцкие неурядицы, продолжал придерживаться договоренностей, заключенных его покойным отцом с правительством. Еще весной 1672 г. тайша отправил к Перекопу 260 калмыков для «языков». Захватив в плен трех татар, они на обратном пути под Азовом натолкнулись на лагерь азовских татар, отбив у них русский полон, взятый под Волуйкой и Рыбным. 20 мая калмыки «все в целости» пришли на Дон. Затем 2 июня они же совместно с казаками совершили еще один поход под Калачинские башни для захвата малибашских татар, ранее находившихся в подчинении у покойного тайши Бока и направлявшихся к крымскому хану. 29 октября на Дон от Аюки пришел отряд в 200 человек под командой Будаچери. Совместно с казаками атамана Корнилы Яковлева они совершили поход под Азов, побив множество азовцев и захватив в плен 48 человек [2].

Но для восстановления полноценных русско-калмыцких отношений требовались более серьезные шаги к политическому взаимодействию. Толчком к возобновлению этих самых отношений послужил приезд летом 1672 г. в Москву калмыцких послов во главе с Юмай-дарханом. В царской грамоте калмыцким тайшам от 6 июля поощрялась их дальнейшая служба государю, а Аюке была обещана всемерная поддержка со стороны царского правительства. По царскому указу астраханский воевода Яков Никитич Одоевский 14 сентября 1672 г. направил в калмыцкие улусы казанца Тимофея Одинцова, а уже 20 сентября в Астрахань приехали вернувшиеся из Москвы калмыцкие посланцы Юмай-дархан и Эшбердей Аджиев с 4 товарищами. Аюка, кочевавший в это время со своими улусами ближе к Царицыну в верховьях реки Сарпы и озера Цаган-Нур, через своих людей в письме подтвердил желание и дальше верно служить государю, как его дед Дайчин и отец Мончак, «а будет де он не годен, и он де, Аюка тайша, с калмыцкими своими людьми учнет кочевать о себе». Но, по мнению тайши, русско-калмыцким отношениям должным образом мешали развиваться продолжающиеся инциденты. Например, ехавший из Астрахани с отрядом боярин и воевода И.Б. Милославский между Черным Яром и Царицыным разгромил один из калмыцких улусов, захватив 15 человек и 50 голов скота. Аюка не без основания интересовался «по государеву указу это сделано» или нет, поскольку «никакова дурна с калмыцкими своими людьми не учинил». Тайша просил правительство выслать к нему его годовое жалование «против прежнего» или «он де, Аюка тайша, не ваш». Письмо Аюки на калмыцком языке, адресованное государю, и его перевод затем были отправлены воеводами в Москву. Однако тайша категорически был против, чтобы в работе съезда обсуждались вопросы только материальной стороны характера, поскольку рассматривал буду-

щее мероприятие как военно-политическое соглашение [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 1 - 4; 2, с. 11 - 14].

Поскольку Аюка с улусами откочевал от Волги вглубь степей по просьбе донских казаков «для промыслу на крымские улусы», то воеводы решили отозвать Т. Одинцова. Вместо него с калмыцкими послами 22 сентября из Астрахани отправили в улусы казанца Михаила Баракова и подьячего Микиту Протопопова в сопровождении толмача, 10 стрельцов и 10 служилых татар. Они и должны были призвать Аюку, Солом-Церена и других тайшей собраться на съезд под Астраханью с целью подтверждения прежних шертей. Задержка правительством жалования тайшам, видимо, не совсем устраивала Аюку, и он оставил до ноября посланцев у себя в улусе, а сам с улусами двинулся к Куме [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 8.; 2, с. 15 - 17].

В это время калмыки совершили крупный военный поход на Северный Кавказ для укрепления здесь своих пошатнувшихся позиций, связанных с недавними событиями, и возвращения ушедших сюда калмыцких татар и ногаев. Вдобавок ко всему в 1672 г. в Кабарду со своими войсками вторгся крымский хан Селим-Гирей I. Но начавшееся морозное поветрие и конский падеж заставили хана вернуться в Крым, оставив здесь только часть войска для сбора ясака с местного населения. Начавшаяся война в Большой Кабарде между князьями Мусосом Казыевым и Тенгизбием Алегуковым облегчала крымское вмешательство [3, с. 55].

Предварительно к князьям Большой Кабарды, мирзе Большого Ногай Каракасаю Яштерекову и казыевским мирзам были отправлены послы с приказом «накрепко», чтобы мирзы со своими улусами «от крымского хана и от худых дел отстали», учинили шерть и дали «добрых» аманатов. В противном случае Аюка обещал «разорить их до конца». Мирзы обязаны были кочевать теперь совместно с калмыками, а с крымским ханом «не ссылатися», в чем и дали шерть. Казыевские мирзы Арсланбек и другие отдали калмыкам в аманаты своих детей (5 человек), кабардинские князья по договору обязались «впредь ему Аюкаю тайше с них имати на год по 15 девок». Отсюда Аюка планировал по просьбе донских казаков совершить военный поход под Крым и Азов, а затем вернуться к Астрахани на предстоящий русско-калмыцкий съезд «и прежнюю шерть отца своего Мончака тайши подкрепит и в совете и в любви... быть душою своею рад». Бежавший в крымские владения Дугар вернулся обратно к калмыкам, но, со слов Аюки, «для проведыванья вестей и для обману и воровства». При попытке к бегству мятежный тайша был арестован и вместе с хошутским Аблаем и крымским послом находился под арестом. Всех троих Аюка на время кавказского похода оставил в Терской крепости под присмотром

своих кабардинских родственников [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 12 – 15].

В целом миссия М. Баракова закончилась успешно, и 7 декабря русские посланцы вернулись в Астрахань с калмыцким послом Унедей-бакши, который привез письмо Аюки, где он еще раз подтверждал прежние заключенные его отцом и дедом шерти. Для подтверждения своих намерений и далее служить государю верно по просьбе донского атамана Корнея Яковлева в ноябре 1672 г. Аюка отправил 3 тыс. воинов под командой Будай-Чере Эрке в район Азова, где калмыки отогнали большое количество скота и лошадей. Кроме этого, тайша «учинил под его государскую самодержавную высокою рукою» кабардинских владельцев, а также Малого Ногая казыевских и едисанских мирз, ранее подчинявшихся крымскому хану [2, с. 21 – 24]. Все это свидетельствовало о серьезном политическом вкладе Аюки в интересах России накануне важных переговоров.

Отдельной темой тайша поставил выплату ему правительством жалованья сразу за три года (1670 – 1672), т.е. за время царившей смуты на юге России и междоусобной войны среди калмыков. Однако данная постановка вопроса вызвала с русской стороны возражение. М. Бараков пояснил тайше, что это будет возможным только после съезда, где стороны детально обсудят этот и другие вопросы и договорятся. В качестве условий русская сторона выдвинула требования подтвердить тайшами прежней шерти, выдать Дугара, Аблая и крымского посла. Но Аюка упорствовал и не желал даже встречаться на съезде с воеводой Я.Н. Одоевским без удовлетворения его требования о предварительной выплате трехгодичного жалованья. Для этого тайша перешел и к политическому шантажу, заявив М. Баракову о возможном соединении калмыков с крымским ханом в случае невыплаты ему жалованья. В качестве подтверждения М. Баракову калмыки представили крымского посла Тютей-агу, который находился в улусах с миссией привлечь калмыков на сторону Турции и Крыма в намечавшейся войне против России. На требование русского посланника выдать крымского посла в Астрахань, Аюка отказал, мотивировав это тем, что «послом де и посланником ни в которых государствах худобы и задержанья не бывает». Тютей-ага находился под присмотром одного из ближних людей Аюки Алдар-зайсанга [2, с. 24 – 25].

Уже 8 января 1673 г. посланник Аюки – Унедей-бакши вновь прибыл в Астрахань с прежним предложением выплатить русской стороной тайшам жалованье за три предыдущих года. Но эта миссия также закончилась безрезультатно, поскольку астраханские воеводы не получили из Москвы никаких инструкций и дополнительных средств по решению данного вопроса. Астраханцы еще раз настоятельно предложили Аюке приехать для переговоров на

съезд, где мог окончательно решиться вопрос о выплате ему жалованья [2, с. 26 – 27].

Попытался решительно сдвинуть в положительную сторону переговорный процесс и кочевавший совместно с калмыками едисанский мирза Сююнча Абдулов. Получив со стороны воевод заверение в гарантии неприкосновенности, мирза 22 января прибыл в Астрахань, где вновь озвучил военные и политические заслуги Аюки перед Россией, на основании которых просил материально удовлетворить его запрос о выплате жалованья за три года, иначе «Аюкаю тайше будет в том великое оскорбление». Ответ воевод не отличался от того, который был озвучен ранее прибывшему Унедею-бакши. Отсутствие царского указа из Москвы не позволяло астраханцам форсировать события без предварительного заключения Аюкой шерти. На основании этого Сююнча Абдулов предложил русской стороне выплатить жалованье хотя бы за 1673 год, и только после тайша готов был встретиться с воеводами на съезде. Но и подобная формулировка вызвала недоверие у астраханцев, заподозривших, что после выплаты жалованья Аюка может и не заключить шерть. Даже готовность С. Абдулова письменно дать гарантию не поколебали воевод. Их подозрение основывалось на том, что в калмыцких улусах находились два крымских посла, которые так и не были выданы русской стороне и отпущены калмыками обратно в Азов. Но выдача Аюкой крымцев была также невозможна, поскольку в Азове в это время также находились два калмыцких посланника. На этом переговоры закончились, и С. Абдулов был отпущен обратно в улусы [4, с. 27 – 30]. Стоит отметить, что едисанский мирза уже отличался достаточным опытом в подобных переговорных мероприятиях, поскольку одна из главных в русско-калмыцких отношениях шерть 1657 г. была в свое время заключена, в том числе и при самом активном непосредственном участии С. Абдулова [4, с. 66 – 67].

Предварительные переговоры проходили в атмосфере взаимного недоверия сторон, и здесь большую роль сыграла посредническая деятельность терского воеводы Муцала Каспулатовича Черкасского. Кабардинский князь, находящийся на русской службе, уже имел достаточный послужной список в налаживании русско-калмыцких отношений, когда еще в 1661 г. под руководством своего дяди Григория Сунчалеевича Черкасского участвовал в заключении шерти между московским правительством и тайшой Мончаком, отцом Аюки, и привлечении калмыцких войск на сторону России в войне против Крыма и Польши. Именно брак родной сестры К.М. Черкасского, Абуханы и Аюки стал тогда апофеозом русско-калмыцкого сотрудничества. С тех пор ситуация сильно поменялась, а Г.С. Черкасского и Мончака уже не было в живых. На политической арене появилась новое поколение политиков, и уже

им предстояло разрешать новые спорные ситуации и проблемы на юге России.

Со своей стороны К.М. Черкасский также предпринял активные политические шаги, когда 20 января князь встретился с Аюкой на реке Кизляр, всячески агитировав тайшу встретиться с царскими представителями возле Астрахани для заключения соглашения. Именно Черкасскому пришла идея предложить Аюке взять сначала жалованье за 1673 г. и уже на предстоящем съезде договариваться о выплате жалованья за предыдущие годы. Подобное предложение вызвало одобрение со стороны Аюки, о чем К.М. Черкасский письменно дал знать астраханским воеводам. И, действительно, вскоре после получения письма от князя в калмыцкие улусы были отправлены с жалованьем (580 рублей, 10 ведер вина, 5 пудов табака) за 1673 г. казанец М. Бараков, подьячий и толмач в сопровождении 20 стрельцов и служилых татар. Посланцы также привезли Аюке от воевод письмо, где вновь предлагалось встретиться возле Астрахани для подтверждения прежней шерти его отца Мончака [2, с. 30 – 31]. Все эти меры позволили сдвинуть переговорный процесс в положительную сторону и преодолеть существовавшее на тот момент обоюдное недоверие сторон.

Достигнув соглашения, М. Бараков, продолжая оставаться в калмыцких улусах, 19 февраля письменно информировал Астрахань о готовности Аюки встретиться с воеводами на съезде. Причем незадолго до этого тайша вызвал к себе с Терека К.М. Черкасского как гаранта предстоящих русско-калмыцких переговоров, поскольку калмыки ему полностью доверяли [2, с. 32 – 33]. 16 февраля терский воевода уже находился в калмыцких улусах. 20 февраля Аюка с братьями и племянниками во главе своих улусов, «учиня по своей калмыцкой вере моление», от реки Кумы двинулись по направлению к Астрахани. А уже 24 февраля М. Бараков письменно известил воевод о нахождении калмыков в Баш Мочагах в 70 верстах от крепости. Именно отсюда Аюка отправил в Астрахань своих посланцев Эрке-Бадму и Нюдея с предложением воеводам встретиться в 30 верстах от города в урочище Хвостовой соли. Однако подобный вариант не устроил астраханские власти, которые настаивали назначить съезд в непосредственной близости от Астрахани. Когда калмыцкие посланцы напомнили, что прошлый русско-калмыцкий съезд 1661 г. проходил на урочище Берекете в 60 верстах от города, то это никоим образом не поколебало астраханских воевод. Они продолжали уверять калмыцких представителей в безопасности организации встречи в окрестностях Астрахани. Тогда калмыки предложили другой вариант места съезда – урочище Бешколь (Пять озер) в 15 верстах от крепости. Неизвестно, чем закончились бы эти препирательства о месте встречи, если бы в спор снова не

вмешался К.М. Черкасский. 25 февраля он лично вместе с представителем Аюки Даян-Кашка прибыл из улусов в Астрахань, где в разговоре с воеводой Я.Н. Одоевским получил заверение в гарантии безопасности калмыцкого тайши. По просьбе астраханских представителей он все-таки уговорил Аюку согласиться встретиться непосредственно у Астрахани [2, с. 32 – 39].

В это время астраханские власти начали усиленно готовить место для предстоящего мероприятия. Воевода Я.Н. Одоевский приказал напротив города через Волгу на реке Соляной, что в версте от Астрахани, построить деревянный городок, укрепленный рогатками. Командирам московских стрельцов Владимиру Воробину, Никите Борисову, Борису Карсакову и Семену Астафьеву было приказано поставить в центре городка царский шатер, привезенный из Свияжска, и строй стрельцов. 26 февраля руководство Астрахани в лице воевод Я.Н. Одоевского, И.М. Каркадинова, В.Л. Пушечникова и дьяка П. Самойлова выехало в указанный городок для будущей встречи с калмыцким представительством. Причем в самой Астрахани властями были предприняты все меры предосторожности в случае дальнейшего отрицательного развития ситуации: укреплены городские ворота, а стрелецкий полк под командой Г. Жукова охранял группу астраханских воевод, выехавших на русско-калмыцкий съезд [2, с. 39 – 40].

Уже перед самой встречей произошла еще одна небольшая организационная заминка. Выехавший из Астрахани навстречу калмыцкому представительству казанец Ф. Черников-Онучин должен был препроводить калмыков к месту съезда в городке, но Аюка предложил воеводам другое место – урочище Кантебе в пяти верстах от Астрахани. Поскольку большинство калмыцких улусов осталось на реке Куме, то тайша взял с собой не слишком большое количество людей. В укрепленном городке с воеводами находилось до 10 тыс. вооруженных стрельцов, и все это давало повод для серьезных опасений со стороны калмыков. Аюка напомнил астраханцам, что в 1661 г. у Г.С. Черкасского на съезде с Мончаком в урочище Берекете не было столь многочисленной охраны. Воеводам пришлось сократить численность стрельцов в городке и вновь заверить калмыцких представителей в гарантии безопасности Аюки [2, с. 40 – 41].

Только после разрешения всех предварительных формальностей 26 февраля 1673 г. к месту съезда с астраханскими воеводами прибыло многочисленное калмыцкое представительство, куда входили Аюка и его двоюродный брат Мелеш, а также другие калмыцкие владельцы, татарские и ногайские мирзы. С калмыками приехал и терский воевода К.М. Черкасский. Начало встречи ознаменовалось традиционной темой разговора для того времени, а именно вопросами о здоровье царя Алексея Михай-

ловича и его семейства [2, с. 40 – 42]. После этого стороны перешли уже к обсуждению конкретных вопросов и проблем в русско-калмыцких отношениях, накопившихся за последние несколько лет.

В первую очередь Аюка еще раз заверил царских представителей в незыблемости прежних договоренностей, заключенных его дедом Дайчином и отцом Мончаком. В подтверждение своих слов Аюка в присутствии боярина и воевод, взяв в руки «Бурхан, четки и Бичик», от лица всех калмыцких владельцев устно шертовал в вечной верности государю и его детям. Тайша также обязался перед русской стороной выставить войска против Крыма. Все присутствующие стали свидетелями, как калмыцкие владельцы поклялись на своих святынях, прикладывая к голове Бурхана, четки и Бичик. Поставить собственноручные подписи к шерти тайши пообещали только на следующий день. Первый раунд переговоров закончился угощением калмыцких представителей вином астраханскими властями [2, с. 41 – 46].

На следующий день, 27 февраля, стороны вновь съехались на прежнем месте. На этот раз с Аюкой прибыл его двоюродный брат Назар-Мамут, родной брат тайши Мелеша. Именно им предстояло выступить от лица всего калмыцкого народа в заключении шерти на верность Московскому государству. Переговоры затронули многие вопросы русско-калмыцких отношений, и практически все они решились положительным образом. Единственным камнем преткновения стал вопрос о выплате жалованья тайшам за прошлые 1671 и 1672 годы. Царские представители предложили выплатить жалование за это время только после проведения решительных действий калмыками против государевых внешних неприятелей [2, с. 46 – 55]. Другими словами, тайши должны были показать свою верность в войнах России. Но подобная формулировка не устраивала калмыцкую сторону, считавшую себя в какой-то мере обманутой, поскольку за указанные прошлые годы калмыки уже продемонстрировали свою надежность, в целом не поддержав антиправительственное восстание С. Разина на юге России.

Калмыцкие тайши также выступили с ходатайством перед воеводами об освобождении с аманатного двора в Астрахани едисанского мирзы Тогана, сына Сююнчи Абдулова, поскольку его отец «служит великому государю». Но астраханские власти не могли решить этот вопрос самостоятельно без соответствующего из Москвы на то царского указа. Последующее за этим давление со стороны тайшей на воевод попытался смягчить К.М. Черкасский, объяснив калмыкам всю сложность разрешения этой проблемы и «обнадеживал их государской милостью». Тайши согласились с доводами кабардинского князя, пообещав заслужить «государскую милость» своими головами [2, с. 56].

Затем последовала непосредственно сама про-

цедура подписания тайшами шерти. Аюка, вынув саблю из ножен и приложив ее к своей голове и горлу, сказал: «будет де шерть прежнюю и нынешнюю чем нарушим, и та де сабля буди на мне и на моих братьях, и на племянниках, и на всех наших улусных людях». На этом все присутствующие тайши и их родственные и владетельные люди приложили свои руки к шертовальной записи [2, с. 57]. Попробуем рассмотреть по пунктам шерть от 27 февраля 1673 года.

Шерть начиналась словами: «Яз, Аюка тайша Мончаков, даю шерть великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу...». Здесь сразу бросается в глаза, что Аюка в присутствии своих двоюродных братьев Назар-Мамута и Мелеша, единолично выступает от лица всего калмыцкого народа, а также кочевавших с ним совместно ногайских, едисанских, джемболукских, малибашских и келечинских мирз [2, с. 57 – 58]. Подобная начальная формулировка шерти ясно показывала единоличное правление Аюки как продолжение политики его деда Дайчина и отца Мончака. Во многом шерть от 27 февраля 1673 г. повторяла принципы предыдущей шерти от 9 декабря 1661 г., когда Мончак также единолично шертовал за весь свой подвластный народ на верность московскому царю.

Главные принципы шерти 1673 г., как и предыдущие, состояли в следующем: «его царскому величеству тайшам, самим и братьям, и племянникам, и внучатам, и улусным калмыцким людям, и мурзам, и их братьям, и племянникам, и улусным людям служить и великого государя на недругов, где его, великого государя повеленье будет, войною ходить, а под его, великого государя, города войною не приходить и дурна никакого и задоров не чинить, и жить с государскими людьми в мире и совете». Тайши также обязывались запретить своим подвластным совершать нападения на царских подданных из числа астраханских татар и ногаев [2, с. 58 – 59]. Однако в документе ничего не говорится об обязательстве воевод к недопущению набегов и воровства со стороны астраханцев на калмыцкие улусы.

Отдельным пунктом стояло внешнеполитическое обязательство тайшей не иметь всяческих отношений с Турцией, Крымом, Персией, кумыками, бесленейцами, находящимися во враждебных отношениях с Россией. Под этим подразумевалось, что в указанные государства калмыки не должны были продавать лошадей, оружие, не иметь никаких дипломатических контактов и не оказывать военную помощь войскам [2, с. 59 – 60]. Но на самом деле этот пункт, который был записан и в предыдущих шертях, не выполнялся калмыками в полной мере. С этими государствами и народами калмыки непосредственно граничили, и во многом поддержание с ними добрососедских отношений, включая и экономические связи, гарантировало калмыцким

тайшам, мирзам и их подвластным людям относительную безопасность кочевий. Во всяком случае, посольские контакты происходили регулярно, и со стороны калмыков они не обязательно носили анти-русский характер.

Другим вопросом стояло обязательство калмыцких тайшей не допускать набегов на русские населенные пункты, подвластных им татар и ногаев. С точки зрения царского законодательства они считались изменниками, но в случае их раскаяния и желания вернуться под государеву руку Аюка обязан был их отпустить безо всякого задержанья. Калмыки не имели право и в дальнейшем агитировать и призывать к себе в улусы астраханских татар и ногаев [2, с. 60]. Этот пункт соглашения был характерен и для предыдущих шертей, но на практике не выполнялся. Связи между калмыцкими и астраханскими татарами и ногаями были очень тесными и довольно интенсивными. А астраханским властям так и не удалось взять под полный контроль этот миграционный процесс.

Аюка обязывался также выдавать на откуп царским властям православных пленников (грузин, молдаван, белорусов и др.), которые были захвачены или будут захвачены калмыками в ходе военных походов. Православные полоняники и иноверцы, бежавшие из городов Средней Азии в русские города, должны беспрепятственно быть пропущены через калмыцкие территории. Русские власти, со своей стороны, обязывались выдавать обратно тайшам беглых некрещеных калмыков и татар [2, с. 60 – 61]. Стоит отметить, что вопрос о беглых калмыках впервые был поднят именно в шерти 1673 года. Подобная проблема в русско-калмыцких отношениях возникла примерно с 1669 г., когда оппозиционно настроенные по отношению к Аюке улусы двух тайшей – Дугара и Бока откочевали на Дон. Если же Бок вскоре скончался, а Дугар с семьей был схвачен Аюкой, то часть их улусных людей так и осела среди донских казаков. Во многом этот вопрос приобрел и религиозный оттенок, поскольку большинство беглых калмыков, не желавших возвращаться к Аюке, принимали православную веру, а местные царские власти это всячески, в том числе и материально, поощряли. Донские атаманы также были заинтересованы в привлечении в свои казачьи ряды калмыков, уже показавших свою военную эффективность в борьбе против крымской агрессии.

В шерти 1673 г. стороны также обязывались соблюдать взаимную неприкосновенность послов и посланников, выполняющих функцию информационного обмена. Это распространялось и на торговых калмыцких людей, пригонявших скот и лошадей на российские рынки в Астрахани, Тамбове, Касимове, Владимире и Москве [2, с. 61]. Экономический аспект играл огромную роль в русско-калмыцких соглашениях, поскольку тайши

были жизненно заинтересованы в реализации своей продукции на российском рынке, а московское правительство это прекрасно осознавало и всячески использовало данное обстоятельство в своих политических интересах. Этот пункт соглашения имел место практически во всех предыдущих и последующих шертях.

В условиях надвигавшейся русско-турецкой войны калмыцкие тайши принимали обязательство по царскому указу участвовать в военных походах против Крымского ханства и иных «государевых непослушников». Но Аюка, перед тем как выступить на Крым, планировал весной отправить войска против кумыцких владельцев за их «многие неправды», о чем были поставлены в известность и царские представители. Калмыцкие улусы с этой целью уже находились на реке Куме [2, с. 61 – 62].

Шерть 1673 г. подкреплялась следующими словами клятвы Аюки: «...а у него, великого государя, в послушанье быть не учнем и шерть свою и утверждение прежнее и нынешнее чем-нибудь нарушим, и на нас, тайшах, и на наших детях, и на мурзах, и на их детях, и на всех улусных людей буди божий гнев и огненный меч, и тою саблею, которую я, Аюка тайша, выняв из ножен, на голову и к горлу прикладывал, от неприятеля своего буду я зарезан по горлу своему, и будем мы прокляты по своей калмыцкой вере в сем веке и в будущем». Пленных Дугара и Аблая Аюка обязывался передать царским властям [2, с. 63].

Стоит отметить, что помимо старших тайшей Аюки, Назар-Мамута и Мелеша, выступивших от лица калмыцкого народа, «шерть учинили» их родственники и близкие люди. В списке упоминается ровно 150 человек из числа тайшей, зайсангов, дарханов и других более мелких категорий лиц, приехавших со старшими тайшами [2, с. 64 – 65]. Данный перечень людей интересен для исследователя тем, что благодаря этому списку известна теперь большая часть правящей верхушки калмыцкого общества указанного периода. До этого времени подобные полные данные из русских документов XVII века были неизвестны.

К шертовальной записи на русском языке калмыцкие представители приписали несколько предложений на старокалмыцкой письменности, переведенных затем самими калмыками на татарский язык для царских чиновников. Бросается в глаза и то обстоятельство, что Аюка лично не подписывался под шертью, а за него это делали его представители – Назар-Мамут и Цецен-Запсан-бакши. За отсутствовавших на съезде дербетского тайши Солом-Цере-на, а также тайшей Уржана, Данжи, Батура и Лобачи руку к шертовальной записи приложил Басантай. Официальная процедура подписания шерти завершилась торжественным обедом, организованным астраханскими воеводами. Затем по приказу боя-

рина Я.Н. Одоевского московские стрельцы под командой Б. Карсакова и Л. Секерина продемонстрировали калмыцким гостям показательные стрельбы из ружья и метание ручных гранат, что вызвало восторг и одобрение со стороны калмыков.

На следующий день, 28 февраля, из Астрахани к тайшам отправили дьяка П. Самойлова с государевым жалованьем, состоящим из продуктов (вино, мед, пиво, хлеб, калачи), табака, шуб и шапок, а ближним их владетельным людям – сукно, меха выдры и кожа. Также это жалованье предназначалось и тем владельцам, кто не смог приехать на съезд и оставался в улусах. 1 марта воеводы отправили Аюке уже денежное жалованье в 580 рублей за предыдущий 1672 год. При передаче тайшам денег и вещей присутствовал и К.М. Черкасский. Уже 2 марта калмыцкая делегация выехала на реку Кума, где оставались их улусы [2, с. 66 – 67].

Отличительной особенностью шертной записи от 27 февраля 1673 г. от предыдущих заключалась в том, что она была составлена в соответствии со всеми требованиями правовых документов XVII века. Проект документа первоначально был подготовлен в Калмыцком приказе и согласован с Посольским приказом, а затем представлен к слушанию на Боярской Думе. После повторного слушания на Боярской Думе уже с участием царя Алексея Михайловича, надо предполагать, проект получил одобрение и рекомендацию к подписанию. Таким образом, шерть 1673 г. имела юридическую силу закона, поскольку была составлена с соблюдением всех требований и элементов формуляра [5, с. 97 – 98]. Следующая шерть была дана Аюкой в 1677 г. и связана с обстоятельством смер-

ти в 1676 г. царя Алексея Михайловича и восшествием на престол его сына Федора Алексеевича.

Таким образом, можно считать, что шерть 1673 г. открыла новую страницу в истории русско-калмыцких отношений XVII века. Она во многом по характеру и содержанию отличалась от предыдущих подобных документов, поскольку обе стороны после непродолжительного времени политического кризиса на юге России и в калмыцком обществе смогли достичь соглашения, используя уже накопленный опыт предыдущих поколений. Поддержание традиции взаимоподдержки в условиях сложной международной ситуации в Восточной Европе предопределило укрепление позиции России в этом регионе, а калмыцкое общество, со своей стороны, обрело на долгое время внутреннюю стабильность.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 111, 119.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830.
2. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672 – 1675 гг. / сост. Н. Рогожин, М. Батмаев. Элиста, 2003.
3. Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI – XVII веков. Нальчик, 2001.
4. Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50 – 60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960.
5. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М., 2002.

ББК 63.3 (2) 45

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА И ГУБЕРНАТОРА В.Н. ТАТИЩЕВА ПЛАНУ ХАНШИ ДЖАН РАЗЫГРАТЬ ПЕРСИДСКУЮ КАРТУ В РУССКО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

И.В. Торопицын

Статья посвящена истории политического кризиса, начавшегося в Калмыцком ханстве после смерти Дондук-Омбо и связанного с желанием вдовы ханши Джан захватить власть, несмотря на противодействие царских властей. Стремясь к трону, Джан безуспешно пыталась опереться на поддержку персидского шаха.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкое ханство, Кабарда, Джан, Назир-шах, В.Н. Татищев, Бодонг, Арала, томуты, калмыcko-персидские переговоры.

The article is devoted to history of the political crisis which has begun in Kalmyk khanate after death of khan Donduk Ombo and connected with desire of the widow Dzhan to seize power. Despite of counteraction of authorities aspiring to a throne, Dzhan unsuccessfully tried to find support at the Persian shah.

Keywords: The Astrakhan province, Kalmyk khanate, Kabarda, Dzhan, V.N. Tatischev, Bodong, Arala, tomuty, the Kalmyk-Persian negotiations.

рина Я.Н. Одоевского московские стрельцы под командой Б. Карсакова и Л. Секерина продемонстрировали калмыцким гостям показательные стрельбы из ружья и метание ручных гранат, что вызвало восторг и одобрение со стороны калмыков.

На следующий день, 28 февраля, из Астрахани к тайшам отправили дьяка П. Самойлова с государевым жалованьем, состоящим из продуктов (вино, мед, пиво, хлеб, калачи), табака, шуб и шапок, а ближним их владетельным людям – сукно, меха выдры и кожа. Также это жалованье предназначалось и тем владельцам, кто не смог приехать на съезд и оставался в улусах. 1 марта воеводы отправили Аюке уже денежное жалованье в 580 рублей за предыдущий 1672 год. При передаче тайшам денег и вещей присутствовал и К.М. Черкасский. Уже 2 марта калмыцкая делегация выехала на реку Кума, где оставались их улусы [2, с. 66 – 67].

Отличительной особенностью шертной записи от 27 февраля 1673 г. от предыдущих заключалась в том, что она была составлена в соответствии со всеми требованиями правовых документов XVII века. Проект документа первоначально был подготовлен в Калмыцком приказе и согласован с Посольским приказом, а затем представлен к слушанию на Боярской Думе. После повторного слушания на Боярской Думе уже с участием царя Алексея Михайловича, надо предполагать, проект получил одобрение и рекомендацию к подписанию. Таким образом, шерть 1673 г. имела юридическую силу закона, поскольку была составлена с соблюдением всех требований и элементов формуляра [5, с. 97 – 98]. Следующая шерть была дана Аюкой в 1677 г. и связана с обстоятельством смер-

ти в 1676 г. царя Алексея Михайловича и восшествием на престол его сына Федора Алексеевича.

Таким образом, можно считать, что шерть 1673 г. открыла новую страницу в истории русско-калмыцких отношений XVII века. Она во многом по характеру и содержанию отличалась от предыдущих подобных документов, поскольку обе стороны после непродолжительного времени политического кризиса на юге России и в калмыцком обществе смогли достичь соглашения, используя уже накопленный опыт предыдущих поколений. Поддержание традиции взаимоподдержки в условиях сложной международной ситуации в Восточной Европе предопределило укрепление позиции России в этом регионе, а калмыцкое общество, со своей стороны, обрело на долгое время внутреннюю стабильность.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 111, 119.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830.
2. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672 – 1675 гг. / сост. Н. Рогожин, М. Батмаев. Элиста, 2003.
3. Моков Б.М. Кабарда второй половины XVI – XVII веков. Нальчик, 2001.
4. Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50 – 60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960.
5. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М., 2002.

ББК 63.3 (2) 45

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА И ГУБЕРНАТОРА В.Н. ТАТИЩЕВА ПЛАНУ ХАНШИ ДЖАН РАЗЫГРАТЬ ПЕРСИДСКУЮ КАРТУ В РУССКО-КАЛМЫЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

И.В. Торопицын

Статья посвящена истории политического кризиса, начавшегося в Калмыцком ханстве после смерти Дондук-Омбо и связанного с желанием вдовы ханши Джан захватить власть, несмотря на противодействие царских властей. Стремясь к трону, Джан безуспешно пыталась опереться на поддержку персидского шаха.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Калмыцкое ханство, Кабарда, Джан, Назир-шах, В.Н. Татищев, Бодонг, Арала, томуты, калмыcko-персидские переговоры.

The article is devoted to history of the political crisis which has begun in Kalmyk khanate after death of khan Donduk Ombo and connected with desire of the widow Dzhan to seize power. Despite of counteraction of authorities aspiring to a throne, Dzhan unsuccessfully tried to find support at the Persian shah.

Keywords: The Astrakhan province, Kalmyk khanate, Kabarda, Dzhan, V.N. Tatischev, Bodong, Arala, tomuty, the Kalmyk-Persian negotiations.

Борьба феодальных группировок за власть в Калмыцком ханстве, обострившаяся в начале 40-х гг. XVIII в., создала много проблем российским властям. Калмыки, действуя в русле российской внешней политики, играли важную роль в укреплении военно-политических позиций России на Кавказе и в Причерноморье. Поддержание стабильности в Калмыцком ханстве отвечало геополитическим задачам России в Кавказском регионе.

Для урегулирования междоусобных противоречий в калмыцкие улусы в 1741 г. был направлен тайный советник В.Н. Татищев, которому дали задание примирить враждующие группировки калмыцкой знати и утвердить в качестве наместника Калмыцкого ханства владельца Дондук-Даши, на кандидатуре которого российское правительство остановило свой выбор. В распоряжение В.Н. Татищева была предоставлена команда донских казаков численностью в 1000 человек. Он имел также право требовать себе помощи от руководства Персидской экспедиции, начальника которой – генерал-лейтенанта А.И. Тараканова (командовал войсками на Царицынской линии) – обязали оказывать В.Н. Татищеву необходимое содействие [РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 127. Л.л. 15 об, 25, 25 об.].

Несогласную с данным решением партию калмыцких феодалов возглавила Джан, вдова хана Дондук-Омбо, кабардинка по происхождению. Оказывая активное силовое давление на калмыцких владельцев с помощью своих сторонников, в числе которых находился и Бодонг, брат Дондук-Даши, она стремилась утвердить ханом своего старшего сына Рандула.

Этот период в жизни Калмыцкого ханства характеризуется столкновениями противоборствующих группировок, разорением соперничающих улусов, гибелью значительной части калмыцкого населения. Напряженность в ситуацию вносила сложная обстановка на Кавказе, вызванная присутствием в Дагестане персидских войск, направленных Надир-шахом для покорения лезгин и других кавказских народов.

Под давлением российских властей калмыцкие владельцы вынуждены были согласиться с назначением на должность наместника ханства Дондук-Даши. 25 января 1742 г. Военная коллегия, получив донесение от командующего войсками на Царицынской линии генерал-лейтенанта А.И. Тараканова, отразившего в Сенату об окончании Калмыцкой комиссии. А.И. Тараканов писал, что ханша Джан исполнила повеление правительства и принесла вместе со всеми калмыками присягу Дондук-Даши, назначенному наместником, отпустила бывшие при ней улусы. Все калмыки перешли кочевать на правую сторону реки Волги. В целом генерал характеризовал ситуацию в Калмыцком ханстве как весьма спокойную. Приданные Калмыцкой комиссии драгуны

и солдаты были отправлены на зимние квартиры [РГАДА. Ф. 248. Кн. 418. Л. 62 об.].

Вскоре после этого ханша Джан по совету зайсангов Аралы – Кусепа и Денжина – покидает пределы России и перебирается вместе с сыновьями к своим родственникам в Кабарду, которая стала по Белградскому договору (1739 г.) нейтральной территорией между Россией и Турцией. Вместе с ней из России уходят её сторонники и 400 кибиток томутов¹. По сведениям, доставленным донскому атаману Д. Ефремову из Крыма 26 февраля 1742 г. казаком В. Пушкаревым, вместе с Джан к Кабарде ушло 3 тысячи кибиток калмыков, которые обосновались «на Куринских вершинах». Эти сведения он получил от кубанского сераскира и ногайского Касая-мурзы [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 84. Л. 13].

18 февраля 1742 г. российский резидент И. Калужин сообщил из Дербента, что ханша Джан через тарковского шемхала ищет протекции персидского шаха [4, с. 317]. О том, что Джан ищет протекции персидского шаха, сообщил российским властям и наместник ханства Дондук Даши [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1742 г. Д. 39. Л. 2].

Джан рассчитывала на его содействие в решении вопроса о назначении Рандула калмыцким ханом и возвращении ему улусов Дондук-Омбо. Персидский Надир-шах, лагерь которого располагался в окрестностях Дербента, принимает посланца Джан некоего Эшема. Стороны обмениваются письмами и ведут устные переговоры. Рандул обосновывает свои претензии на ханский престол тем, что является законным наследником Калмыцкого ханства после своего отца Дондук-Омбо, который был утвержден в этой должности императорским указом. Рандул обращает внимание Надир-шаха на то, что его отец служил России во время минувшей русско-турецкой войны, в то время как нынешний наместник ханства Дондук-Даши якобы содержался в то время под арестом. Но после смерти отца ханский престол и все принадлежащие ему улусы достались не ему, а были отданы российским правительством Дондук-Даши. По этой причине он с родственниками и верными ему зайсангами вынужден был покинуть ханство и скрываться на русско-турецкой границе. Рандул выразил мнение, что причина подобного отношения к его семье со стороны российских властей кроется в том, что властям стало известно о тайных переговорах, которые вел с шахом его отец. Он знал, что Дондук-Омбо отправил пос-

¹ Томуты – выходцы из казахов, которые поселились с калмыками, часть томуты сохранила ислам, женилась на калмычках, выдавала за калмыков своих дочерей. При хане Дондук-Омбо их было около 600 кибиток. Командовал ими старшина Кусеп, который по приказу Дондук-Омбо многих калмыцких владельцев «перерезал». Дондук-Омбо имел томуты при себе в качестве личной охраны. Так же поступила и его вдова Джан.

ланца к Надир-шаху, когда тот был в Хивинском ханстве, что персидский шах принял его и направил ответную грамоту калмыцкому хану, которая попала в руки астраханских властей. По этой причине Рандул не знал содержания шахской грамоты, но был уверен, что российские власти будут теперь его преследовать [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1742 г. Д. 39. Л. 3 – 4].

Персидский шах согласился оказать помощь Рандулу в борьбе за ханский престол. Но, по словам зайсанга Денжина, объявил посланцам Джан, что, имея с Россией мир, он не может помогать ей силою, но будет ходатайствовать за нее перед российскими властями [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 395 об – 396]. Этот ответ не устроил Джан, и она направила нового посланника к Надир-шаху. Подробности новых калмыцко-персидских переговоров остались в тайне, но дворянин Мещеряков, находившийся в салтанаульских аулах, в своем донесении указал, что шах объявил присланным от ханши Джан, что намерен в апреле 1742 г. идти на Россию с войною [ГААО. Ф. 394. Оп. 1. доп. Д. 16. Л. 46].

Российскими властями были предприняты энергичные шаги по возвращению Джан с ее сыновьями и сторонниками в Россию и предотвращению возможного ухода других калмыцких владельцев в Персию. Коллегия иностранных дел поручила 14 февраля 1742 г. астраханскому губернатору принять меры к пресечению «пересылок» ханши Джан с персидским шахом. Губернатор В.Н. Татищев потребовал от кабардинских и салтанаульских владельцев содействия в поимке мятежной ханши и её людей [Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. 1. С. 203 - 204, 225]. В письме к наместнику Калмыцкого ханства Сенат советовал принять меры к тому, чтобы никто из калмыцких владельцев не мог уйти к персидскому шаху [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1742 г. Д. 39. Л. 2 об.].

В Кабарду был направлен секунд-майор Е.В. Татищев, состоящий на службе при Комиссии калмыцких дел. Он стал свидетелем контактов Джан с посланником персидского шаха, прибывшим с ответом от Надир-шаха. Появление в Кабарде представителя российских властей смутило не только участников калмыцко-персидских переговоров, но и кабардинских князей, в присутствии которых осуществлялись эти контакты. Астраханский губернатор получил сведения, что посланника персидского шаха из Кабарды отпустили обратно, не дав ему никакого ответа. При этом братья Джан – М. Кургокин и К. Атажукин были против её контактов с Надир-шахом [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 396].

Переговоры Е.В. Татищева с мятежной ханшой и её кабардинскими родственниками проходили в атмосфере недоверия. Как отмечал Е.В. Татищев в своих показаниях, данных Воен-

ной коллегии 15 марта 1743 г., ханша Джан была весьма обнадеежена протекцией персидского шаха и не желала возвращаться в калмыцкие улусы, опасаясь за свою жизнь и судьбу своих детей. Секунд-майору пришлось достаточно долго пробыть в Кабарде, прежде чем удалось склонить Джан и её братьев к тому, чтобы она с детьми вернулась в Россию. По настоянию Е.В. Татищева кабардинские князья под полученные от астраханского губернатора гарантии безопасности для Джан и её детей в итоге выдали их ему. При этом томуты отказались возвращаться в калмыцкие улусы и направились на Кубань. Е.В. Татищев во главе своего отряда вместе с кабардинцами стал их преследовать и при переправе через реку Куму вступил с ними в бой. В ходе сражения было убито около двухсот томутов. Захваченных женщин и детей, принадлежавший томутам скот Татищев привел в калмыцкие улусы на Волгу вместе с Джан и её детьми [РГАДА. Ф. 248. Кн. 424. Л. 4 и об.]. Однако значительной части томутов во главе с владельцем Кусепом все же удалось пробиться и уйти на Кубань [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1744 г. Д. 11. Л. 3].

Покидая Кабарду, Джан оставила там зайсанга Аралу для продолжения переговоров с Надир-шахом, посланник которого отказался вести их в присутствии российских представителей в Кабарде. По возвращении в Россию Джан, убедившись, что ситуация с решением вопроса о возвращении ей улусов мужа, складывается не лучшим образом, решает бежать в Персию. Однако обстоятельства (усиленный надзор со стороны российских властей и болезнь сына её сторонника Бодонга) помешали ей осуществить задуманное. Джан решила переждать лето и с наступлением осени повторить попытку побега из России, приказав своим сторонникам ожидать от нее приказаний, которые должны были передать зайсанги Денжин или Нюдель.

Подробности переговоров между Джан и Надир-шахом стали известны властям в результате расследования, которое провел астраханский губернатор В.Н. Татищев, допросивший в качестве свидетелей приближенных Джан. В его руках оказались письма от Надир-шаха к ханше Джан, которые передал зайсанг Денжин. Они стали документальным свидетельством стремления части калмыцких феодалов покинуть пределы России. Татищев добивался получения черновиков тех писем, которые писала сама Джан персидскому шаху, а также самого первого письма персидского шаха к ней, но Денжин ответил, что эти письма увез с собой на Кубань томутский зайсанг Кусеп [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 399 об.].

С целью недопущения ухода калмыков за границу по указанию В.Н. Татищева улусы Джан были переведены за Царицынскую укрепленную линию, семья Бодонга была арестована, а самого

его верным калмыкам приказано было захватить за солидное вознаграждение живым или мертвым [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 396 и об.]. Правительство одобрило меры, предпринятые астраханским губернатором, и предписало тайно разведать о том, не было ли контактов с посланниками Надир-шаха у самого наместника ханства Дондук-Даши.

20 июля 1742 г. брат наместника Бодонг вместе с младшими детьми Джан сбежал из-под Астрахани в Кабарду. В том же году ханша Джан со старшим сыном Рандулом была выслана в Санкт-Петербург, где ее впоследствии крестили под именем Веры Дондуковой.

Возвращение детей Джан стало новой насущной заботой астраханских властей. Посланные в Кабарду из Астрахани дворяне, возвратившись 5 октября 1742 г., объявили, что Бодонг «их едва на краткое время к себе допустил, а затем ни с кем видаться не дал». Отказ вступить в переговоры с представителями российских властей мотивировался опасением подвергнуться репрессиям. Бодонг был уверен, что российские власти арестовали его брата Дондук-Даши и даже лишили его жизни [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 395]. Допросив одного из приближенных Джан зайсанга Денжина, астраханский губернатор выяснил, что ханша отдала приказ Бодонгу не возвращаться в Калмыцкое ханство. Видя, что её хитрость раскрыта, Джан вынуждена была сознаться, но взяла всю вину на себя, выгораживая своих зайсангов. Несмотря на это, В.Н. Татищев приказал приставить к ханше двойной караул и велел посторонним без разрешения к ней не пускать, а зайсангов Денжина, Нюделя и Цаичия отдал указание содержать под арестом [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 395 и об.].

31 октября 1742 г. астраханский губернатор направил в Санкт-Петербург новое донесение, в котором сообщил дополнительные подробности о калмыцко-персидских переговорах. Ему стало известно, что ханша Джан уговаривала Надир-шаха прислать войска для принятия её с детьми и всех ее сторонников в персидское подданство. Присланному от персидского шаха посланцу Рандул в присутствии зайсангов Кусепа, Аралы и Денжина принес присягу на подданство. Калмыцкие владельцы утверждали, что без военной помощи со стороны Надир-шаха им не удастся прорваться в Персию, так как им будут препятствовать в этом горские владельцы и российские войска. По сведениям В.Н. Татищева, шах принял эти доводы и обещал прислать за ними войско, только не уточнил, в каком количестве [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 454].

В конце октября 1742 г. в Астраханскую губернскую канцелярию поступило письмо от бригадира Фролова-Бегреева, командовавшего войс-

ками на Царицынской линии, который сообщил, что ему стало известно о намерении персидского шаха принять в подданство всех калмыков. Его информатор утверждал, что персидский шах через одного из жителей Кизляра уговорил всех калмыцких старшин, в том числе и самого Дондук-Даши, перейти под его покровительство. Астраханский губернатор не поверил этим сведениям, так как считал, что у наместника Калмыцкого ханства не было причин изменять России. Он понял, что эти сведения касались ханши Джан и ее сторонников, поэтому дал секретное наставление дворянам, которые находились в калмыцких улусах, чтобы они собирали сведения о фактах переписки наместника и других зайсангов с зарубежными правителями [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 454 об., 455]. Тем не менее, до Дондук-Даши дошла информация о том, что его подозревают в связях с шахом. Об этом указывалось в письме, которое ему передал начальник Персидской экспедиции генерал-лейтенант А.И. Тараканов. В.Н. Татищев постарался погасить конфликт, объяснив наместнику, что переводчики А.И. Тараканова ошиблись и неправильно передали содержание письма, что наместника никто не подозревает, а содержание касается только ханши Джан и ее людей. Дондук-Даши принял извинения астраханского губернатора, но, по словам В.Н. Татищева, при этом «весьма не весел остался» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203. Л. 455 об.].

В начале 1743 г. из Астрахани в Кабарду для захвата салтанаульских татар был направлен военный отряд под командованием астраханского коменданта полковника Ф. Кнутова. В секретной инструкции, данной астраханским губернатором дворянину Ф. Черкесову, посланному с этим отрядом, отдельными пунктами было предписано требовать от кабардинских князей М. Кургокина, К. Атажукина и других выдачи детей хана Дондук-Омбо и всех находящихся при них калмыков [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 32 и об.]. При этом Ф. Черкесову было поручено стараться выманить из Кабарды ханских детей и целыми и невредимыми доставить в Астрахань или Кизляр, а Бодонга и зайсанга Аралу рекомендовалось захватить живыми или мертвыми [АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. 1743 г. Д. 12. Л. 46].

Кабардинские владельцы не сразу подчинились требованию астраханских властей. Ф. Черкесову пришлось их заверить, что наместник Калмыцкого ханства не причинит никакого вреда ни детям Дондук-Омбо, ни тем калмыцким владельцам, которые вернутся с ним в Россию. Когда же переговоры о выдаче калмыков из Кабарды завершились, выяснилось, что Бодонгу со своими сторонниками удалось скрыться [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 274].

Бодонг со своими людьми хотел уйти к персидскому шаху, но не был пропущен через пограничные российские форпосты. При прорыве через границу его отряд был разбит. Бодонг отступил и некоторое время скитался в предкавказских степях, нападая на соплеменников. Во время одного из таких междоусобных столкновений на реке Байволе при урочище Хнитубе в сражении с войсками наместника Калмыцкого ханства был убит зайсанг Арала – ключевая фигура в калмыцко-персидских переговорах, его сторонник зайсанг Цойжип был взят в плен [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 275]. Потерпев в марте 1743 г. поражение от отрядов Дондука-Даши, Бодонг ушел в сторону Кабарды. Астраханский губернатор призвал владельцев баксанской партии при случае арестовать Бодонга и выдать в Кизляр [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 275], но обнаружить его не удалось. Впоследствии выяснилось, что Бодонг ушел на Кубань, где был принят сераскиром Салим-Гиреем. Несмотря на настойчивые просьбы российских властей, кубанский сераскир отказался выдать его России и просил, чтобы его простили [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1744 г. Д. 11. Л. 3 об., 4 об.].

После гибели зайсанга Аралы контакты представителей партии Джан с Надир-шахом более не возобновлялись, однако, известно, что наместник Калмыцкого ханства сам вступил в тайную переписку с правителем Персии. Так, 29 мая 1745 г. полковник Н.Г. Спицын, состоящий от российского правительства при наместнике Калмыцкого ханства, донес, что Дондук-Даши намеревается перейти на сторону Персии. Впрочем, смерть Надир-шаха в 1747 г. положила конец надеждам наместника ханства и части калмыцких феодалов сменить российское подданство на персидское.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20, 482.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 77, 115, 119.

Архив князя Воронцова. Т. I. М., 1870.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248.

Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394.

ББК 81.2(2Рос)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ МОНГОЛЬСКИХ И КАЛМЫЦКИХ БОЕВЫХ ЗНАМЕН

Н.Н. Убушаев

Статья посвящена некоторым вопросам, связанным с семантикой калмыцких и монгольских боевых знамен.

Ключевые слова: *знамя, цветовые маркеры, символика числа девять.*

The article is devoted to some problems connected with semantics of Kalmyk and Mongol war banners.

Ключевые слова: *banner, colour markers, symbolics of the 9.*

В древности возвеличивание героя, батыра-богатыря, видимо, передавалось через воспевание, через украшение его коня. Так, на Ленских писаницах курыканского времени лошади имеют на голове роскошный, расширенный кверху начельник в виде султана из перьев или волос, с узды свисает столь же пышная подшейная кисть, или науз [1, с. 143]. Султаны, подшейные кисти имели магическую силу, служили оберегами и в тоже время означали высокое общественное положение владельцев коней [1, с. 145].

Конь является верным другом своего хозяина, храбрым товарищем и умным советчиком. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» конь также выступает как друг, товарищ и советчик. Более того конь упоминается в эпитетике героя, например, «*Күүкн күүң Һалзнта күүнд Һарта Савр*» – «Савар тяжелорукий, у которого лы-

сая темно-бурая кобылица». Описание процесса обрядов коня, седлания его предшествует рассказу о самом богатыре.

На Ленских писаницах у некоторых всадников в руках имеется знамя, которое, как нам представляется, является показателем известности носителя знамени. На рисунке с «Писаной Горы» изображен скачущий всадник. В одной руке у него повод, в другой руке – копьё с двумя флажками, вероятно, обозначающими в схематической форме хвосты [1, с. 149]. Здесь, скорее всего, представлен индивидуальный знак – флаг воина, настоящие же знамена, как считает А.П. Окладников, были в виде широких прямоугольных полотнищ. По свидетельству Ю.Н. Рериха, бунчук, или значок командующего (уйгурский или монгольский туу) из конского хвоста подвешивался под перекрестье копья или наверх в

Бодонг со своими людьми хотел уйти к персидскому шаху, но не был пропущен через пограничные российские форпосты. При прорыве через границу его отряд был разбит. Бодонг отступил и некоторое время скитался в предкавказских степях, нападая на соплеменников. Во время одного из таких междоусобных столкновений на реке Байволе при урочище Хнитубе в сражении с войсками наместника Калмыцкого ханства был убит зайсанг Арала – ключевая фигура в калмыцко-персидских переговорах, его сторонник зайсанг Цойжип был взят в плен [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 275]. Потерпев в марте 1743 г. поражение от отрядов Дондука-Даши, Бодонг ушел в сторону Кабарды. Астраханский губернатор призвал владельцев баксанской партии при случае арестовать Бодонга и выдать в Кизляр [РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 184. Л. 275], но обнаружить его не удалось. Впоследствии выяснилось, что Бодонг ушел на Кубань, где был принят сераскиром Салим-Гиреем. Несмотря на настойчивые просьбы российских властей, кубанский сераскир отказался выдать его России и просил, чтобы его простили [АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1744 г. Д. 11. Л. 3 об., 4 об.].

После гибели зайсанга Аралы контакты представителей партии Джан с Надир-шахом более не возобновлялись, однако, известно, что наместник Калмыцкого ханства сам вступил в тайную переписку с правителем Персии. Так, 29 мая 1745 г. полковник Н.Г. Спицын, состоящий от российского правительства при наместнике Калмыцкого ханства, донес, что Дондук-Даши намеревается перейти на сторону Персии. Впрочем, смерть Надир-шаха в 1747 г. положила конец надеждам наместника ханства и части калмыцких феодалов сменить российское подданство на персидское.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20, 482.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 77, 115, 119.

Архив князя Воронцова. Т. I. М., 1870.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248.

Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394.

ББК 81.2(2Рос)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ МОНГОЛЬСКИХ И КАЛМЫЦКИХ БОЕВЫХ ЗНАМЕН

Н.Н. Убушаев

Статья посвящена некоторым вопросам, связанным с семантикой калмыцких и монгольских боевых знамен.

Ключевые слова: *знамя, цветовые маркеры, символика числа девять.*

The article is devoted to some problems connected with semantics of Kalmyk and Mongol war banners.

Ключевые слова: *banner, colour markers, symbolics of the 9.*

В древности возвеличивание героя, батыра-богатыря, видимо, передавалось через воспевание, через украшение его коня. Так, на Ленских писаницах курыканского времени лошади имеют на голове роскошный, расширенный кверху начельник в виде султана из перьев или волос, с узды свисает столь же пышная подшейная кисть, или науз [1, с. 143]. Султаны, подшейные кисти имели магическую силу, служили оберегами и в тоже время означали высокое общественное положение владельцев коней [1, с. 145].

Конь является верным другом своего хозяина, храбрым товарищем и умным советчиком. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» конь также выступает как друг, товарищ и советчик. Более того конь упоминается в эпитетике героя, например, «*Күүкн күүң Һалзнта күүнд Һарта Савр*» – «Савар тяжелорукий, у которого лы-

сая темно-бурая кобылица». Описание процесса обрядов коня, седлания его предшествует рассказу о самом богатыре.

На Ленских писаницах у некоторых всадников в руках имеется знамя, которое, как нам представляется, является показателем известности носителя знамени. На рисунке с «Писаной Горы» изображен скачущий всадник. В одной руке у него повод, в другой руке – копьё с двумя флажками, вероятно, обозначающими в схематической форме хвосты [1, с. 149]. Здесь, скорее всего, представлен индивидуальный знак – флаг воина, настоящие же знамена, как считает А.П. Окладников, были в виде широких прямоугольных полотнищ. По свидетельству Ю.Н. Рериха, бунчук, или значок командующего (уйгурский или монгольский туу) из конского хвоста подвешивался под перекрестье копья или наверх в

культуре тюрков и монголов. Такое копьё почитается как обиталище гения-хранителя войны [2, с. 8 - 9].

В калмыцком языке имеется слово «өлгү». Т.И. Шараева справедливо возводит его к глаголу «өлгх» – «вешать, привешивать, подвешивать» [3, с. 205]. В этом термине субстантивный аффикс **-ц (-це)** обозначает название предмета, значение которого выражено корнем слова, например, *тэвх* «ставить» – *тэвц* «полка, подставка», *бэрх* «держать» – *бэрц* «подношение, презент». Точно также *өлгх* «вешать, привешивать» – *өлгц* «висюлька, подвеска».

На наш взгляд, вероятно, что калмыцкое *өлгц* – есть бунчук, который подвешивался под перекрестие копья или наверх, о котором говорит Ю.Н. Рерих. Правильность такого вывода можно подтвердить свидетельством буддийского священнослужителя – гелюнга Оргакинского хурула Хар-Церена Оргаевича Бембеева, который сообщал, что, по словам его деда, Бембеева Сангаджи Нарановича, *өлгц* – это «желтые, синие нити, которые привешивают на копьё или пику». Также *өлгц*, как думается, является названием кисточки, лент на знамени рода, племени. У многих азиатских народов средневековой эпохи знамя почиталось как святыня. С ним была связана судьба воина. Видимо, поэтому в свадебном обряде калмыков невеста должна была принести сакральные *өлгц* будущему мужу. Можно считать, что семантика данного обряда в том, что воин (жених) требует уважения (признания) своего знамени, принимая *өлгц* – украшение к нему цвета знамени. Это стало обычаем, традицией. Возможно, *өлгц* было знаком признания личной зависимости невесты от жениха, своеобразным знаком вассалита. Вероятно, поэтому дочь Чингис-хана Чечейкен, выданная замуж за сына хойтского Худуха-беки, не захотела богатства, золота, а попросила у отца его знамя, и вместо *өлгц* она принесла к жениху свое знамя, что повлияло на ее статус в новой семье. Семья, вернее, хойты, хойтский двор, поменяли свое имя и стали с тех пор называться «цаган туг хойт» – «белознаменные хойты», потом «цагатаны» и «цаатаны» [4, с. 18-19].

В настоящее время связь *өлгц* с копьём, пикой почти утрачена, но слово сохранилось как название одного из элементов приданого невесты во время свадьбы. В качестве *өлгц* иногда могут привезти халат или сорочку.

По свидетельству И.А. Житецкого, халат такого цвета, какой употребляется в роде жениха, вешают в кибитке родителей жениха над головной подушкой, и он носит название «элекци» [5, с. 22]. Об этом же свидетельствуют и наши информанты (Х.А. Санджиев, С.Х. Санджиев). Знамя и его цвет в традиционном обществе име-

ли важное значение. Поэтому сторона невесты всегда интересовалась цветом требуемого стороной жениха *өлгц*.

Цвет в калмыцком языке передается словом *өңг*. Существует выражение – «*өңг таньх*» – «узнавать, признавать цвет», видимо, это значило признавать над собой власть владельца знамени. Вероятно, этим объясняется второе значение выражения «*өңг таньх*» – «дарить, отдавать даром», также сравните антонимы: *мөңгэр* – «за деньги, платно», *өңгэр* – «по цвету, даром, бесплатно». Признание власти цвета знамени, верность ему, надо думать, нередко переходили в дружбу. Отсюда пословица: *хорха герлд үкдг, кун өңд үкдг* – *мотылек гибнет на свету, человек гибнет за цвет, дружбу (друга)*. Таким образом, слово *өңг* обозначает цвет знамени, по которому узнают, признают, заводят дружбу, дарят, отдают даром.

В этой связи уместно вспомнить о так называемых пяти цветных и четырех чуждых народах (*tabun ongge dorben qari ulus*). Летопись «Шара Туджи» приписывает эти слова Чингис-хану, который будто бы сказал их, подводя итог своей жизни. Неправильное понимание значения слова *өңг*, как кажется, породило появление понятия «цветные народы». «Шара Туджи» делает попытку расшифровать эти слова, называет пять народов, покоренных Чингис-ханом. При этом каждому из этих народов приписывается определенный цвет: корейцы – белый, китайцы – красный, тибетцы – черный, туркестанцы – желтый и т.д. [6, с. 177]. Однако семантика данных цветовых обозначений неясна.

Это место в источнике, вероятно, надо понимать не как указание о цветных народах, а как упоминание о близких, дружественных и дальних народах. Поэтому выражение «*tabun ongge dorben qari ulus*» следует переводить «пять дружественных и четыре дальних народа». Стоит вспомнить, что ойраты жили в Восьмирье, в верховьях Енисея, относились к дальним лесным народам и назывались «*qari dorben oirat*» – «четыре дальних ойрата». Поэтому цветовую символику, отмеченную в «Шара Туджи», не обязательно следует связывать со словами, приписываемыми Чингис-хану.

Если задаться целью представить себе «девятиножное» («*йисн көлтә*») белое знамя Чингис-хана, можно исходить из того постулата, что если его слова действительно о пяти цветных народах, то он, как военный человек, мог иметь в виду боевые знамена своих противников, их цвета, и после каждой победы мог привешивать лоскут побежденного знамени к своему знамени, как «ножку». Исходя из признания вассальных отношений через символику подношений в виде цветовых маркеров, можно признать, что каж-

дая ножка его «девятиножного» знамени должна быть какого-либо одного цвета, т.е. все «ножки» должны быть разных цветов.

У калмыков существует обычай во время праздника Зул возжигать девятифитильную лампадку *йисн зул*. По данным информантов (А.М. Наранова), эта девятифитильная лампадка по бортику подсвечника должна иметь также девять кисточек (флажков) – залмы из белых и синих нитей, любимых цветов Чингис-хана. Здесь невольно возникает аналогия между девятиножным знаменем и девятифитильной и девятикисточной лампадкой. Только все кисточки одного бело-синего цвета. Возможно, каждая «ножка» белого знамени Чингис-хана тоже не была одного цвета, как это предполагалось нами ранее, как об этом говорится в эпосе «Джангар»: «знамя бойцов развевалось на легком ветру, красное вечером, желтое поутру, девятицветной украшено тесьмой» [7, с. 338, 368, 387].

Обычно число «ножек» «девятиножного» белого знамени объясняли количеством орлюков в армии Чингиса. С другой стороны, сумма «цветных» и «дальних» народов тоже составляет девять, как и число знамен в названии города Эссентуки (от старописьменного монгольского *jesün*) – опять-таки девять [8, с. 92 - 93]. Принято считать, что в монгольской (калмыцкой) армии знамя имела крупная военная единица, например, на уровне дивизии. Трудно представить, что в Эссентуках сошлось столь многочисленное войско. Скорее всего, в названии города отразилось одно «девятиножное» знамя. Скорее всего, здесь произошло упрощение названия знамени, и «*йисн көлтэ цаһан туг*» – «девятиножное белое знамя» – изменилось в просто «*йисн туг*». В названии города Эссентуки и в других случаях, где речь о числительном девять, скорее всего речь идет о магическом числе девять, символика которого характерна для многих народов.

Р.Т. Муратова отмечает, что в башкирской языковой картине мира число тугыз «девять» наряду с числительными 3, 7, 40 занимает особое место и объясняет его символику: 1) как утроение тройки, как сложный образ трех миров; 2) как конец, предел цифровой серии до ее возвращения к единице; 3) неопределенное большое количество [9, с. 166].

Каббала считает основным числом, связанным с идеей человека, девять (3х3) – высочайшее в декаде число, трижды совершенное. Девять небесных сфер вращаются вокруг Земли [10, с. 498]. Объяснять число «ножек» на знамени количеством орлюков или «дивизий» вряд ли будет справедливо, ибо эти категории не являются постоянными, армия может увеличиваться, уменьшаться. К тому же (если рассматривать се-

мантику знамени Чингис-хана) не может быть, чтобы у Чингис-хана была столь малочисленной армия.

Возникает вопрос о цвете знамени ранних ойратов (хойтов) до «прихода» белого знамени. Для ответа на этот вопрос стоит вспомнить атрибутику цаатанов, восходящих к ранним ойратам и сохранивших в определенной целостности и чистоте свою атрибутику. По словам бывшего гелюнга Хамхултинского хурула Харцхи Убушаева, клич бага-цаатанов следующий:

*Маштг цаһан мааньта,
Туулан тоха урата,
Шар моңһл яста,
Баһ цаатн ээмг.*

С низким белым знаменем,
С кличем «Локоть зайца»,
По кости желтые монголы –
Баг-цаатановский аймак.

(Подстрочник автора)

Конечно, этот магтал появился после смены знамени, после «прихода» белого знамени Чингис-хана, давшего аристократическому дому ойратов новое название – цаган туг хойт.

По мнению бурятского ученого С.П. Балдаева, роды, вышедшие из Джунгарии, носят названия цветов древнейших знамен монголов: шаранууд, харанууд, боронууд, цэгээнүүд, хүхэнүүд и хүрэнүүд [11, с. 98 – 99]. В связи с этой точкой зрения в выражении «шар моңһл яста» видится указание на их знамя желтого цвета. Эта мысль подтверждается словами нашего информанта (Б.Б. Анджаев), который слышал от своего дяди Бадма-Халгаева Халги, что у цаатанов было «*салврха шар маань*» – «резное, рваное (истрепанное) желтое знамя».

Желтый цвет знамени яркой линией проходит по всему героическому эпосу «Джангар»:

*Дугту дотран бээхлэрн
Долвң сарин герлтэ.
Дугтуһасн һархларн
Долан нарна герлтэ
Алдн бээрин Шар-цоохр туг.*

Когда находится в чехле,
имеет блеск сверкающей луны.
Когда вынут из чехла,
сверкает светом семи солнц
боевое желто-пестрое знамя.
[12, с. 5]

Знамя 3-го Донского Калмыцкого конного полка начала XX века имеет белое полотнище и желтую окантовку. Здесь, как кажется, удачно сочетаются желтый цвет знамени ранних ойратов и белый цвет «девятиножного» знамени Чингис-хана, привезенного Чечейкен ойратам.

Такое сочетание у калмыков, видимо, идет издавна.

Г.Н. Прозрителев описывает, как он фотографировал в Александровском хуруле два очень ветхих знамени, относящихся еще ко времени появления калмыков в России. На одном из знамен – изображение всадника на белом коне Дайчи-тенгри – небесного воина, покровителя воинов и воинов, помощника в сражениях и победах. В руке у него – древко знамени, которое также имеет окантовку и три хвоста. Конец древка украшают золотой шар и трезубец. У ног всадника видны звери: тигр, медведь, волк, собака и другие [13, с. 90 - 91]. Рядом с Дайчи-тенгри, согласно описанию Г. Прозрителева, изображена Окн-тенгри – божество из ранга защитников буддийской веры, синкретический образ которого объединил и представления о божестве – хозяине огня, очага. На другом знамени начертаны изречения на тибетском языке и надпись хойтского предводителя «Саин-Ка Исильбеев» [13, с. 90 - 92].

Флаг Всевеликого Войска Донского был утвержден в 1918 году на «Кругу спасения Дона». Он состоял из трех продольных полос равной ширины синего, желтого и красного цвета. В постановлении Круга по этому поводу говорится, что три народа издревле живут на Донской земле и составляют население Донской области – донские казаки, калмыки и русские крестьяне. Характерными цветами их были: у донских казаков – синий, васильковый, у калмыков – желтый и у русских – алый.

В 1996 г. решением Законодательного собрания Ростовской области к левой стороне флага была добавлена белая полоса, символизирующая единство Ростовской области и России. В таком виде флаг был утвержден в качестве флага Ростовской области [14, с. 668; 15].

В современном знамени Республики Калмыкия основным является желтый цвет, выбранный как цвет буддийской веры калмыцкого народа. Но при этом можно считать, что желтый цвет является и «раннеойратским».

В дневниковых записях О.М. Ковалевского отмечается, что во время войны на врагов надвигается сначала белое знамя, затем – зеленое, черное, желтое – храбрейшее [16, с. 172].

В героическом эпосе «Джангар» также отмечается желтый цвет знамени. Знамя хана Джангара желто-пестрого цвета. Возможно, цветовая символика связана с желтым цветом знамени ранних ойратов. С другой стороны, исходя из предположения С.П. Балдаева, в «желто-пестром» знамени отмечается название племени – создателя эпических сказаний – цохуров, которые среди волжских калмыков составляли два аймака – Икицохуровский и Багацохуров-

ский. Возможно, название ойратского племени *цоохр*, имеющего отношение к созданию эпических песен, отражено в названии цвета знамени «*шар цоохр*», т.е. «желто-пестрый».

Желтый цвет знамени ойратов, как видно из сказанного, восходит к периоду до 1207 года, когда Чечейкен привезла ойратам белое знамя Чингис-хана.

В связи с предпринятым исследованием отдельных аспектов семантики древних знамен отмечу два примера их отображения в изобразительном искусстве. В работе О. Пархаева «Урядник калмыцких казачьих полков» [17, с. 9] художник изобразил главного персонажа с развернутым знаменем в руках, при этом со знамени не снят чехол, который обычно наматывается на древко поверх знамени. Другой пример – изображение двухлопастного знамени (не характерного для ойратов) в скульптуре «Золотой всадник» в г. Элиста. Таким образом, в разновременных произведениях отразилось незнание символики знамен и обычаев, связанных в культуре монголоязычных народов. Поэтому значение древней символики знамен актуально как для понимания их глубинной семантики, так и для правильного отображения в художественной культуре.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Анджаев Борис Бадмаевич (Лаганский район)
Бембеев Сангаджи Наранович (г. Элиста)
Наранова Александра Манджиевна (г. Лагань)
Санджиев Сергей Хечеевич (г. Элиста)
Санджиев Хеече Адучиевич (г. Элиста)
Убушаев Харцха (Лаганский район)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сб. I. М.; Л., 1951.
2. Рерих Ю.Н. Упоминание о бунчуке в «Ригведе» // Индия – Тибет: текст и вокруг текста: Рериховские чтения. М., 2004.
3. Шараева Т.И. К проблеме изучения маркеров рода: символик и функции «олгц» // Монголоведение. № 2. Элиста, 2003.
4. Убушаев Н.Н. К вопросу об этногенезе хойтов // Научная мысль Кавказа / Северо-Кавказский научный центр высшей школы. 2006. № 3. Спецвыпуск.
5. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. М., 1893.
6. Шара Туджи. М.; Л., 1957.
7. Джангар. Элиста, 1971.
8. Бадгаев Н.Б., Омакаева Э.У. О происхождении топонима Ессентуки // Истории и культура монголоязычных народов: источники и традиции: междунар. «круглый стол» монголоведов (Улан-Удэ, октябрь 1989 г.). Улан-Удэ, 1989.
9. Муратова Р.Т. Число тугыз девять в башкирской языковой картине мира // Подвижники сибирской

филологии: В.А. Авронин, Е.И. Убрятова, В.М. Наде-
ляев: тез. докладов Всерос. науч. конф. (Новосибирск,
27 – 29 сент. 2007 г.). Новосибирск, 2007.

10. Каббала. Энциклопедия. Символы, знаки,
эмблемы. М., 2006.

11. Балдаев С.П. Избранное. Улан-Удэ, 1961.

12. Джангар. Элиста, 1971.

13. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших
калмыков. Ставрополь, 1912.

14. Астапенко М.П., Астапенко Е.М. История
донского края. Ростов н/Д, 2005.

15. Флаг Всевеликого Войска Донского // Юж-
ная Россия. 1996. № 9.

16. Скородумова Л.Г. Россия – Монголия – Ки-
тай. Дневники монголоведа О.М. Ковалевского, 1830
– 1831: рецензия // Восток (Oriens). 2007. № 6.

17. Пархаев О. Изобразительное искусство.
М., 1989.

ББК 81.2 (2 Рос = Калм)

ЗНАМЯ 3-го ДОНСКОГО КАЛМЫЦКОГО КОННОГО ПОЛКА

А.Г. Кукеев

Статья посвящена описанию и объяснению сюжетов, изображенных на знамени 3-го Донского калмыцкого конного полка.

Ключевые слова: *знамя 3-го Донского Калмыцкого конного полка, калмыцкое знамя.*

Article is devoted to the description and an explanation of plots represented on the standard of the Third Don Kalmyk horse regiment.

Keywords: *a standard of the third Don Kalmyk horse regiment, a Kalmyk flag.*

Знамя является атрибутом войска, имеющим особое сакральное свойство. Согласно древним представлениям, в знамени живет дух божества-покровителя воинства. Потеря знамени или нанесение ему вреда воспринималось сродни поражению на поле битвы. В калмыцком эпическом сказании «Джангар» богатыри стремятся разорвать знамя противника либо воткнуть его в землю наверху. Такой поступок, как правило, наводит ужас на противника и лишает его способности к сопротивлению.

Особый интерес в связи с этим представляет символика знамен, под которыми выступали калмыцкие воины, участвовавшие во многих российских войнах. Одной из сохранившихся до наших дней военной реликвией является знамя 3-го Донского Калмыцкого полка, хранящееся в Новочеркасском музее истории донского казачества. Оно, по мнению исследователей, датируется первой четвертью XX века. На лицевой стороне светло-серого полотнища квадратной формы расположена многофигурная композиция. В центре находится изображение буддийского божества Лхамо (калм. Окн-тенгр; тиб. dmag zor rgyal mo). Ее сопровождают Гаруда (калм. Нэрд шовун; тиб. 'khyung), всадник в боевом снаряжении (калм. Дээч тенгр; тиб. dgra lha), тигр (калм. барс; тиб. stag), конь с чиндamani (калм. илвтэ мөрн; тиб. rta mchog), дракон (калм. лу; тиб. 'brug), снежный лев (калм. арслн; тиб. seng).

По своей семантике знамя 3-го Донского калмыцкого полка перекликается с традицией буддийских молитвенных флажков (калм. ки мөрн; тиб. glung rta). Согласно существующей легенде, происхождение молитвенных флажков связано с постоянной борьбой асуров с богами-тенгриями [1, с. 59 – 64]. Утомленные неустанной агрессией богов, асуры обратились за помощью к Будде. Он одарил их охранительной молитвой, которую они напечатали на своих флагах. Благодаря защитной силе этой молитве была одержана победа над противником. Великий индийский учитель Атиша, который прибыл в Западный Тибет в 1042 г., как полагают, ввел индийскую буддистскую практику печати молитвенных флажков в Тибете.

Изображенное в центре знамени калмыцкого полка божество Лхамо – это демоническое существо, наделенное функцией охранительницы буддизма и хранительницы тайн жизни и смерти. Она вооружена пятью видами магического оружия: «пересеченная палка демонов» (тиб. bdud kyī khram bam); «связка красных проклятий» (тиб. byad dmar gyi khres po); «черно-белые кубики» (тиб. sho rde'u dkar nag); «сумка болезней» (тиб. nad kyī rkyal pa); «клубок ниток» (тиб. mtshon kyī gru gu) [2, с. 123 – 157].

«Пересеченная палка демонов» находится за поясом богини. Р. Небески-Войкович указывает, что подобная зубчатая палка использовалась в Тибете до введения тибетского алфавита для регистра-

филологии: В.А. Авронин, Е.И. Убрятова, В.М. Наде-
ляев: тез. докладов Всерос. науч. конф. (Новосибирск,
27 – 29 сент. 2007 г.). Новосибирск, 2007.

10. Каббала. Энциклопедия. Символы, знаки,
эмблемы. М., 2006.

11. Балдаев С.П. Избранное. Улан-Удэ, 1961.

12. Джангар. Элиста, 1971.

13. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших
калмыков. Ставрополь, 1912.

14. Астапенко М.П., Астапенко Е.М. История
донского края. Ростов н/Д, 2005.

15. Флаг Всевеликого Войска Донского // Юж-
ная Россия. 1996. № 9.

16. Скородумова Л.Г. Россия – Монголия – Ки-
тай. Дневники монголоведа О.М. Ковалевского, 1830
– 1831: рецензия // Восток (Oriens). 2007. № 6.

17. Пархаев О. Изобразительное искусство.
М., 1989.

ББК 81.2 (2 Рос = Калм)

ЗНАМЯ 3-го ДОНСКОГО КАЛМЫЦКОГО КОННОГО ПОЛКА

А.Г. Кукеев

Статья посвящена описанию и объяснению сюжетов, изображенных на знамени 3-го Донского калмыцкого конного полка.

Ключевые слова: *знамя 3-го Донского Калмыцкого конного полка, калмыцкое знамя.*

Article is devoted to the description and an explanation of plots represented on the standard of the Third Don Kalmyk horse regiment.

Keywords: *a standard of the third Don Kalmyk horse regiment, a Kalmyk flag.*

Знамя является атрибутом войска, имеющим особое сакральное свойство. Согласно древним представлениям, в знамени живет дух божества-покровителя воинства. Потеря знамени или нанесение ему вреда воспринималось сродни поражению на поле битвы. В калмыцком эпическом сказании «Джангар» богатыри стремятся разорвать знамя противника либо воткнуть его в землю наверху. Такой поступок, как правило, наводит ужас на противника и лишает его способности к сопротивлению.

Особый интерес в связи с этим представляет символика знамен, под которыми выступали калмыцкие воины, участвовавшие во многих российских войнах. Одной из сохранившихся до наших дней военной реликвией является знамя 3-го Донского Калмыцкого полка, хранящееся в Новочеркасском музее истории донского казачества. Оно, по мнению исследователей, датируется первой четвертью XX века. На лицевой стороне светло-серого полотнища квадратной формы расположена многофигурная композиция. В центре находится изображение буддийского божества Лхамо (калм. Окн-тенгр; тиб. dmag zor rgyal mo). Ее сопровождают Гаруда (калм. Нэрд шовун; тиб. 'khyung), всадник в боевом снаряжении (калм. Дээч тенгр; тиб. dgra lha), тигр (калм. барс; тиб. stag), конь с чиндamani (калм. илвтэ мөрн; тиб. rta mchog), дракон (калм. лу; тиб. 'brug), снежный лев (калм. арслн; тиб. seng).

По своей семантике знамя 3-го Донского калмыцкого полка перекликается с традицией буддийских молитвенных флажков (калм. ки мөрн; тиб. glung rta). Согласно существующей легенде, происхождение молитвенных флажков связано с постоянной борьбой асуров с богами-тенгриями [1, с. 59 – 64]. Утомленные неустанной агрессией богов, асуры обратились за помощью к Будде. Он одарил их охранительной молитвой, которую они напечатали на своих флагах. Благодаря защитной силе этой молитве была одержана победа над противником. Великий индийский учитель Атиша, который прибыл в Западный Тибет в 1042 г., как полагают, ввел индийскую буддистскую практику печати молитвенных флажков в Тибете.

Изображенное в центре знамени калмыцкого полка божество Лхамо – это демоническое существо, наделенное функцией охранительницы буддизма и хранительницы тайн жизни и смерти. Она вооружена пятью видами магического оружия: «пересеченная палка демонов» (тиб. bdud kyī khram bam); «связка красных проклятий» (тиб. byad dmar gyi khres po); «черно-белые кубики» (тиб. sho rde'u dkar nag); «сумка болезней» (тиб. nad kyī rkyal pa); «клубок ниток» (тиб. mtshon kyī gru gu) [2, с. 123 – 157].

«Пересеченная палка демонов» находится за поясом богини. Р. Небески-Войкович указывает, что подобная зубчатая палка использовалась в Тибете до введения тибетского алфавита для регистра-

ции торговых сделок [3, с. 22 – 37]. Как волшебное оружие используются две зубчатые палки: черного (*тиб.* bdud kyī khram shing), и желтого (*тиб.* srin po'i khram shing) цветов. Обе палки имеют красные метки на седьмых, девярых или тринадцатых резцах. Для уничтожения врага наносится число меток, которое соответствует возрасту прожитых им лет.

«Связка красных проклятий» обычно изображается в виде книги с красным текстом, перевязанной красной тканью или змеями. Рядом со «Связкой красных проклятий» на сбруе лошади висят «сумка болезней» и «пара черно-белых кубиков для игры в кости». Согласно одной из легенд о Лхамо, «пара черно-белых кубиков» была получена ею от супруга, который был заядлым игроком в кости. Она ими пользуется для предсказаний, посредством чего может определить кармический результат любой ситуации. Существует способ предсказания с помощью подобных костей (*тиб.* mo) [4, с. 7 – 29]. В этом ритуальном действии используются три гадальных кубика, которые дают числовые комбинации от трех до восемнадцати.

«Сумка болезней» является четвертым из пяти видов волшебного оружия. Согласно легенде, «сумку болезней» Лхамо получила от матери, чтобы подчинить богов и нагов. Сила этого оружия проявляется в виде ядовитого тумана, исходящего из рта этой богини. «Клубок ниток» сплетен из пяти цветных нитей (*тиб.* gzungs thag), которые воплощают сущность всех оружий.

Сбоку от божества Лхамо изображен Дайчитенгри, который считается одним из хранителей Учения. Его функция – поражать врага в битве. Он также выступает в буддизме в виде «бога мщения», мучающего грешников в аду [5, с. 210 – 212]. Древние иконописные изображения Дайчитенгри, связанные с добуддийским культом предков, были описаны Г. Потаниным во время его посещения дербетов Северо-Западной Монголии ещё во второй половине XIX в. [6].

В калмыцкой традиции молитвенных стягов, как и в тибетской, принято изображать пять мифологических животных: лошадь с чиндамани, дракона, Гаруду, тигра и белого снежного льва. Каждому животному соответствует один из пяти цветов. Цвета символизируют элементы. Лошадь, несущая на спине драгоценный камень чиндамани, или драгоценный камень Чакравартина «вселенского монарха», изображается в центре молитвенного флага. Чиндамани повсюду сеет процветание и гармонию.

Вокруг изображения лошади расположен текст мантр буддийских божеств и молитв, который мы приводим ниже с переводом на русский язык.

«nyi zla mun sel khams tsul dbang / srog lus dbang thang rlung rta bskyed dug sol / stag seng 'khyung 'brug 'dir yang bskyed dug sol / dge tsogs 'dir yang mthun rkyen kun sgrubs nas / 'dza gling stobs

ldan bdag pod bang thob shog / OM A HUM / OM A RA PA DZA NA DHI /

kun 'byung nor bur lung khams yongs su khyab / lonsa spyod char ltar bebs pa'I bkra shis shog / bsten 'phel rgyas yongs la bkra shis shog / RULU RULU HUM JO / OM TARE TU THARE MAMA AUR PUNYA DZNYANA PUSHTIM GURU E SWAHA / OM A HUM /

pad ma nor bu 'od 'bar bthags pa 'di / dmag dpun me nor 'khor bcas rlung rta bskyed / lus srog tse la dbang gi bkra shis shog / skye 'gro lus srog stobs ldan myur thob shog / E LAM / OM MA NI PAD ME HUM DHRI /

rdo rje 'byung ba'I ljags la rag lus pa'I khams gsum lus bskyed tse la dbang thob shog / rlung rta dar rgyal bsod names yar 'pael shog / OM DZA LA RAM / OM NAMO BHAGAWATE / APARIMITA A UR DZNYANA SUBINI SHIDZA TATE DZORA DZAYA / TATHAGATAYA / ARHATE SAMYA KSAM BUDDHAYA / TATYA THA / OM PUNYE PUNYE / MAHA PUNYE / APARIMITA PUNYE / APARIMITA PUNYE / DZNYANA SAMBHARO PADZI TE / OM SARWA SAM SAKARA PARISHUDHA DHARMA TEGAGANASAMUNGATESWABHAVABISHUDHE MAHANAYA BARI VARAE SWAHA /

dyung drung tse ni mi 'gyur me khams dbang / dbang mthar gyar srog lus dbang rlung rta sogs / yar ngo'I zla ltar rlung rta yar 'phel shog / ral dra dza OM VADZRAPANI HUM PAD / lha rgyal rtags 'khyung 'brug 'dir yang bskyed / OM MAMA TOD TOD E SWAHA / OM MAMA RE RE E SWAHA / OM MAMA LAM LAM E SWAHA / OM MAMA KHAM KHAM E SWAHA /

'byung ba lnga'I gnod pa lass rungs shig / skyobs shig / srog lus dbang thang rlung rta bskyed dug sol / dkon mchog gsum la phyag 'tsal lo / OM MUDZINI SWAHA /

kun 'dus SARWA 'du du HO / POR PNYA KSHA BAL mig phol zhu zhes bya ba'I tse bskyed / dpal 'byor / srog bskyed / lus bskyed / dbang thang bskyed / rlung rta bskyed / lha khyed rnams kyis dbu 'phang mtho ba dang / ming gi 'phrin khas / dbang thang rgyas par mdzod / lo 'khor bcu gnyis kyis mi rnams kyī srog lus dbang thang rlung rta rgyal nas bsod names dpal 'byor phun sum tsogs pa gong nas gang du 'phel zhing bskyed gyur cig / lha rgyal lo / OM SUPRATISHTA VADZRA E SWAHA / rlung rta rgyas par gyur cig / SARWA MANGALAM /».

«Подобно солнцу и луне, устранив неведение во всех сферах, пусть будут счастливы жизнь, тело, влияние, удача. Пусть также будут блаженны драгоценная лошадь, дракон, Гаруда, тигр и лев. Добившись всех условий для собрания добродетелей, достигнем влияния всемогущего хозяина Земли. OM A ХУМ. OM A РА БА ДЗА НА ДХИ [мантра Манджушри].

Драгоценный камень с помощью воздуха охватит все миры, и благоденствие и счастье пусть

прольется дождем! Во благо счастья пусть повсюду распространится Учение! РУ ЛУ РУ ЛУ ХУМ ЖЁ!
ОМ ТАРЕ ТУ ТАРЕ МАМА А ЮР ПУНЬЕ ДЗНЬЯ-
НА ПУШТИМ ГУРУ СВАХА. ОМ А ХУМ [мантра
Белой Тары].

Лучи озарения драгоценности на лотосе
поспособствуют удаче свите военачальника.
Пусть будет счастье телу, жизненной силе и
жизни! Пусть быстрее станут живые сильными и
здоровыми! Э ЛАМ. ОМ МА НИ БАД МЕ ХУМ
[мантра Авалокитешвары].

Возникшие из Ваджры грубые тела трех миров
достигнут счастья жизни. Пусть с помощью молит-
венного стяга возрастет добродетель! ОМ ДЗА ЛА
РАМ. ОМ НА МО БХАГАВАТЕ. АПАРИМИТА
АЮРДЗНЯНА СУБИНИ ШИДЗА ТАТЕ ДЗОРА
ДЗАЯ. ТАТХАГАТАЯ. АРХАТЕ САМЬЯ КСАМ
БУДДХАЯ. ТАТЬЯ ТХА. ОМ ПУНЬЕ ПУНЬЕ.
МАХА ПУНЬЕ. АПАРИМИТА ПУНЬЕ. АПАРИ-
МИТА ПУНЬЕ. ДЗНЬЯНА САМБХАРО ПАДЗИ
ТЕ. ОМ САРВА САМ САКАРА ПАРИШУДДХА
ДХАРМА ТЕГА ГАНА САМУНГАТЕ СВАБХА
ВАБИШУДДХЕ МАХАНАЯ БАРИ ВАРАЕ СВА-
ХА [мантра Амитаюса].

Подобно незыблемой свастике, как и неизмен-
ная сфера огня, будут прочны жизнь, тело, влияние
и удача. Подобно росту луны [после новолуния],
пусть возрастает удача! ral dra dza ОМ ВАДЖРА-
ПАНИ ХУМ ПАД [мантра Ваджрапани].

Также станут счастливыми боги, тигр, Гару-
да, дракон. ОМ МАМА ТОДТОД Е СВАХА. ОМ
МАМА РЕРЕ Е СВАХА. ОМ МАМА ЛАМЛАМ
Е СВАХА. ОМ МАМА КХАМКХАМ Е СВАХА
[мантра 4-х элементов].

Сохрани от вреда пяти элементов! Спаси!
Пусть будут счастливы жизнь, тело, влияние, удача.
Преклоняюсь пред тремя драгоценностями! ОМ
МУДЗИНИ СВАХА. САРВА ДУТУ ХО.

Пред очами ПОР ПНЬЯ КША БАЛ подношу,
называемые (именуемые) процветаниями: в жизни;
в благосостоянии; в жизненной силе; в физиче-
ском теле; во влиянии; в удачи. Боги, вы способны
преувеличить и повлиять на быстрое проявление!
Пусть у всех людей, рожденных в 12-ти животных
циклах, жизнь, тело, влияние и удача процветут, и
полное собрание добродетели и благосостояния бу-
дет больше и больше возрастет и будет счастье!
Боги побеждают! ОМ СУПРАТИШТА БАДЗРАЕ
СВАХА. Пусть возрастет удача. САРВА МАНГА-
ЛАМ».

Тигр – символ силы, бесстрашия и военного
мастерства. Одежду из кожи тигров одевали в сра-
жении. Шкура тигра часто изображается под нога-
ми различных божеств, йогов, сиддхов, оракулов
и великих учителей. Тигр означает в символичес-
кой форме царскую власть и силу. По некоторым
представлениям, с помощью кости тигра можно
вызвать дождь. Коготь тигра считается мощным

талисманом для усиления личной власти. Тигра
часто изображают на стенах монастырей школы
Гелуг. Как правило, такое изображение известно
под названием «Монгол, ведущий тигра» [6, с. 391-
394]. Фигура монгола отображает в символической
форме бодхисаттву Авалокитешвару. Данное изоб-
ражение в символической форме демонстрирует
превосходство школы Гелуг над старшими школа-
ми «красной шапки».

Дракон – один из самых ранних символов – вы-
ступает первоначально как божество грома, дождя,
грозы. Согласно восточной мифологии, из когтей
дракона исходит молния, а изо рта – шаровая мол-
ния. Грохот грома – это голос дракона. В буддизме
дракон выступает транспортным средством Вайро-
чаны, т.е. белого Будды центра или востока. Синий
бирюзовый дракон также является транспортным
средством божеств-защитников буддийского уче-
ния и водных или ландшафтных богов.

В религии бон образ индийского Гаруды слил-
ся с золотым «рогатым орлом», птицей огня (тиб.
mkha' lding). Для обозначения Гаруды в тибетс-
ком языке используются два слова: khyung и mkha'
Iding. Буддийская иконография изображает Гаруду с
головой, клювом и ногами птицы с большими кры-
льями и туловищем человека. Такая форма отоб-
ражает в символической форме превращение яда в
эликсир жизни. Крылья и глаза обычно изобража-
ются золотыми, волосы вздыбленными. Два кры-
ла представляют союз метода и мудрости. Между
острыми рожками находится выпуклость, которая
скрывает драгоценный камень нагов в черепе дра-
кона. В буддизме Гаруда выступает транспортным
средством Амогхасиддхи – зеленого Будды севера,
в традиции Ньигма в гаруде персонифицируются
гневные формы проявления Падмасамбхавы, а в
традиции скрытых сокровищ (тиб. gter ma) Гаруда
выступает как хранитель сокровищ.

Четыре сверхъестественных животных изоб-
ражаются в четырех углах флага. В буддийской
иконографии существует несколько способов раз-
мещения этих животных. В одной традиции при-
нято изображать Гаруду на западе, дракона на юге,
тигра на востоке и белого снежного льва на севере.
Другая традиция предписывает располагать снеж-
ного льва на восточной стороне, дракона на юге,
тигра на западе и Гаруду на севере. Иногда Гаруду
и дракона изображают наверху, поскольку Гаруда
и дракон являются небесными существами. Тигр и
снежный лев, будучи земными существами, разме-
щаются в нижней части флага. По стилю изображе-
ния они близки к народной живописи [7, с. 97 – 99].
Завершает содержание флага надпись на «ясном
письме», которая гласит, что в «год земли-лошади
(1918 г.) Лама донских калмыков багши М. Борман-
жинов с благословениями освятил знамя для 3-го
Донского Калмыцкого конного полка». В центре
обратной стороны знамени изображен герб Войска

Донского. Надпись на этой стороне знамени гласит: «Калмыцкий 3 Донской конный полк».

Со схожими знаменами выступали калмыки в Отечественной войне 1812 года. Одно из них хранилось в Хошеутовском хуруле на Волге. По свидетельству Г. Прозрителева, на нем был изображен небесный всадник (Дэач-тенгр) в сопровождении пяти животных и парящих над ним трех птиц, символизирующих его власть на Небе и Земле [8, с. 90 – 92].

Таким образом, калмыцкие знамёна – интересная тема, свидетельствующая об этническом своеобразии традиционной культуры и в определенной степени связанная с традициями иконографии буддизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beer R. The Encyclopedia of Tibetan symbols and motifs. Shambhala Publications, Inc. Horticultural Hall 300, Massachusetts Avenue, Boston, Massachusetts. USA.

2. Sle lung bzhad pa'I rdo rje. "dam can bstan srung rgya mtso 'I rnam par thar pa cha shas tsham brjod pa sngon med legs bshad ces bya ba bzhugs so". Me rigs dpe sgrung khang. Pe cin, 2003.

3. Nebesky-Wojkowitz Rene de. Oracles and demons of Tibet. Paljor publ. D-39, Jang Pura Extn. New Delhi. India, 1998.

4. Jamgon Mipham. Mo Tibetan divination system. Snow Lion Publ. Ithaca, New York. USA, 1990.

5. Туччи Д. Религии Тибета. Евразия. СПб., 2005.

6. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 2.

7. Saphud thub bstan dpalldan. mtson don nor bu'I do shal. Dorjee Tsering at Jayyued Press, Balimaran, Delhi. India, 1998.

8. Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX века. М.: Наука, 2005.

9. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912.

ББК 86.35 (2 Рос=Калм)

О КАЛМЫЦКИХ ОБЕРЕГАХ «МИРДЕ»

Б.В. Меняев, Ч.А. Санджиев

В статье рассматриваются особенности буддийских оберегов «мирде», их магические функции и техника изготовления.

Ключевые слова: *оберег, охранительные функции, воины-калмыки, «мирде».*

The article is devoted to the peculiarities Buddhist protection amulets called "mirde", their magical functions and manufacturing techniques.

Keywords: *talisman, guarding functions, Kalmyk soldiers, mirde.*

Представления о защитных силах, сопровождающих воина в ратных походах, характерны для многих народов мира. При этом функции защиты обеспечиваются различными как рациональными, так и иррациональными способами, например священными оберегами. Для верующих весьма значимыми представляются предметы, наделяемые, согласно религиозным традициям, особыми свойствами. Согласно традиционным представлениям, они обладают магической способностью оберегать его владельца от разных бедствий.

Обереги имеются у каждого народа. Одной из причин, породивших культуру оберегов, является вера в магическую силу священных предметов. В составе оберегов обычно выделяют такие разновидности, как амулет – предмет, который, по народным представлениям, способен охранять его владельца от бедствий, и талисман (буквальное значение – магическое изображение) – предмет, который по представлениям людей, верящих в его чудодейственную силу, обладает способностью приносить его владельцу счастье, удачу и т.д. Талисман обычно отличается своеобразной формой

и связью с какими-либо верованиями и представлениями.

Своя система оберегов существовала и у калмыцкого народа. В буддийской культуре одним из оберегов является *мирде* – культовый предмет индивидуального пользования, который, как правило, представляет собой вложенное в металлический или деревянный футляр изображение буддийского божества. Этимология слова *мирде* восходит к санскритскому *амрита*, что значит «бессмертный» [2, с. 74].

Для кочевой культуры являются характерными функции защиты хозяйства и общества. Поэтому мужчины-калмыки в прошлом были не только скотоводами, но и воинами. Известно также, что воины-калмыки участвовали во многих войнах Российского государства. В народе верили, что существуют амулеты, охраняющие от стрел (позже от пуль) и ударов сабли на войне, – *мирде*. Во время Первой и Второй мировых войн воины-калмыки отправлялись в армию, взяв с собой обереги *мирде*, и вера в их чудодейственные силы в среде калмыков была очень велика. Наиболее распространенным мотивом в рассказах старых воинов является следу-

Донского. Надпись на этой стороне знамени гласит: «Калмыцкий 3 Донской конный полк».

Со схожими знаменами выступали калмыки в Отечественной войне 1812 года. Одно из них хранилось в Хошеутовском хуруле на Волге. По свидетельству Г. Прозрителева, на нем был изображен небесный всадник (Дэач-тенгр) в сопровождении пяти животных и парящих над ним трех птиц, символизирующих его власть на Небе и Земле [8, с. 90 – 92].

Таким образом, калмыцкие знамёна – интересная тема, свидетельствующая об этническом своеобразии традиционной культуры и в определенной степени связанная с традициями иконографии буддизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beer R. The Encyclopedia of Tibetan symbols and motifs. Shambhala Publications, Inc. Horticultural Hall 300, Massachusetts Avenue, Boston, Massachusetts. USA.

2. Sle lung bzhad pa'I rdo rje. "dam can bstan srung rgya mtso 'I rnam par thar pa cha shas tsham brjod pa sngon med legs bshad ces bya ba bzhugs so". Me rigs dpe sgrung khang. Pe cin, 2003.

3. Nebesky-Wojkowitz Rene de. Oracles and demons of Tibet. Paljor publ. D-39, Jang Pura Extn. New Delhi. India, 1998.

4. Jamgon Mipham. Mo Tibetan divination system. Snow Lion Publ. Ithaca, New York. USA, 1990.

5. Туччи Д. Религии Тибета. Евразия. СПб., 2005.

6. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 2.

7. Saphud thub bstan dpalldan. mtson don nor bu'I do shal. Dorjee Tsering at Jayyued Press, Balimaran, Delhi. India, 1998.

8. Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX века. М.: Наука, 2005.

9. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912.

ББК 86.35 (2 Рос=Калм)

О КАЛМЫЦКИХ ОБЕРЕГАХ «МИРДЕ»

Б.В. Меняев, Ч.А. Санджиев

В статье рассматриваются особенности буддийских оберегов «мирде», их магические функции и техника изготовления.

Ключевые слова: *оберег, охранительные функции, воины-калмыки, «мирде».*

The article is devoted to the peculiarities Buddhist protection amulets called "mirde", their magical functions and manufacturing techniques.

Keywords: *talisman, guarding functions, Kalmyk soldiers, mirde.*

Представления о защитных силах, сопровождающих воина в ратных походах, характерны для многих народов мира. При этом функции защиты обеспечиваются различными как рациональными, так и иррациональными способами, например священными оберегами. Для верующих весьма значимыми представляются предметы, наделяемые, согласно религиозным традициям, особыми свойствами. Согласно традиционным представлениям, они обладают магической способностью оберегать его владельца от разных бедствий.

Обереги имеются у каждого народа. Одной из причин, породивших культуру оберегов, является вера в магическую силу священных предметов. В составе оберегов обычно выделяют такие разновидности, как амулет – предмет, который, по народным представлениям, способен охранять его владельца от бедствий, и талисман (буквальное значение – магическое изображение) – предмет, который по представлениям людей, верящих в его чудодейственную силу, обладает способностью приносить его владельцу счастье, удачу и т.д. Талисман обычно отличается своеобразной формой

и связью с какими-либо верованиями и представлениями.

Своя система оберегов существовала и у калмыцкого народа. В буддийской культуре одним из оберегов является *мирде* – культовый предмет индивидуального пользования, который, как правило, представляет собой вложенное в металлический или деревянный футляр изображение буддийского божества. Этимология слова *мирде* восходит к санскритскому *амрита*, что значит «бессмертный» [2, с. 74].

Для кочевой культуры являются характерными функции защиты хозяйства и общества. Поэтому мужчины-калмыки в прошлом были не только скотоводами, но и воинами. Известно также, что воины-калмыки участвовали во многих войнах Российского государства. В народе верили, что существуют амулеты, охраняющие от стрел (позже от пуль) и ударов сабли на войне, – *мирде*. Во время Первой и Второй мировых войн воины-калмыки отправлялись в армию, взяв с собой обереги *мирде*, и вера в их чудодейственные силы в среде калмыков была очень велика. Наиболее распространенным мотивом в рассказах старых воинов является следу-

ющий: пуля, пущенная из оружия, пролетает мимо, даже если стреляют с близкого расстояния.

Мирде пользовались популярностью, выполняющая защитную и эстетическую функцию. И.А. Житецкий в своем труде так описал этот оберег: «*Мирде*» («*шутен*») или «*менску*» – это миниатюры, хранящиеся в металлической коробочке (серебряных ящиках), так что *мирде* – род медальона с религиозным значением. Ящик для шутена («*орда хариши*» или «*менску*») [1, с. 44].

В буддийской культуре обереги являются одним из видов знаковых предметов. Они выполняют защитную функцию и используются многими последователями буддийского учения как символ обеспечения покровительства определенного божества, как знак принадлежности к данному культурному кругу. Система оберегов, призванных защищать жилище, семью и отдельно каждого человека, сложилась на основе как почитания священных предметов, так и соблюдения религиозных запретов.

Среди буддийских оберегов следует выделить несколько видов: сделанные из ниток (*зэнг*), выполненные из глины (*цаца*), записанные на ткани или бумаге тексты молитв (*бу*) и, наконец, *мирде*.

Изготовленные в традиционной технике *мирде* состоят из двух частей: из оберега в виде глиняного *цаца*, рельефного металлического изображения или небольшого живописного изображения и металлического или деревянного футляра. Вкладываемая внутрь футляра *цаца* делается из определенного образом замешанной глины с добавлением специальных ингредиентов. Иногда в глину добавляют прах (пепел) прославленных учителей. Считается, что такие обереги обладают особой силой и свойствами. Замешанную глину помещают в различного вида формочки, имеющие на внутренней стороне тиснение в виде изображений ступ, а также божеств в ранге будд и бодхисаттв. Наиболее часто встречаются изображения таких буддийских персонажей, как Будда Шакьямуни (калм. *Бурхн Багш*), Амитабха (калм. *Амидава бурхн*), Амитаюс (калм. *Аюш бурхн*), Авалокитешвара (калм. *Арьябала*), Манджушри (калм. *Манзшир*), Ваджрапани (калм. *Очирвани*), Зеленая Тара (калм. *Ноһан Дэрк*), Белая Тара (калм. *Цаһан Дэрк*), а также лама Падмасамбхава (калм. *Бадмсамбав бурхн*), Цзонхава (калм. *Зуңквин гегэн*), Ямантака (калм. *Ямндаһ бурхн*), Хаягрива (калм. *Дамдин*), Махакала (калм. *Махгал бурхн*) и Лхамо (калм. *Окн теңгр*). С обратной стороны в глину вдавливают три зернышка. После этого глину вынимают из формочки и сушат. Встречаются также изображения, выполненные в двусторонних формах, в которых возможно изготовление круглой скульптуры и, чаще, круглых ступ, отличающихся законченной формой.

Цаца является также важным компонентом закладки буддийских мемориальных сооружений «ступ» (калм. *суврһн*). В Тибете существуют специ-

альные строения, в которые помещают максимальное количество *цаца* для очищения негативных явлений и призывания удачи в данной местности. Кроме того, считают, что человек, изготавливающий *цаца*, накапливает огромные благие заслуги (*буйн*).

С *мирде*, в магическую силу которого свято верили и к которому относились почитательно, у калмыков связано множество легендарных рассказов. К примеру, среди калмыков бытует одно весьма интересное предание. Во время Великой Отечественной войны (1941 – 1945) в одном полку служил калмык, не раз бывавший в самом пекле сражений и ни разу не получивший даже легкого ранения. Секрет его неуязвимости, по мнению его сослуживцев, был связан с оберегом. Решив проверить его чудодейственную силу, солдаты надели амулет на козу и выстрелили в нее в упор. Животное осталось невредимым. Приведенное предание о *мирде* является отнюдь не единичным из цикла образцов устного творчества, содержащих сюжет о чудесных свойствах буддийских охранительных талисманов.

Калмыки высоко ценили *мирде* в целом и, в особенности, уникальный амулет «*күүкн цаһан мирд*» («сакрально белый мирде»), которым владели лишь избранные люди. По поверьям, он обладал необыкновенной силой [3]. По преданию, таких *мирде* во всем монгольском мире было всего четыре. Два из них попали в калмыцкую степь во времена, когда предки калмыков – ойраты пришли из Джунгарии на Волгу. Здесь уникальные обереги переходили из рук в руки в среде избранных нойонов и зайсангов. Сохранились сведения, что этот оберег имелся у Аюки-хана.

В Национальном музее Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова хранится коллекция *мирде*. Все экспонаты коллекции имеют небольшие размеры (высота от 2 – 3 до 9 – 10 см) и выполнены различными способами: из глины, рельефные из металла, маленькие писанные иконы в металлических рамках для ношения на груди [4, с. 151].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884 – 1886 гг. М., 1893; Репринт. воспр. изд. 1893 г. Элиста, 1991.
2. Кичгэ Төлэ. Угин туск үг. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1979.
3. Митиров А.Г. По следам бурхана Мирде // Хальмг үнн. 2003 г. 23 мая.
4. Менкенова Б.Ш. О коллекции предметов буддийского культа из собрания Государственной академии им. Маймонида // Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа: материалы Междунар. научн. конф., посвященной 405-летию со дня рождения Зая-пандиты. Элиста: АПП «Джангар», 2004.

КАЛМЫЦКОЕ КОНЕВОДСТВО И ВОЕННАЯ РЕФОРМА Д.А. МИЛЮТИНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В.В. Батыров

Статья посвящена вопросам истории калмыцкого коневодства и роли военной реформы Д.А. Милютина в его развитии.

Ключевые слова: *история Калмыкии, история России, история хозяйства, коневодство.*

The article is devoted to the questions of the history of horse breeding of the Kalmyks and the role of military reform of D.A. Milutin at the end of XIX – beginning of XX century.

Keywords: *history of Kalmykia, history of Russia, history of economy, horse breeding.*

В XIX в. развитие российского коневодства было напрямую связано с армией. Для обеспечения конским составом армии, в том числе и кавалерии, в Военном министерстве Российской империи существовал специальный «ремонтный отдел». В обязанности этого «отдела» входило ежегодное приобретение определенного количества лошадей для замены выбывших. В основном лошади приобретались у коннозаводчиков в так называемых «культурных» районах, т.е. в центральной и западной частях России, а также в Малороссии (Украине).

После неудачной Крымской войны (1853 - 1856 гг.) ухудшение экономического положения России привело к численному сокращению в армии, в том числе и кавалерии. Это стало причиной резкого сокращения спроса на верховых лошадей со стороны ремонтных комиссий. Последовавшая за сокращением армии реформа 1861 г. по отмене крепостного права привела к тому, что в новых экономических условиях первыми стали ликвидироваться конные заводы верховых лошадей, как наименее доходной части хозяйства. С 1857 г. по 1862 г. число конных заводов верховых лошадей в России уменьшилось с 2400 до 900 [1, с. 21]. Верховое коневодство стало вытесняться не только из центральных областей России, но и из причерноморских, приазовских и донских степей, где экономически гораздо выгоднее было заниматься зерновым хозяйством, овцеводством и крупным рогатым скотоводством.

Спад в российском коннозаводстве продолжался до начала военной реформы Д.А. Милютина (1860 - 1870 гг.), которая была направлена на отмену всеобщей воинской повинности и на создание массовой армии. Уже к 70-м годам XIX в. в России начинает ощущаться нехватка лошадей для ремонта кавалерии. Перед армией встает проблема обеспечения лошаадьми должного качества. С 1879 г. был установлен «стандарт отбора лошадей в армию по росту, от 2 аршинов

и 1 вершка до 2 аршинов и 6 вершков (от 146 см до 168 см в холке)» [1, с. 23].

Проблема ремонта российской кавалерии еще более усилилась, когда 6 августа 1883 г. все кавалерийские полки получили новые штаты – по 6 эскадронов в полку (было 4), объединенных в 2 дивизиона по 3 эскадрона. Данный состав полков оставался неизменным вплоть до начала Первой мировой войны [2, с. 67]. В Государственном управлении коннозаводства уверяли, что в России найти 1000 лошадей для армейского и кавалерийского ремонта не представляет труда. На практике выяснилось, что это является серьезной проблемой.

В поисках путей выхода из сложившейся ситуации в 1894 г. Военным министерством было принято «Положение о комплектовании войск лошаадьми при приведении армии в полный состав и во время войны, в применении к калмыкам Астраханской губернии», которое оказало большое влияние на развитие калмыцкого коневодства. Согласно «Положению...», Калмыцкая степь была разделена на 8 улусных военно-конских участков, в каждом из которых производилась перепись лошадей, отбор годных из них на военные нужды, покупка и перегон на сборный пункт. В улусы регулярно приезжала кавалерийская ремонтная комиссия, собиравшая сведения о количестве годных в ремонт лошадей [НА РК. Оп. 5. Д. 1228. Л. 1]. В связи с этим в Калмыцкой степи Астраханской губернии в 1891 и 1901 гг. проводились военно-конские переписи [3, с. 83].

В 1891 г. калмыцкие коневоды продали в ремонт 5 900 голов лошадей. 5 600 голов из этого количества было продано коневодами, имевшими в табунах не менее 15 маток, то есть специально занимавшимися конеразведением [НА РК. Оп. 5. Д. 1228. Л. 2]. Так, малодербетовский нойон Ц.Д. Тундутов продал в ремонт в 1901 г. 21 лошадь, а в 1902 г. – 27 лошадей [НА РК. Оп. 2. Д. 118. Л. 63].

Усилившийся спрос на лошадей, а также предъявляемые ремонтными комиссиями стандарты отбора лошадей привели к интенсификации развития калмыцкого коннозаводства. Крупные коневоды стали организовывать на базе своих хозяйств конные заводы. Например, зайсанг Бага-Чоносова рода южной части Малодербетовского улуса Э.-У.З. Дондуков, являвшийся корреспондентом Главного управления государственного коннозаводства, устроил на 18 лет рассадник лошадей калмыцкой породы в урочище «Эмне-Нур». Сделал он это «для улучшения ими степного коневодства вообще», дополняя уже имеющихся лошадей в своем хозяйстве чистокровными жеребцами государственных коневодческих заводов. По договору Дондуков обязался уступать 2-3 летних лошадей на выбор управления по цене от 110 до 170 руб. В 90-е гг. XIX в. он продавал ежегодно по 120 лошадей [4, с. 91].

Быстро растущая цена на породистых лошадей, специально выращиваемых для комплектования кавалерийских частей русской армии, заставляла коневодов постоянно заботиться о планомерной селекции и увеличении количества продукции. Например, Д. Тундутов ежегодно продавал казне по 600 – 700 племенных жеребцов [3, с. 21]. Выгоды от продажи лошадей в ремонт были настолько большие, что калмыцкие скотоводы в 1912 г. стали бороться за открытие второго ремонтно-приемного пункта в калмыцкой степи в урочище Яшкуль. При этом конезаводчики были готовы даже понести половину расходов на содержание пункта (7-10 тыс. руб.) [НА РК. Оп. 10. Д. 10. Л. 1]. Авторитет племенного коневодства был тем более велик, что Главноуправляющим государственного коннозаводства был генерал-инспектор кавалерии Великий князь Николай Николаевич.

Например, в 1902 г. ветеринарный врач К. Красильников сообщал, что в Малодербетовском улусе коневодство можно разделить на две категории: коневодство у коннозаводчиков и коневодство у рядовых калмыков. Осматривая табуны у первых (хозяйства зайсангов Дондукова, Кармыкова и др.), он пришел к выводу, что их табуны несут на себе следы давнего и систематического улучшения, вследствие которого «лошади уже усвоили известную долю благородства в своих статях» [НА РК. Оп. 4. Д. 1274. Л. 1]. Благодаря этому некоторые калмыцкие коннозаводчики получили возможность поставлять ло-

шадей, годных не только для армейских кавалерийских ремонтов, но и для ремонта гвардейской кавалерии. Полученный приплод в возрасте 3-4 лет владельцы продавали в ремонт по более высокой цене 100 – 130 руб. за голову [НА РК. Оп. 4. Д. 1274. Л. 1 об.].

В 1908 г. в Астраханской губернии прошла выставка племенных лошадей, на которой калмыцкие коннозаводчики получили 7 золотых, 19 больших и малых серебряных, 38 бронзовых медалей и 17 похвальных листов [5, с. 45–47]. Также в целях улучшения скотоводства представителями калмыцкой элиты 4 октября 1903 г. было создано Сельскохозяйственное общество Астраханских калмыков [НА РК. Оп. 10. Д. 10. Л. 1]. Председателем общества был избран старший чиновник при Главном управлении Государственного коннозаводства А.П. Иодковский.

Таким образом, интенсивное развитие калмыцкого коневодства в конце XIX в. стало результатом проводимой в России военной реформы Д.А. Милютин и связанного с ней увеличения ремонта в кавалерию и армию. Регулярно проводимый военный ремонт стал причиной увеличения количества крупных хозяйств, занимающихся разведением лошадей в Калмыцкой степи. При этом особые требования к экстерьеру лошадей привели большинство калмыцких коннозаводчиков к селекционной работе над породами лошадей.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 9. Управление Калмыцким народом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киборт М.И., Николаева А.А. Донская порода лошадей. М., 2005. 288 с.
2. Шавенков П.В. Российская регулярная кавалерия в 1698 – 1917 гг.: справ. Нижний Новгород, 2003. 92 с.
3. Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста, 1999. 262 с.
4. Команджаев А.Н. Капиталистические тенденции развития животноводства у калмыков в конце XIX – начале XX века // Вестник института. Элиста, 1976. № 15. С. 91 – 123.
5. Отчет по 2-й Астраханской губернской выставке животноводства, ветеринарии и птицеводства, состоявшейся в сентябре месяце 1908 года. Астрахань, 1910. С. 12 – 47.

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА КАЛМЫКИИ В 1930 – 1940-х гг.

Е.Н. Бадмаева

В настоящей статье рассматриваются основные причины уменьшения поголовья скота в Калмыкии в 1920 – 1940-е гг. Автор отмечает значительный вклад калмыцкого крестьянства в дело обеспечения фронта продовольствием, мясом и лошадьми в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: экономика, животноводство, крестьяне, коллективизация, скот, Великая Отечественная война, фронт.

In the present article principal causes of reduction of a livestock of cattle in Kalmykia in 1920-1940 are considered. The author marks the considerable contribution of Kalmyk peasantry to maintenance of front with the foodstuffs, meat and horse in days of the Great Patriotic War.

Keywords: economy, stock-raising of Kalmykia, peasants, collectivization, cattle, the Great Patriotic War, front.

Калмыки испокон веков занимались скотоводством. Издревле уход за «четырьмя видами скота» – крупным рогатым скотом, овцами, лошадьми и верблюдами – был основным видом их жизнедеятельности, во многом определившим хозяйственно-культурный тип. За длительный период занятия скотоводством калмыки выработали четкие принципы организации ухода за животными, овладели методами генетического улучшения породности, научились бережно относиться к окружающей экосистеме. Постоянно меняющееся аридное пространство, почти всегда представлявшее собой ярко выраженную экстремальную среду, требовало особых форм ведения скотоводческого хозяйства, для которого более всего подходило кочевое скотоводство. Посредством данной системы хозяйства номады интегрировались в аридную экосистему, тем самым обеспечив для себя возможность выживания. Пастбищно-кочевой способ ведения скотоводческого хозяйства по мере развития последнего требовал овладения номадами новыми территориями, посягательство на которые вызывало недовольство других кочевников, что приводило к междоусобным войнам и конфликтам. Именно нехватка пастбищных угодий, как верно отмечают российские историки, была одной из причин откочевки в конце XVI – начале XVII в. значительной части калмыков из Джунгарии и западных областей Монголии на берега Волги. Климатический ареал нового места обитания калмыков был близок к природно-климатическим условиям прежнего Отечества, поскольку новые кочевья в основном располагались в полупустынной зоне. Калмыки сумели акклиматизироваться в местных условиях, старались сохранить и приумножить свое скотоводческое хозяйство. Как отмечал известный журналист А.Ф. Воейков в своей статье в журнале «Сын Отечества»: «Сухою и негодною травой несколько сот

тысяч десятин земли песчаной, почти безводной и сжигаемой солнечным зноем, калмыки прокармливают миллионы лошадей, коров, овец, верблюдов, обращают неспособную к заселению, безлесную, соленую степь в богатый конский и скотный двор для целой России» [1, с. 15].

Для царской империи калмыки представляли интерес как доблестные воины, сумевшие защитить внешние границы России на южных ее рубежах, а их скотоводческое хозяйство воспринималось как огромный «конский и скотный двор», способный в определенной мере удовлетворить потребность русской армии в лошадях и продовольствии.

После добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России скотоводство Калмыкии в разные годы развивалось с различной степенью интенсивности. В начале XIX века в распоряжении 13 тыс. калмыцких кибиток имелось 2,5 млн скота, в 1910 г. у 34 тыс. кибиток насчитывалось 931,9 тыс. гол. скота. В 1916 г. численность крупного рогатого скота в регионе составляла 291,8 тыс. гол., овец и коз – 972,5 тыс. голов. В годы Первой мировой войны скотоводческие хозяйства Калмыцкой степи подверглись военной реквизиции для нужд действующей армии. Так, например, в Большедербетовском улусе в два срока было реквизировано 33% от всего имеющегося скота. В 1917 году пришла разверстка еще на 7 тыс. гол. скота, то есть за два года почти половина скота была реквизирована [2, с. 30].

В годы гражданской войны реквизиция скота производилась для снабжения продовольствием, военных нужд Красной Армии, обеспечения питанием близлежащих промышленных городов, донских казаков; также часть скота забиралась действовавшими на территории Калмыцкой степи белогвардейскими частями и бандитскими формированиями. С болью сердца говорил государствен-

ный и партийный деятель Калмыкии довоенного времени Х. Джалыков на Первом Общекалмыцком съезде Советов о всевозможных реквизициях, обрушившихся на степное население: «То белые приходили – давай, то красные – надо, бандиты – сами реквизировали. И это продолжалось в течение нескольких лет» [3, с. 61 - 62].

Все эти реквизиционные действия негативным образом сказывались на численности скота в Калмыцкой степи. За годы первой мировой и гражданской войн, а также стихийных бедствий поголовье крупного рогатого скота к 1920 году сократилось на 68 %, овец и коз – в 7,6 раза. В связи с резким сокращением поголовья скота 15 октября 1919 года было принято решение Совнаркома России «Об охране и восстановлении калмыцкого животноводства», которое стало реализовываться только после окончания гражданской войны. В 1921 году разразившаяся засуха привела к гибели значительного поголовья скота, часть калмыцкого скота была реквизирована Советским государством для борьбы с голодом и преодоления его последствий. В 1922 году по сравнению с 1916 г. численность крупного рогатого скота сократилась на 80 %, овец и коз в 7 раз. В результате проведения новой экономической политики в целом поголовье скота в Калмыкии увеличивалось ежегодно примерно на 5 %. Численность крупного рогатого скота возросла с 94,7 тыс. гол. в 1920 г. до 274,4 тыс. гол. в 1927 г., в 1928 г. оно достигло цифры 302,3 тыс. гол. Поголовье овец увеличилось соответственно по годам с 126,9 тыс. гол. до 654,5 тыс. гол. и 819 тыс. гол. Численность лошадей увеличилась в этот период с 12 тысяч до 23 тысяч, однако конское поголовье не достигло уровня 1917 года в 101 тысячу. В 1928 – 1929 гг. огромная армия бедняцких крестьянских хозяйств вместе с середняцкими хозяйствами располагала практически одинаковым количеством скота со значительно меньшей по численности кулацкой группой хозяйств. Как отмечает К. Н. Максимов: «К началу 1928 года в зажиточных и кулацких хозяйствах находилось 48 % всего скота области (в 1926 г. – 35 %)» [4, с. 36].

Государство, взяв курс на коллективизацию сельского хозяйства, старалось экономическими мерами в виде налогового пресса задушить кулака и создать определенные условия для перехода к коллективному ведению хозяйства. В начале 1928 г. был организован и проведен переучет всех хозяйств, наличия в них скота, а также посевов. В августе 1929 г. был проведен повторный переучет скота под предлогом выявления объектов налогообложения. После выхода Постановления Калмыцкого обкома ВКП (б) и Калмоблисполкома № 73 от 16 октября 1929 года уже на следующий день начались мероприятия по выселению крупных скотоводов, имевших свыше 200 голов крупного рогатого скота, в земледельческо-скотоводческих

хозяйствах. Конфискованный скот (в пересчете на крупный рогатый скот) составил 61 623 гол., из них 14,5 % в количестве 8935 гол. (в том же пересчете) были переданы деревенской бедноте. 50 % конфискованного скота передавалась совхозам, 35 % – колхозам. В результате следующих мероприятий были раскулачены хозяйства, имевшие скот от 40 голов и выше. Из конфискованного скота на укрепление действующих и организацию трех новых совхозов было передано 82 990 овец, 2797 коров, 760 волов, 183 лошади, 176 верблюдов, колхозы получили 335 лошадей, 395 верблюдов, 720 волов, 4209 голов крупного рогатого скота [НА РК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 319. Л. 10-11; Р-3. Оп.10с. Д. 157. Л. 33.].

Государство наращивало госзаготовки сельскохозяйственной продукции для проведения индустриализации страны, в этом оно возлагало большие надежды на коллективные хозяйства и совхозы. Однако колхозы и совхозы не стали основными производителями и поставщиками государству сельхозпродуктов, в том числе мяса, доля крестьянских хозяйств в этом процессе составляла 70 %. Крестьяне неохотно шли в колхозы, предпочитая вести индивидуальное хозяйство или уезжать в города. Своеобразным видом протеста против принудительного обобществления и непомерных заданий по заготовке мяса и хлеба явились уничтожение скота, посевов, сельхозинвентаря. В течение зимы-весны 1930 г., как отмечает К.Н. Максимов, поголовье скота в Калмыкии сократилось на 30 - 35 % (приблизительно с 780 575 гол. до 530 790 гол., т.е. на 249 785 гол., в том числе около 100 тыс. гол. скота, павших от бескормицы зимой 1930 - 1931 гг.) В сравнении с 1928 г. поголовье скота к началу 1930 г. в области уменьшилось в 1,6 раза [4, с. 56].

Несмотря на сильнейшую засуху летом 1930 г., зуд и падеж скота, Калмыцкая область не освоилась от мясозаготовок. Ей было установлено плановое задание сдачи мяса государству в октябре-декабре 1930 г. в виде 25 тыс. гол. КРС, 35 тыс. гол. овец, а всего в убойном весе – 4110 т. [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 364а. Л. 169; Д. 3. Л. 12, 41, 64, 167; Д. 5. Л. 235 - 237]. План по сдаче государству по КРС и овцам был провален: к 20 января 1931 г. выполнен соответственно на 41 % и 25,1 %.

В 1931 г. Калмыцкая область ценой неимоверных усилий и репрессий перевыполнила план мясозаготовки, сдала государству 164 504 ц мяса, вместо плановых 158 329 ц. Калмыкия сдала на мясо 193 703 гол. скота, в том числе 53 389 голов КРС, 140 314 овец, а также 500 свиней или 32 % от общего количества поголовья скота [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 41, 64, 167]. Мясозаготовки производились в основном за счет конфискованного скота у кулаков и зажиточных хозяев, изъятия в принудительном порядке у колхозов и совхозов обобществленного скота.

Насильственная коллективизация, массовые репрессии против кулачества и зажиточной части крестьянства привели к сокращению поголовья скота в целом по стране. Несмотря на неэффективность колхозно-совхозного производства, государство продолжило политику принудительного обобществления скота. В Калмыкии к концу 1931 г. в 15 животноводческих совхозах находились уже 30 % всего крупного рогатого скота и 43 % овец, а в колхозах – до 47,1 % всего скота [5, с. 368].

В результате применения жестких мер по выполнению плана заготовок хлеба и мяса, безрассудной политики «очищения закровов крестьянства» без оставления семенного фонда, принудительной экспроприации скота, в стране с весны 1933 г. начался массовый голод, охвативший значительную территорию с населением не менее 50 млн человек. Только совхозы области с 1929 по 1933 гг. сдали государству 36 065 голов [НА РК. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 178. Л. 21; Д. 179. Л. 21, 24, 77, 93, 179]. На сегодняшний день представляется очевидным, что голод 1932 – 1933 гг. явился последствием репрессивной политики советской власти в деревне, хлебо- и мясозаготовительных кампаний, проведенных насильственными методами продразверстки.

Напряженные планы сдачи государству мяса серьезно тормозили воспроизводство скота в хозяйствах области. В частности, в животноводческих совхозах поголовье скота в середине 1934 г. по сравнению с 1929 г., когда они организовывались в Калмыкии, сократилось на 3,8 %. Если в 1929 г. поголовье скота по совхозам КАО составляло 49 396 гол., то к середине 1934 г. оно уменьшилось до 47 543 голов. Однако к 1935 г. в результате жесткой политики в отношении крестьянства удалось несколько стабилизировать общее поголовье скота в области. Оно достигло цифры в 942 700 гол., но по сравнению с поголовьем 1928 года, накануне коллективизации, составляло лишь 76,1 %. Численность скота в крестьянских единоличных хозяйствах сократилась до 18,3 % от общего количества в области. В социалистическом секторе было сосредоточено 54 % КРС и 94 % овец [6, с. 138, 143].

Сплошная коллективизация крестьянских хозяйств, проведенная насильственным методом, нанесла огромный урон сельскому хозяйству страны. Крестьяне не поддерживали коллективизацию, выразив свое отношение к ней, в частности, массовым забоем и распродажей скота. В конце 30-х годов сократилось производство мяса и молока, так как снизилась численность скота. К началу 1941 г. животноводство страны по численности скота не достигло уровня 1928 года.

Исторический опыт сталинской коллективизации, принудительное вовлечение крестьян в новые формы организации сельскохозяйственного производства не дали ожидаемого «реформаторами» ре-

зультата. Вместо высоких урожаев, необходимых государству для решения задач индустриализации страны, роста поголовья скота, резкого рывка сельского хозяйства наступил глубокий экономический кризис отрасли. Такова была цена за форсированную индустриальную модернизацию страны, проводимую с помощью административно-репрессивного ресурса. Необходимость проведения модернизации страны любой ценой, даже ценой смерти миллионов людей, диктовалась идеей ускоренной подготовки страны к неминуемой войне с империалистическим окружением. Крестьянство оказалось заложником этой идеи, было отдано на закланье. Сотни тысяч людей оказались изгоями в своей стране, миллионы граждан были обречены на гибель и лишения. По мнению сталинского руководства, «издержки» коллективизации были оправданы, поскольку благодаря ей была проведена индустриализация и перевооружение армии, страна подготовилась к войне. Об этом говорил в своих беседах с писателем Ф. Чуевым В. Молотов, связывавший необходимость проведения коллективизации и угрозу войны с фашизмом: «Откладывать нельзя было, фашизм начинался. Нельзя было опаздывать. Опасность войны уже была» [7, с. 458].

Некоторые современные историки неправомерно отводят решающую роль сталинской коллективизации в трансформации России из страны крестьянской в страну индустриальную, возвеличивают роль Сталина в Победе в Великой Отечественной войне. Весь ход и результаты насильственной коллективизации как раз говорят об обратном. Из-за малого формата статьи мы не будем подробно останавливаться на данной проблеме. Не умаляя роли Сталина во второй мировой войне, считаем важным подчеркнуть, что главным кузнецом Победы был вне сомнения советский многонациональный народ, героически воевавший на фронтах войны, в партизанских отрядах и самоотверженно трудившийся в тылу на необъятных просторах родного Отечества. Десятки тысяч граждан Калмыкии с оружием в руках воевали против ненавистного врага. Республика к началу войны заметно увеличила свой экономический потенциал главным образом за счет развития основной отрасли народного хозяйства – животноводства. К июню 1941 года поголовье общественного скота республики составило 1 527 377 гол., кроме того, крестьянские хозяйства имели в личной собственности 210 500 гол. скота [8, с. 448]. Таким образом, общее поголовье скота всех хозяйств Калмыкии к середине 1941 г. составляло 1 738 367 (2,54 % общего поголовья, имевшегося в РСФСР), в том числе: КРС – 291 355, мелкого – 1 360 072, лошадей – 62 042, свиней – 19 146, верблюдов – 5752 гол. [9, с. 66].

Немалые трудности в первые годы войны пережила животноводческая отрасль. К началу октября 1941 г. население республики постави-

ло государству 64 896 ц. мяса (в убойном весе), или 93,8 % годового плана. К концу года план мясопоставок был выполнен на 100,1 %. В 1942 г. Калмыкии предстояло сдать мяса по плану в 1,73 раза больше, т.е. 119 717 ц, а с учетом сданного – 92 259 ц [9, с. 453]. В первые месяцы войны крестьянство республики поставило в фонд обороны страны 20 тыс. лошадей, более 1 тыс. повозок, 800 автомашин, сотни тракторов, направило бойцам Красной Армии большое количество теплых вещей, произведенных из сельхозсырья [10, с. 5].

Некоторое увеличение поголовья скота в начале войны было связано с его эвакуацией из оккупированных и прифронтовых районов СССР: Ростовской, Ворошиловградской, Сталинградской областей, Орджоникидзевского и Краснодарского краев. В результате оккупации ряда районов республики фашистскими захватчиками животноводству Калмыкии был нанесен значительный ущерб. В целом сократилось поголовье скота и производство животноводческой продукции. Больше всего за годы войны уменьшилось конское поголовье (почти на 60 %), вследствие не только отправки его на фронт, но и гибели от истощения.

26 июля 1941 г. СНК КАССР и ОК ВКП (б) приняли постановление об эвакуации скота республики с переправой через Волгу в глубь страны. Быстрое продвижение немецких войск по территории Калмыкии привело к тому, что 670 тыс. голов было захвачено врагом. Во время переезда в пути погибло более 60 тыс. голов скота. В итоге было переправлено через Волгу 378 118 голов скота [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1238. Л. 30; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 74]. За годы Великой Отечественной войны Калмыцкая АССР потеряла до 90 % поголовья скота.

Несмотря на очевидное тяжелое положение калмыцкого крестьянства в 1941 – 1942 гг., оно внесло посильный вклад по обеспечению фронта необходимым продовольствием и сырьем, а также поставкой лошадей и мяса. Калмыцкое животноводство, испытывавшее немалые трудности в своем историческом развитии, в особенности в советский период, в годы Великой Отечественной войны выдержало серьезные испытания на жизнеспособность.

Российское крестьянство в целом вынесло на своих плечах непомерную тяжесть войны, оно потеряло миллионы сельских тружеников, страшной ценой заплатило за великую Победу, что выразилось не только в сокращении численности поголовья скота, но и в утере многовековых традиций ведения животноводства.

XX век оказался наиболее разрушительным для российского крестьянства и села. Гражданская война, проведение политики «военного коммунизма» с продразверсткой, затем коллек-

тивизация со свирепым раскулачиванием, Великая Отечественная война с опустошительным разорением, различного рода эксперименты с послевоенной деревней, поставили под угрозу продовольственную безопасность страны. Только в последнее время российское государство стало серьезно обращать внимание на развитие села и сельскохозяйственного производства. Правительство Российской Федерации, к примеру, планирует довести к 2012 году производство мяса до 11,4 млн тонн в живом весе. Важная роль в увеличении производства мяса отводится регионам страны. В Республике Калмыкия осуществляется реализация республиканской целевой программы «Возрождение традиционного пастбищного животноводства». Программа направлена на возрождение и дальнейшее развитие калмыцкой породы сельскохозяйственных животных: крупного рогатого скота, лошадей, курдючных овец и верблюдов. РЦП направлена также на создание условий для экологической реабилитации территории Калмыкии, сохранение земельных ресурсов как основы жизни и экономической деятельности населения. Вместе с рядом других российских регионов республика входит в так называемый «мясной пояс страны», который должен обеспечить увеличение мясного производства и продовольственную безопасность России.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. П-1; Р-3; Р-131.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бембеев В.Ш. История Калмыкии с древнейших времен до XX века. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987.
2. Бадмаева Е.Н. Калмыкия в начале 20-х годов: голод и преодоление его последствий / отв. ред. Г.Ш. Дорджиева. Элиста, 2006.
3. Протоколы Первого Общекалмыцкого съезда Советов. Элиста, 1971.
4. Максимов К.Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918 – 1940-е годы. М.: Наука, 2004.
5. Российский статистический ежегодник: стат. сб. Госкомстат России. М., 1995.
6. Оглаев Ю.О. Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917 – 1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987.
7. Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2003.
8. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 2. Элиста: Герел, 2009.
9. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007.
10. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: документы и материалы. 2-е изд. перераб. и доп. Элиста, 1985.

ФИЛОЛОГИЯ

ББК 81.2-3

**КОНЦЕПТ «ДЭН/ВОЙНА» В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(на материале песен периода Великой Отечественной войны)****Э.У. Омакаева**

*Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта
(грант № 08-04-00449а), финансируемого РГНФ*

Статья посвящена проблеме лингвокультурологического изучения концепта «дэн/война» в зеркале калмыцкого песенного фольклора времен Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *концепт, Великая Отечественная война, песни, фольклор, язык, культура.*

The article is devoted to a problem of linguacultural study of the concept “dyan/voina” in the mirror of Kalmyk song folklore of times of the Great Patriotic War.

Keywords: *concept, the Great Patriotic War, songs, folklore, language, culture.*

Песня любого народа – это своеобразный код, с помощью которого народ открывает себя, сохраняет свою самобытность, осмысляет ход истории [1]. Песни о Великой Отечественной войне являются органичной частью песенной культуры калмыцкого народа. В калмыцкой военной песне, в ее лексике закодирован характер калмыка, отражена душа народа.

Войны для древних кочевников были необходимой частью их существования, поэтому и культурно-нравственные проявления этого феномена, безусловно, оставили след в калмыцкой культуре. Богатый военный опыт традиционно находил и продолжает находить свое отражение в национальной ментальности.

В военное время, по мнению классика психоанализа З. Фрейда, мощная сила инстинктов превалирует. Фрейд предполагает, «что войны никогда не прекратятся, пока нации живут в настолько различающихся условиях, пока цена человеческой жизни так различно определяется в каждой нации и пока враждебность, которая их разделяет, указывает на мощную силу инстинктов в психике». Поэтому война несет в себе не только разрушение материальных предметов (зданий и т.п.), но и насилие, ломая и калеча судьбы людей. Война выявляет в человеке такие нравственные качества, как доблесть, мужество, отвага, милосердие. Война – это одновременно и экстремальная ситуация нравственного выбора, которая высвечивает высоты человеческого духа или низость души.

Война и все ее ключевые моменты относятся к важнейшим событиям в жизни человека и человечества. Этот феномен имеет множественную номинацию в языке, однако в лингвокультурном плане изучен еще недостаточно. Несмотря на принципиальное сходство в понимании войны представителями разных культур, имеется и этнокультурное своеобразие осмысления данного концепта.

Сегодня очень важно уяснить сущность концепта войны, давая не только верную историческую, правовую (юридическую) оценку военным событиям, но и тонко описывая психологические нюансы, связанные с данным концептом. В русской и калмыцкой лингвокультурах концепт «война» является одним из ключевых, что объясняется историческим ходом становления и развития Российского государства и калмыцкой государственности. История двух народов сложилась таким образом, что едва ли не на каждое поколение приходилась война, поэтому и военная лексика составляет огромный пласт русского и калмыцкого языков. К военной лексике относятся прежде всего все слова и сочетания, обозначающие военные понятия, т. е. понятия, непосредственно связанные с вооруженными силами, военным делом, войной и т. д. Калмыцкая военная терминология представляет собой терминологическую систему, отличающуюся от военных терминосистем других языков (русского и др.) рядом особенностей, обусловленных, с одной стороны, своеобразием словарного состава калмыцкого языка, а с другой – экстралингвистическими факторами.

Концепт «дэн/война» представляет собой сложно организованный макро-, или гиперконцепт, образующий концептосферу, в составе которой выделяется система взаимосвязанных и взаимообусловленных микроконцептов, проявляющаяся в различных типах дискурса.

Проблема «язык и фольклор» очевидным образом имеет две стороны и может быть предметом как собственно лингвистики (лингвистики текста), так и нового направления филологической науки – лингвофольклористики, которая находится на стыке двух дисциплин – языкознания и фольклористики – и успешно развивается в настоящее время в различных регионах России, в частности в Курске, Петрозаводске, Якутии и др. В Калмыкии складывается своя

научная школа, избравшая своим предметом язык фольклора монгольских народов.

Но если фольклориста язык интересует как один из культурных кодов, как средство создания фольклорных образов и поэтики текста, то лингвист преследует цель выявить, что в самом языке фольклора, т.е. в его семантике, синтаксисе, словообразовании, словаре, обусловлено культурой. Постановка такой задачи стала возможной лишь сегодня, когда традиционная область этнографических и фольклорных явлений, созданных в конкретную историческую эпоху и представляющих устную культурную традицию, может быть по-новому осмыслена и даже существенно пересмотрена через призму языка.

Изучение языковых особенностей калмыцкого песенного фольклора продуктивно в рамках обоих вышеуказанных направлений. Однако лингвистическое изучение военных песен значительно отстает от их собственно фольклористического и музыковедческого осмысления. Достаточно сказать, что нет ни одной монографии, посвященной языку калмыцкого песенного жанра. Между тем вряд ли можно говорить о целостном анализе песенного творчества калмыков, как и всего калмыцкого фольклора, о его жанровой специфике без учета языковых особенностей, поскольку идейно-образное содержание традиционного фольклора, включая военный, реализуется прежде всего в его языке, представляющем собой особую систему, имеющую очень сложный генезис.

Древность происхождения устного народного творчества – это одна из главных причин изучения своеобразия языка песен. Народная песня как сокровищница «живой» речи свидетельствует о культурной специфике и национальной самобытности языка фольклора. Песня в своем реальном бытовании всегда есть речевой акт, высказывание.

Основными признаками лексико-синтаксической и смысловой структуры песенного текста, как и текста вообще, являются целостность и связность, что обеспечивается различными текстовыми категориями, остающиеся пока неизученными в калмыцкой лингвистике текста.

Единство темы – признак целостности текста. На лексическом уровне важно проследить тематическое единство ключевых слов. Слова в песне объединены в замкнутые тематические группы, составляющие характерные семантические поля. Классификация слов по тематическим группам осуществляется на основании общности семы или нескольких сем, входящих в значение слов. Важным является выявление семантической структуры песенного слова, семантических категорий словаря языка народных песен как инструмента адекватного понимания фольклорного текста. Выявление определенных тематических классов и лексико-семантических групп песенной лексики позволяет создать целостное представление о военной культуре калмыков.

Песенный лексикон принципиально двуслоен: один слой составляет ограниченная в количественном отношении совокупность констант, т.е. опорных, ключевых слов, устойчивых словосочетаний, структурных моделей, имеющих текстообразующую функцию, второй слой – это все остальные слова, встречающиеся в песне. Опорные, ключевые слова являются координатными точками песенного текста.

Интерес представляют и некоторые другие параметры семантической связности текста военной песни. Значимой текстовой категорией, составляющей важнейший компонент смысловой структуры текста, мы считаем имплицитность. В широком смысле – это пресуппозиция, фоновые знания.

К фоновым мы относим такие знания социокультурного характера, которые известны и автору, и получателю текста. Общность информации определяется принадлежностью к одному этноязыковому коллективу со свойственной ему картиной мира. Носителями фоновой информации выступают имена собственные (антропонимы, топонимы и т.д.), этнографические термины и др.

Характерной особенностью калмыцких военных песен является то, что их названия представляют, в основном, антропонимы: «Түмдэн Тээхэ» [2], «Ээт майор», «Эрднин Боова», «Муучкан Бевүш», «Шаакуһа Көгдэ» и др.

Герои этих песен, когда началась война, добровольно ушли на фронт, откуда многие из них не вернулись. В песнях военного времени в наибольшей степени ощущается, с одной стороны, полнота бытия, а с другой – трагичность происходящего в связи с прерыванием нормального хода жизни и расставанием с домом, родными и близкими. Поэтому «мотив грусти в цикле военных песен является типичным» [3].

Фронтальная жизнь полна трудностей и опасностей, но настоящий солдат преодолевает все препятствия, тяготы солдатского быта. В этих песнях отражены и суровая школа жизни калмыцкого народа, и лирические моменты, и ценности жизни. Судьба воина, солдата неопределенна: вернется ли он живым с войны. В текстах военных песен воплощены мысли и думы, чувства и мироощущение калмыков того времени.

Народная песня как жанр обладает рядом специфических черт. Наиболее релевантными признаками являются прагматическая направленность, магико-поэтическая природа. В песне сила эстетического воздействия устного текста сконцентрирована в самом исполнителе и незримо передается аудитории, слушателям: певец своим собственным настроением, вдохновением побуждает слушателей к ответной реакции, настраивая их на нужный лад.

Пение, как и слово, обладает сакральной силой во многих народных культурах. В коллекции ойратских рукописей архива КИГИ РАН представлены сочинения, связанные с военной магией. Например,

в рукописи «Sikiy nertei bicig» (Ф. 15, Оп. 3, Ед. хр. 290) приводятся заклинания воинского оружия.

Исполнение песни в неурочное время, «не в срок» (цаг биш цагла, как говорят калмыки) может иметь негативные последствия. У монгольских народов есть пословица: Жаргалтай боловч орондоо буу дуул /Зовлонтой боловч орондоо буу уйл (монг.) (Не пой лежа в кровати, даже если счастлив, Не плачь в постели, даже если горе).

Национальное своеобразие калмыцких военных песен выражается посредством особым образом структурированной системы языковых средств, символов, персонажей, семантических пространств. Именно эти особенности предопределили специфику языковой организации одного из популярных жанров калмыцкого фольклора. Следует также отметить, что параллельно с исконной лексикой в песне всегда присутствует и заимствованная, которая, в свою очередь, дает обширный материал для исследования культурных влияний народов, имевших тес-

ные контакты с калмыками, – прежде всего русско-го, тюркских этносов и народов Северного Кавказа.

Весьма перспективным в связи с этим представляется создание этнолингвистического словаря «Калмыцкая лексика военного дела» на основе военной песенной традиции в общемонгольской перспективе на фоне других фольклорных жанров, направленного не только на толкование значения того или иного слова, но и на раскрытие семантики лексем, выполняющих в тексте культурные функции (символические, ритуальные).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земцовский И.И. Песня как исторический феномен // Народная песня. Проблемы изучения: сб. науч. тр. Л., 1983.
2. Сто калмыцких народных песен / сост. Л.Ц. Цебиков. Элиста, 1991.
3. Биткеев Н.Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста, 2005. С. 123.

ББК 81.2-3

ВОЕННОЕ ПРОШЛОЕ КАЛМЫКОВ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН (по материалам коллекции А.Л. Ушанова)

Н.Б. Бадгаев

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-04-00449а)

Статья построена на полевых материалах автора, полученных в работе с информантами, и посвящена актуальной проблеме исследования феномена военной песни у калмыков.

Ключевые слова: война, калмыки, исторические песни, сражение.

The article is based on field materials of the author and devoted to actual problem of investigation of Kalmyk war songs.

Keywords: war, the Kalmyks, historic songs, battle.

Все значительные события, происходившие в жизни калмыцкого народа, конкретные факты исторического прошлого (участие в русско-турецкой войне 1877 – 78 гг., русско-японской 1904 – 1905 гг., Первой мировой и др.) находили отражение в музыкальном фольклоре, вокально-инструментальной музыке, в первую очередь – в песенном творчестве.

Особенно популярны были военные песни. Благодаря стараниям собирателей, знатоков и ценителей калмыцких исторических песен, в частности Адьяна Лиджиновича Ушанова [1], до нас дошли голоса отважных воинов, многие из которых навсегда остались на полях далекой Маньчжурии, в горах Закавказья, на Балканах, в Германии, Австрии, Венгрии. В распространении любого вокального произведения огромное значение имеет органическое сочетание поэтического текста и его музыкального воплощения.

Война всегда приносила калмыцкому народу, как и любому другому, горе, поэтому песни о войне проникнуты глубокой печалью, тревогой, протестом против насилия.

Калмыки участвовали в русско-турецких войнах 1677 – 1681 и 1686 – 1700 гг. [2]. Русско-турецкая война 1877 – 78 гг. была вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканах и обострением международных противоречий. В результате этой войны были освобождены от турецкого ига северо-западный Кавказ, юго-западная Грузия, северная часть турецкой Армении, черноморское побережье Кавказа, Южная Украина, Крым, Бессарабия. Донские кавалерийские казачьи части принимали активное участие в сражениях, действуя на Кавказском фронте. В этих частях служило немало калмыцких всадников.

в рукописи «Sikiy nertei bicig» (Ф. 15, Оп. 3, Ед. хр. 290) приводятся заклинания воинского оружия.

Исполнение песни в неурочное время, «не в срок» (цаг биш цагла, как говорят калмыки) может иметь негативные последствия. У монгольских народов есть пословица: Жаргалтай боловч орондоо буу дуул /Зовлонтой боловч орондоо буу уйл (монг.) (Не пой лежа в кровати, даже если счастлив, Не плачь в постели, даже если горе).

Национальное своеобразие калмыцких военных песен выражается посредством особым образом структурированной системы языковых средств, символов, персонажей, семантических пространств. Именно эти особенности предопределили специфику языковой организации одного из популярных жанров калмыцкого фольклора. Следует также отметить, что параллельно с исконной лексикой в песне всегда присутствует и заимствованная, которая, в свою очередь, дает обширный материал для исследования культурных влияний народов, имевших тес-

ные контакты с калмыками, – прежде всего русско-го, тюркских этносов и народов Северного Кавказа.

Весьма перспективным в связи с этим представляется создание этнолингвистического словаря «Калмыцкая лексика военного дела» на основе военной песенной традиции в общемонгольской перспективе на фоне других фольклорных жанров, направленного не только на толкование значения того или иного слова, но и на раскрытие семантики лексем, выполняющих в тексте культурные функции (символические, ритуальные).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земцовский И.И. Песня как исторический феномен // Народная песня. Проблемы изучения: сб. науч. тр. Л., 1983.
2. Сто калмыцких народных песен / сост. Л.Ц. Цебиков. Элиста, 1991.
3. Биткеев Н.Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста, 2005. С. 123.

ББК 81.2-3

ВОЕННОЕ ПРОШЛОЕ КАЛМЫКОВ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН (по материалам коллекции А.Л. Ушанова)

Н.Б. Бадгаев

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-04-00449а)

Статья построена на полевых материалах автора, полученных в работе с информантами, и посвящена актуальной проблеме исследования феномена военной песни у калмыков.

Ключевые слова: война, калмыки, исторические песни, сражение.

The article is based on field materials of the author and devoted to actual problem of investigation of Kalmyk war songs.

Keywords: war, the Kalmyks, historic songs, battle.

Все значительные события, происходившие в жизни калмыцкого народа, конкретные факты исторического прошлого (участие в русско-турецкой войне 1877 – 78 гг., русско-японской 1904 – 1905 гг., Первой мировой и др.) находили отражение в музыкальном фольклоре, вокально-инструментальной музыке, в первую очередь – в песенном творчестве.

Особенно популярны были военные песни. Благодаря стараниям собирателей, знатоков и ценителей калмыцких исторических песен, в частности Адьяна Лиджиновича Ушанова [1], до нас дошли голоса отважных воинов, многие из которых навсегда остались на полях далекой Маньчжурии, в горах Закавказья, на Балканах, в Германии, Австрии, Венгрии. В распространении любого вокального произведения огромное значение имеет органическое сочетание поэтического текста и его музыкального воплощения.

Война всегда приносила калмыцкому народу, как и любому другому, горе, поэтому песни о войне проникнуты глубокой печалью, тревогой, протестом против насилия.

Калмыки участвовали в русско-турецких войнах 1677 – 1681 и 1686 – 1700 гг. [2]. Русско-турецкая война 1877 – 78 гг. была вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканах и обострением международных противоречий. В результате этой войны были освобождены от турецкого ига северо-западный Кавказ, юго-западная Грузия, северная часть турецкой Армении, черноморское побережье Кавказа, Южная Украина, Крым, Бессарабия. Донские кавалерийские казачьи части принимали активное участие в сражениях, действуя на Кавказском фронте. В этих частях служило немало калмыцких всадников.

К народной песне, повествующей об участии калмыков в русско-турецкой войне, А.Л. Ушанов приводит комментарий.

Два калмыка из станицы Власовской – разведчики Чокур Долгинов и Ольда Куберлинов – за боевые заслуги были награждены золотыми медалями. Как-то Долгинова и Куберлинова в очередной раз послали на разведку. Донские казацкие войска дислоцировались в это время около Еревана. Разведчики благополучно доехали до незнакомого армянского селения. На первый взгляд, селение выглядело безлюдным. Создавалось впечатление, что жители покинули дома: не дымились печные трубы, не слышно было привычного лая собак, глубокая тишина стояла на безлюдных улицах селения. Казаки проскакали быстрой рысью по одной из улиц и вновь выехали на окраину деревни, которая по-прежнему казалась необитаемой. Однако Ольду Куберлинова что-то тревожило, будто сердце ему подсказывало об опасности, притаившейся в этом безмолвном селении. Олда предложил своему фронтовому другу покинуть село. Чокур согласился, но предварительно решил обследовать хотя бы один из крайних домов. Несмотря на настойчивые отговоры, Чокур решительно шагнул в дверь ближайшего дома. Внутри было так же тихо, просторные комнаты имели нежилой вид. Чокур уже собирался уходить, когда внезапно из-за огромной печи раздался выстрел, поразивший разведчика в грудь. Тяжело раненный, Чокур все же нашел в себе силы выбежать из дома. Побледневший от волнения Олда Куберлинов быстро посадил окровавленного друга на лошадь и погнал скакунов что есть силы прочь от ужасного места. Благополучно уйдя от турецкой погони, разведчики прибыли в свою войсковую часть. Через несколько часов Чокур умер. Этот рассказ и калмыцкую песню того времени А.Л. Ушанов слышал лично от участника русско-турецкой войны Куберлинова Ольды, которому в 1916 году исполнилось 85 лет.

Приведем текст песни с переводом.

Туула жилин төлмүдн
Туркин дээндн мордлавидн.
Туркин дээндн мордвчн,
Тууһад чавчад авлавидн,
Дөнн бор мөрдүдчн
Дөлвн ишксн йовдлта.
Дөрвн жилэ дээсчнь,
Дөрвкн сарар болзия!

Эвнр гидг һазртнь
Эргн бэж дээлдэвидн.
Эргүләд көөһэд туувдн,
Эрвн гидг гоордн мана болж одв.

Ранней весной года Зайца
Мы отправились на войну с турками.
Участвуя в войне с турками,
Мы рубились, не щадя сил,
Наши четырехлетние серые лошади
Везут нас спокойным шагом.
Закончилась бы четырехлетняя
Эта война за четыре месяца!

Возле города Еревана
Мы вели военные действия.
Со всех сторон мы пошли в атаку
На город – и он стал нашим.

Если русско-турецкая война была вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканах, и Россия в этой войне оказала помощь народам Балканского полуострова и Закавказья, то русско-японская война 1904–1905 гг. носила иной характер, начавшись в обстановке усилившейся борьбы империалистических держав за раздел полуфеодалных Китая и Кореи, она была захватнической, несправедливой с обеих сторон. Эта война была чужда интересам простых людей и принесла народам России ухудшение материального положения, рост налогов и цен. Дальневосточная авантюра царизма, приведшая к тяжелым поражениям, сопровождавшимся большими жертвами, вызвала недовольство простого народа.

В калмыцкой народной песне того периода, записанной А.Л. Ушановым, отчетливо выражен протест против социального угнетения. К сожалению, собиратель записал только два куплета песни. Но даже из них понятно, что калмыки, воевавшие в Маньчжурии, недовольны войной, как и русские солдаты и матросы.

Эгц сүүлтэ хар мөрдүд
Харбина уульңар секшн хатрулад,
Хар толһата хальмг хазгуд
Харбина уульңдн сөрглдн бэж чавчдад.

Харңу хар хальмгуд
Хаана йосндн меклгдэд йовувидн.
Хальмг харңу төләдн
Харслтан дээндн халсн болनावидн.

Лошади черной масти с прямыми хвостами
На рысях проходят по улицам Харбина.
Черноголовые калмыки-казаки
На улицах Харбина воюют с противником.

Темные, невежественные калмыки,
Обманом нас отправил царь на войну.
Из-за своего невежества
Вовлечены мы в эту войну.

Три песни, датируемые 1910 годом, пронизаны протестом против старых обычаев, часто ломавших жизнь людей. В них звучат жалобы на горькую жизнь, бедность, на унижение человеческого достоинства. Наиболее выразительна в этом отношении песня о молодом казаке, вступившем в конфликт со служителем религии – гелюнгом. Юноша хочет жениться на любимой девушке, но гелюнг запрещает молодым людям соединить судьбы, ссылаясь на харш (дисгармонию), неудачное расположение их звезд в гороскопе. Юноша тем не менее хочет жениться на любимой девушке.

Гедгр керихэн унад харлав.
Гелнґд шалһан үзүллэв.
Гелнґин зурхаднь шалһан үзүлхнь
Герлтэ болш уга, харш гинэ.

Күүкн, керихэн унад харлав.
Күүкн, чамдан күрхэр ядлав.
Күүкн, чамдан күрхэр ядучн,
Күчн бишэр авчл болш угал.
Адуна толһачнь керсу бэрнэ.
Отказан өгчкэд, харчич - хэржич.
Хойр улан-кер мөрнь чигн
Хашуна хол күргж удшнал.
Дучья, бичья, бичгэн яахв?
Донскинт ламин закаһин яахмб?
Ой, участкла һазринь уудьмшта
болна.
Ой, уудьмшта болчкад,
уняртадл бээнэлэ.

Выехал я, оседлав гнедого,
Гелюнгу пригрозил шашкой.
Когда я пригрозил шашкой,
Он сказал, что счастья не будет.
Любимая, выехал я, оседлав гнедого.
Любимая, к тебе не смог доехать.
Любимая, хотя к тебе не смог доехать,
Только с помощью силы могу устроить
наше счастье.
Старший табунщик, очень
проницательный,
Отказав мне, ушел домой.

Две красно-гнедые лошади
Довезли до Хашун-речки.
Дучья, что мне делать с моим письмом?
Как миновать законы донского ламы?
Ой, просторы широки,
Так обширны, что теряются вдали.

В калмыцких песнях 1910 года звучит тема социального неравенства: калмыцкое общество в эти годы тоже захлестнула волна нарастающей по всей России классовой борьбы – сказалось

влияние революции 1905 – 07 гг. Революционные настроения охватили не только Россию, но и многие страны Европы. Развязанная империалистами первая мировая война 1914 – 1918 гг. явилась средством для разрешения не только внешних, но и внутренних противоречий. По своему характеру эта война была захватнической и несправедливой как со стороны стран Антанты, так и со стороны Австро-Германского блока.

Калмыцкие воины сложили немало песен про первую мировую войну. Одна из них сочинена, по всей видимости, юношами-коноводами, воевавшими в казачьих кавалерийских войсках. Ухаживая за верховыми лошадьми, обучаясь искусству шашечного боя, молодые казаки-калмыки подвергались жестокой муштре, экзекуциям. Эта песня – своеобразная жалоба молодого казака-инородца на горькую участь. Не по душе казакам несправедливость, жестокость, царившая в армии, не по душе и война, на которую их загнали насильно, разлучив с родными.

Арвн дөрвдгч жилднь
Австрин дээнднь мордлавидн.
Австрия дээнднь мордвчн.
Австрин дээнднь мордвчн.
Аав-ээж сангдна.

Улан ората конюшниктнь
Унаһин мөрдэн асрунавидн.
Унаһин мөрдэн асрувчн,
Урдк аххран саныя.

Цаһан ората конюшниктнь
Цацу хамгнь цуглрнал.
Цацу хамгнь цуглручнь
Цагин эркэр цуглрнал.

Шара харһа двораснь
Шаргад зерглэд морднавидн.
Шаргад зерглэд мордвчн,
Шашкин сурһулян сурнавидн.
Зурһан төгэтэ курьерск машин
Зовлнта һазртнь күргнэл.
Зовлнта һазртнь күргвчн,
Зуурдан сөммлэн харһнавидн.

Бюргр нүдтэ Доржинов-урядник
Бурад, хээкрэд командлнал.
Баахн наста хальмг хазгуд
Болһаж йовх кергтэ.

В четырнадцатом году
Мы отправились на австрийскую войну.
На этой австрийской войне
Мы все время вспоминали родителей.

В конюшне с красной крышей
Мы ухаживали за верховыми лошадьми.
Ухаживая за верховыми лошадьми,
Мы наших старших братьев вспоминали.

В конюшне с белой крышей
Собираются наши сверстники.
Хоть и собираются вместе наши сверстники,
Но только в редкие свободные часы.

Из дворов с сосновыми заборами
С шумом парами мы выезжали скакать
И учиться искусству шашечного боя.

Курьерская машина на шести колесах
Везет нас к месту наказания.
По дороге к этому месту
Нас бьют шомполами.

Урядник Доржинов с прищуренными глазами,
С криком, контролируя всех, командует.
Молодые калмыки-казаки
Должны вести себя осторожно.

Военные песни являются органичной частью песенной культуры калмыцкого народа. В этих песнях отражены и суровая школа жизни калмыцкого народа, и лирические моменты, и ценности жизни. В текстах песен воплощены мысли и думы, чувства и мироощущение калмыков того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадгаев Н.Б. Свидетельства давно минувших дней // Тегин герл. 1989. № 1. С. 101–103.
2. Басхаев А.Н. Участие калмыков в русско-турецких войнах второй половины XVII века // Вестник КИГИ РАН. 2008. № 1. С. 16–21.

ББК 85.314

ТӨРСКЭН ХАРСГЧ АЛДР ДЭЭНД НЕРЭДСН ДУУДЫН ТУСКАР

Б.Х. Борлыкова

Статья посвящена калмыцким песням о Великой Отечественной войне: дается история их создания и краткий музыковедческий анализ.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, музыка, песня, марш.*

The present article is devoted to description of the Kalmyk songs about the Second World War. Their history and brief analysis of the melody can be found in the article.

Keywords: *the Second World War, music, song, march.*

Хальмг амн зокъялын нег кеермжнь – дун. Хальмг улс дуунд дурта болн хару. Дун күүнэ жирһлэ бат залһлдата болсар «жирһлин жирн нэамн айс, зовлңгин зун нэамн айс» гиж темдглсн болдг. Ямаран йовдл харһвчн: дэн, аюл, зуд болвчн, хүрм, гиич, байр болвчн – цуг эн тоот дуунд орж дуулгдна.

Хальмг улсин туужлгч дуд дунд Төрскэн харсгч Алдр дээнэ цагин дуд онц орм ээлжэнэ. Эн дуудын туужин тускар келгдсн статьяс бээнэ: Илишкинэ Нарна «Өэт майор: дууна туужас» [1], Налан Шевлдэн «Дээнэ цагт харсн дуд» [2] болн нань чигн.

Номт Б.Б. Оконовин бичсэр, «Алдр Төрскэн харсгч дэн олн улсин чеежд хадгддад, халун зүркнэс харсн үгмүдэр келгдж, айст орулгддад, үрни үрнд дуулгддад йовна» [3].

Хальмг шүлглэнд төрскэн харсч бос-сн улсин күсл болн ухан-седкл лавта үнэр үзүлгдсн.

Дээнэ түрүн сармудт хальмг шүлгчнрин төрскнч төрэр үүдэсн урн үгин нэрн бичгин шүлгүд болн дуд газетмүдт журналмүдт барлгдж, радиоһар зэңглгдсн. 1941 жилин чилг-

чэр Хальмг Таңһчин дегтр һарһач бичэчнрин шүлгүдин кесг хураһус, дегтр һарһв.

Үлгүрләд келхд, 1942 жил Хальмг АССР-ин Совнаркомин хургин шиидврэр «Хальмг мөртэ цөргчнрин дуд» дегтр [4] барас һарсн. Энүнд Төрскэн харсгч Алдр дээнд нерэдсн хальмг шүлгчнрин хамгин сэн зокъялмуд айст орулгддад, дуудт хуврв. Дегтрин халхст арвн нэамн дууна үгмүд бичэтэ: Ожан Байрин «Сталинэ туск дун», Баснга Му Көвүнэ «Ворошиловин туск дун», Сусен Аксена «Городовиковин туск дун», Баснга Баатрин «Хальмг мөртэ цөргчнрин дун», «Хальмг мөртэ цөргчнрин марш», «Жаңһрин баатрмудын дун», Леежнэ Цернэ «Өмөн эрвлл уга», «Арнзл күлгүдэн тохий», Инжин Лижин «Баһчудын дээч дун», «Бумбин орн», Көктэн Элдэн «Менд йов», «Мана керг зөвтэ», Эрднин Муутлын «Хальмг дээчнрин дун», «Эврэ жирһлэн харсий», Доржин Санһж-һэрэн «Ордентэ комсомол», Буханкин Бадмин «Комсомол» болн Хальмг негдгч полкин дуд: «Аштаб полк», «Тавн уулын белд».

Хальмг АССР-ин Совнаркомин хургин да-алһврар дээнэ туск шүлгүд цуглулад, көгжмд

В конюшне с красной крышей
Мы ухаживали за верховыми лошадьми.
Ухаживая за верховыми лошадьми,
Мы наших старших братьев вспоминали.

В конюшне с белой крышей
Собираются наши сверстники.
Хоть и собираются вместе наши сверстники,
Но только в редкие свободные часы.

Из дворов с сосновыми заборами
С шумом парами мы выезжали скакать
И учиться искусству шашечного боя.

Курьерская машина на шести колесах
Везет нас к месту наказания.
По дороге к этому месту
Нас бьют шомполами.

Урядник Доржинов с прищуренными глазами,
С криком, контролируя всех, командует.
Молодые калмыки-казаки
Должны вести себя осторожно.

Военные песни являются органичной частью песенной культуры калмыцкого народа. В этих песнях отражены и суровая школа жизни калмыцкого народа, и лирические моменты, и ценности жизни. В текстах песен воплощены мысли и думы, чувства и мироощущение калмыков того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадгаев Н.Б. Свидетельства давно минувших дней // Тегин герл. 1989. № 1. С. 101–103.
2. Басхаев А.Н. Участие калмыков в русско-турецких войнах второй половины XVII века // Вестник КИГИ РАН. 2008. № 1. С. 16–21.

ББК 85.314

ТӨРСКЭН ХАРСГЧ АЛДР ДЭЭНД НЕРЭДСН ДУУДЫН ТУСКАР

Б.Х. Борлыкова

Статья посвящена калмыцким песням о Великой Отечественной войне: дается история их создания и краткий музыковедческий анализ.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, музыка, песня, марш.*

The present article is devoted to description of the Kalmyk songs about the Second World War. Their history and brief analysis of the melody can be found in the article.

Keywords: *the Second World War, music, song, march.*

Хальмг амн зокъялын нег кеермжнь – дун. Хальмг улс дуунд дурта болн хару. Дун күүнэ жирһллэ бат залһлдата болсар «жирһлин жирн нэамн айс, зовлңгин зун нэамн айс» гиж темдглсн болдг. Ямаран йовдл харһвчн: дэн, аюл, зуд болвчн, хүрм, гиич, байр болвчн – цуг эн тоот дуунд орж дуулгдна.

Хальмг улсин туужлгч дуд дунд Төрскэн харсгч Алдр дээнэ цагин дуд онц орм ээлжэнэ. Эн дуудын туужин тускар келгдсн статьяс бээнэ: Илишкинэ Нарна «Өэт майор: дууна туужас» [1], Налан Шевлдэн «Дээнэ цагт харсн дуд» [2] болн нань чигн.

Номт Б.Б. Оконовин бичсэр, «Алдр Төрскэн харсгч дэн олн улсин чеежд хадгдда, халун зүркнэс харсн үгмүдэр келгдж, айст орулгдда, үрни үрнд дуулгдда йовна» [3].

Хальмг шүлглэнд төрскэн харсч бос-сн улсин күсл болн ухан-седкл лавта үнэр үзүлгдсн.

Дээнэ түрүн сармудт хальмг шүлгчнрин төрскнч төрэр үүдэсн урн үгин нэрн бичгин шүлгүд болн дуд газетмүдт журналмүдт барлгдж, радиоһар зэңглгдсн. 1941 жилин чилг-

чэр Хальмг Таңһчин дегтр һарһач бичэчнрин шүлгүдин кесг хураһус, дегтр һарһв.

Үлгүрләд келхд, 1942 жил Хальмг АССР-ин Совнаркомин хургин шиидврэр «Хальмг мөртэ цергчнрин дуд» дегтр [4] барас һарсн. Энүнд Төрскэн харсгч Алдр дээнд нерэдсн хальмг шүлгчнрин хамгин сэн зокъялмуд айст орулгдда, дуудт хуврв. Дегтрин халхст арвн нэамн дууна үгмүд бичэтэ: Ожан Байрин «Сталинэ туск дун», Баснга Му Көвүнэ «Ворошиловин туск дун», Сусен Аксена «Городовиковин туск дун», Баснга Баатрин «Хальмг мөртэ цергчнрин дун», «Хальмг мөртэ цергчнрин марш», «Жаңһрин баатрмудын дун», Леежнэ Цернэ «Өмөн эрвлл уга», «Арнзл күлгүдэн тохий», Инжин Лижин «Баһчудын дээч дун», «Бумбин орн», Көктэн Элдэн «Менд йов», «Мана керг зөвтэ», Эрднин Муутлын «Хальмг дээчнрин дун», «Эврэ жирһлэн харсий», Доржин Санһж-һэрэн «Ордентэ комсомол», Буханкин Бадмин «Комсомол» болн Хальмг негдгч полкин дуд: «Аштаб полк», «Тавн уулын белд».

Хальмг АССР-ин Совнаркомин хургин да-алһврар дээнэ туск шүлгүд цуглулад, көгжмд

орулад, барт белдснь – Хальмг улсин ачта артист, көгжм нээрүлөч Доржин Санһж-һэрэ. Доржин С.-һ. Төрскән харсгч Алдр дән эклхлә, эврә дулар цергт мордад, 110-гч Хальмг мөртә цергт церглв. Тендән ду-бииһин ансамбль экләд бүрдәв. Зуг удан боллго, театрин кергәр Элстүр дуудгдсн. Тер үүмәтә цагт Хальмг театрин артистнр Улан цергчнрт сүрә өгхәр оln наад тәвдг бәәж.

М.К. Кулькова «Сангаджи-Гаря Дорджин. Жизнь и творчество» гидг дегтртән [5] деер келгдсн зәрм дууг көгжмин халхас шинжлв: «Ордентә комсомол», «Городовиковин туск дун», «Бумбин орн», «Әмән әрвлл уга». Үлгүрлхд, 1941 жил Доржин Санһж-һэрә Леежнә Цернә бичсн «Әмән әрвлл уга» шүлгиг көгжмд орулад, ду һарһв. Дууна һол утхнь: күүкн цергт иньгән мордулжана. Хаалһднь һарһад йовулхларн, иим үгмүд келнә:

*Менд йов, иньг минь,
Махссн хортан дар,
Күмни амулц делгрәхд
Күчән бичгә әрвл.*

Дууна айснь гейүртә болн лирико-драматическ. Дууна кев-янз: хойр зәңгәс бүрдсн 5 бадг. Тональность – до минор, көгжмин кемжән - 2/4 [6].

«Хальмг мөртә цергчнрин дуд» дегтрт оln дуд *марш* гидг көгжмин жанрла ирлцнә. **Марш** (франц. *March* – уралан йовлһн; англ. *marsch*, нем. *Marsh*, итал. *marsia*) – көгжмин жанр, оln улс нег кевәр тавшулхин кергт бүрдсн зокъял (цергә йовлһн) [7]. Үлгүрләд келхд, Доржин Санһж-һэрә Баснға Баатрин «Хальмг мөртә цергчнрин марш» шүлгиг көгжмд орулад, шин марш үүдәсмн. Маршин давтрт иим үгмүд харһна:

*Хоңһрин ачнр, уралан!
Хүрүләд чашкарн чавчия,
Хортна хогинь тасләж,
Холваднь өшәһән авия!*

– гиж дуудвр чигн, андһар чигн болад, цергч, дәәч болһна зөргинь немж, урмдынь батлсн. Ямаран күчр, тодрха некр терүнд тәвгдж, улсин седкл, уха эзлж, ноолданур зөрүлжәхинь мел ил.

«Хальмг мөртә цергчнрин маршин» айс сергмжтә болн зөргтә. Маршин кев-янзнь хойр әңгәс болн эклцәс тогтна. Тональность – ре-минор, көгжмин кемжән - 2/4.

1971 жил дәәнә кәлд һарсн «Хальмг мөртә цергчнрин дуд» дегтрәс Доржин Санһж-һэрән бичсн дууг М. Грачев авад, шинәс дигләд, Н. Эрендженовла хамдан «Дуд» дегтрт [8] барлв. Хөөннь, 1995 жил деер темдглгдсн дуд Эрднин Андрейин «Бичә мартый!» гидг дәәнә дуудын хураңһуд [9] орв.

Дәәнд орад, Алдр Төрскән харсад, әмән өгсн хальмг үрдүд цән биш. Терүг тооһарн

герчлжәх оln улсин дуд бәәнә. Тедн дунд *дом-брт келдг дуд*: «Хожан Әәт майор», «Түмдән Тәәхә», «Аакин көвүн Әлдәш» болн нань чигн дуд. Тер дуудыг оln улс эндр өдр күртл дуулна.

«Хожан Әәт майор» дуунд Баһ Дөрвд нутга Цаһан Нуура Хожан Әәт гидг күүнә тускар дуулгдна. Төрскән Харсгч Алдр дән эклхд, Әәт Улан Цергт мордад, зөрмг кевәр фашистнрлә ноолдад, әәрмин толһач болад, майор цергә цол зүүсмн. Зуг Төрскән харсхин төлә Киевин Лукъяновка хотна өөр болсн бәрлдәнд орлцад, бууһин сумнла харһад, әмнәсн хаһцв. Эн һашута йовдлын тускар иигж дуулгдна:

*Буурл гинә һалзн мөрнь гинә,
Бууһин гинә дунднь бухад-цегләд йовна.
Буудан гинә мергн Хожан Әәт майор,
Бууһин гинә сумнла харһвч, хәәмнь.*

«Хожан Әәт майор» дууна үгнь болн айснь оln-әмтнә. Эн дун оln бадгта, дууна айснь йир гейүртә.

Алдр ик зөргтә йовдл һарһсн героймудын негнь – хальмг итклтә үрн сержант Делгә Эрднь. 1942-гч жил Делгә Эрднь Тең һолын амн деер ик баатр йовдл һарһад, оln фашистнриг күүчәд, хооран цухрл уга бәәв. Өшәтнә сумнла эн харһж хорв. Энүнә тускар Хальмг улсин нертә домбрч Манжура Булһн «Делгә Эрднь» ду һарһв:

*Хальмгин негдгч Герой гинә Эрдни
Хацхатн, хальмгуд гинәд хәәкрәд-ла бәәсм-ла.
Хацхатн, хальмгуд гинәд хәәкрәд-ла бәәхләрн,
Хооран бичә цухртн гинәд хәәкрәд-ла бәәсмн.*

«Делгә Эрднь» домбрт келдг дун. Дууна айснь түргн болв чигн, геүйртә.

Төрскән харсгч Алдр дәәнә лирическ дуудын дунд иньгт нерәдсн дуд цән биш. Үлгүрлхд, «Нүүдлә» (үгнь болн көгжмнь Жимбин Б.), «Адяш» болн нань чигн. Долбанск района медәтнр болхла, «Янкара» гидг ду дуулна. Эн дууна туужин тускар Төрскән харсгч Алдр дәәнд орлцач 85-та көгшә Налан Манжин Шевлдә маднд келж өгв: «Эн дун дән эклснә хөөн, хойр-һурвн сар болсн алднд, Долбанск районд һарһсн. Цергт мордсн көвүн седкл туссн Янкара күүкнд нерәдж эн ду һарһв. *Янка* гисн үг «сәәхн, өкәр» гидг утхта».

*Яралдулад малтсн окопин деегүр
Яргад ярплан нислднә,
Яргад ярплань нисв чигн
Янкара иньгм сангдна.*

*Бичсн бекм зандн билә,
Бичсн үзгм мөңгн,
Бичсн һарм алтн билә,
Бичкәхн күүкн Янкара.*

*Хойр хората модн гернь
Хотна захднь дүцгэнэ,
Хо шар Янкараган санхнь
Хоолдм хот орхи.*

*Далн сумта автомат-бунь
Далыгым цокжэ генүлнэ,
Дурта иньг Янкара чамлаһан
Дэжжэ харһхмн берк-ла.*

Дууна сүл һурвн бадгт күүкн иньг көвүндэн нерәджд дуулна:

*Нег амта буугинь үүрэд,
Немииг дархар һарлач,
Немииг дархар һарв чигн
Неригән һарһад ирич.*

*Хойр амта буугинь үүрэд,
Немииг дархар һарлач,
Немииг дархар һарв чигн
Хэрү-ла мөнд ирич.*

*Ик захта күлтигинь
Ирх гинһэд хадһлаив,
Ирхәр седсн иньг минь
Ирш уга болвч.*

Дууна айснь лирическ болн уйдһта.

Хальмг шүлгчнрин, көгжмчнрин һарһсн дуд баһ биш болвчн, талдан келнәс ду орчулж, эврләнән әдл энкрлж, дуулж йовсна тускар келх кергтә. Әдн дунд орс «Катюша» онц орм эзлнә. Дууна үгнә – М. Исаковский, көгжмнә – М. Блантерин, хальмг келнд орчулснә – Хальмг улсин шүлгч Бембин Тимофей.

*Альмн, кедмнә модн цецгэлж,
Асхрәж будн һолыг бүркнә.
Эрг тал Катюша ирәж,
Эгц чагчм деер зогсна.
Тиигәж зогсн, күүкн дуулна,
Теегин һәрдиг эн магтна.
Дурта иньгән санжәл дуудна,
Дурләж бичгинь хадһлх болна [10].*

Ашлад келхд, Төрскән харсгч Алдр дэәнә туск хальмг улсин дуд элвг болсн деерән ик гүн утхта, дэәч зөргәр омглсн бичлһтә, оln-зүсн көгжмтә. Цааранднь хальмг цөргә дуд, келнә болн көгжмин халхар шинжлх ицлтәвидн.

ОЛЗЛГДСН ЛИТЕРАТУР

1. Илишкин Н. Әт майор: дууна туужас // Хальмг үнн, 1985, мартын 5. С. 4.
2. Налан Ш.М. Дэәнә цагт һарсн дуд // Хальмг үнн, 1999. моһа сарин 14. С. 3.
3. Окна Б.Б. Дууна үндснә – жирһл // Төрскән һазрин дуд. Элиста, 1989. С. 20.
4. Хальмг мөртә цөргчнрин дуд. Бүрдәсн Доржин Санһж-Һәрә. Элст, 1942. 21 с.
5. Кулькова М.К. Сангаджи-Гаря Дорджин. Жизнь и творчество. Элиста, 2008. 144 с.
6. Там же. С. 86.
7. Музыкальная энциклопедия: В 6 т. / глав. ред. Келдыш Ю.В. Т. 3. М.: Советская энциклопедия; 1976. С. 463.
8. Дорджин С. Песни / сост. Н. Эрендженов. М.: Советский композитор, 1971.
9. Бичә мартый! Дэәнә-патриотическ дуудын хуранһу. Бүрдәсн Эрднин А.Б. Элст, 1995. 75 с.
10. Там же. С. 28.

Зәңгчин нерн: Налан Манжин Шевльдә – 85 на-ста, Долбанск района торһуд.

ББК 81.2(2Росс=калм)

О СОСТАВЕ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В «КАЛМЫЦКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ» 1977 г. ИЗДАНИЯ

Н.М. Мулаева

В данной статье военная лексика рассмотрена на материале «Калмыцко-русского словаря» под редакцией Б.Д. Муниева (М.: Русский язык, 26000 слов) 1977 г. издания. Всю военную лексику данного словаря можно разделить на семь лексико-семантических групп. В нее вошли как современные, так и устаревшие слова, многие из которых являются заимствованиями из русского языка.

Ключевые слова: словарь, военная лексика, оружие, доспехи, военные подразделения.

In the Mongolian languages military vocabulary is studied not enough. In this article military vocabulary is considered on the material of the Kalmyk-Russian dictionary, published in 1977. The whole vocabulary of this dictionary can be divided into 7 lexico-semantic groups. There are as modern, so obsolete words in these groups, many of them are loan-words from Russian language.

Keywords: dictionary, military vocabulary, weapons, armour, military sub-units.

*Хойр хората модн гернь
Хотна захднь дүцгэнэ,
Хо шар Янкараган санхнь
Хоолдм хот орхи.*

*Далн сумта автомат-бунь
Далыгым цокжэ генүлнэ,
Дурта иньг Янкара чамлаһан
Дэжжэ харһхмн берк-ла.*

Дууна сүл һурвн бадгт күүкн иньг көвүндэн
нерэджд дуулна:

*Нег амта буугинь үүрэд,
Немииг дархар һарлач,
Немииг дархар һарв чигн
Неригэн һарһад ирич.*

*Хойр амта буугинь үүрэд,
Немииг дархар һарлач,
Немииг дархар һарв чигн
Хэрү-ла мөнд ирич.*

*Ик захта күлтигинь
Ирх гинһэд хадһлаив,
Ирхэр седсн иньг минь
Ирш уга болвч.*

Дууна айснь лирическ болн уйдһта.

Хальмг шүлгчнрин, көгжмчнрин һарһсн
дуд баһ биш болвчн, талдан келнэс ду орчулж,
эврлөһөн эдл энкрлж, дуулж йовсна тускар келх
кергтэ. Эдн дунд орс «Катюша» онц орм эзл-
нэ. Дууна үгнь – М. Исаковский, көгжмнь – М.
Блантерин, хальмг келнд орчулснь – Хальмг
улсин шүлгч Бембин Тимофей.

*Альмн, кедмнэ модн цецгэлж,
Асхржэ будн һолыг бүркнэ.
Эрг тал Катюша иржэ,
Эгц чагчм деер зогсна.
Тиигжэ зогсн, күүкн дуулна,
Теегин һардиг эн магтна.
Дурта иньгэн санжэл дуудна,
Дурлжэ бичгинь хадһлх болна [10].*

Ашлад келхд, Төрскэн харсгч Алдр дээнэ
туск хальмг улсин дуд элвг болсн деерэн ик гүн
утхта, дээч зөргэр омглсн бичлһтэ, оln-зүсн
көгжмтэ. Цааранднь хальмг цергэ дуд, келнэ
болн көгжмин халхар шинжлх ицлтэвидн.

ОЛЗЛГДСН ЛИТЕРАТУР

1. Илишкин Н. Ээт майор: дууна туужас // Хальмг үнн, 1985, мартын 5. С. 4.
2. Налан Ш.М. Дээнэ цагт һарсн дуд // Хальмг үнн, 1999. моһа сарин 14. С. 3.
3. Окна Б.Б. Дууна үндснь – жирһл // Төрскэн һазрин дуд. Элиста, 1989. С. 20.
4. Хальмг мөртэ цергчнрин дуд. Бүрдэсн Доржин Санһж-Һэрэ. Элст, 1942. 21 с.
5. Кулькова М.К. Сангаджи-Гаря Дорджин. Жизнь и творчество. Элиста, 2008. 144 с.
6. Там же. С. 86.
7. Музыкальная энциклопедия: В 6 т. / глав. ред. Келдыш Ю.В. Т. 3. М.: Советская энциклопедия; 1976. С. 463.
8. Дорджин С. Песни / сост. Н. Эрендженов. М.: Советский композитор, 1971.
9. Бичэ мартый! Дээнэ-патриотическ дуудын хуранһу. Бүрдэсн Эрднин А.Б. Элст, 1995. 75 с.
10. Там же. С. 28.

Зәңгчин нерн: Налан Манжин Шевльдэ – 85 на-
ста, Долбанск района торһуд.

ББК 81.2(2Росс=калм)

О СОСТАВЕ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В «КАЛМЫЦКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ» 1977 г. ИЗДАНИЯ

Н.М. Мулаева

В данной статье военная лексика рассмотрена на материале «Калмыцко-русского словаря» под редакцией Б.Д. Муниева (М.: Русский язык, 26000 слов) 1977 г. издания. Всю военную лексику данного словаря можно разделить на семь лексико-семантических групп. В нее вошли как современные, так и устаревшие слова, многие из которых являются заимствованиями из русского языка.

Ключевые слова: словарь, военная лексика, оружие, доспехи, военные подразделения.

In the Mongolian languages military vocabulary is studied not enough. In this article military vocabulary is considered on the material of the Kalmyk-Russian dictionary, published in 1977. The whole vocabulary of this dictionary can be divided into 7 lexico-semantic groups. There are as modern, so obsolete words in these groups, many of them are loan-words from Russian language.

Keywords: dictionary, military vocabulary, weapons, armour, military sub-units.

Военная лексика монгольских языков анализировалась на материале монголо-ойратских законов «Их Цааз» и «Халха Джирум» в статье Г.Ц. Пюрбеева [1]. Лексемы с наименованием оружия изучены в статье Б.Б. Манджиковой [2]. Подробное описание некоторых видов оружия того времени дается в книге А.Н. Басхаева [3].

В рассматриваемом словаре содержится около четырехсот слов и словосочетаний, относящихся к военной лексике калмыцкого языка.

На основе классификации, принятой в статье Г.Ц. Пюрбеева [1], военную лексику «Калмыцкого словаря» можно разделить на следующие лексико-семантические группы: 1) наименования общих понятий; 2) названия видов оружия и их составных частей; 3) названия доспехов и их деталей; 4) наименования воинских званий и должностей; 5) названия военных подразделений; 6) названия обмундирования; 7) наименования защитных и огневых сооружений.

1) Наименования общих понятий

агслһн «вооружение» [4, с. 25]; *ааргһлһн* «окружение; оцепление; блокада» [4, с. 19]; *агслт* «вооруженность» [4, с. 25]; *андһар* «клятва, присяга» [4, с. 43]; *атак* «атака» [4, с. 54]; *гарнизон* «гарнизон» [4, с. 134]; *генштаб* «генштаб (генеральный штаб)» [4, с. 138]; *гетвр* «засада» [4, с. 141]; *дэсн* «враг; противник, неприятель» [4, с. 188]; *застав* «застава» [4, с. 242]; *зер-зев* «оружие; вооружение» [4, с. 248]; *зертэ-зевтэ* *кучн* «вооруженные силы» [4, с. 248]; *келн* «язык» [4, с. 291]; *мес* «холодное оружие» [4, с. 351].

аян «военный поход» [4, с. 60]; *зевсг* «оружие; вооружение» [4, с. 245]; *эмил* «войско, армия, рать» [4, с. 698].

Глагольные и именные словосочетания, обозначающие военные действия, образованные на основе этих общих терминов, например: *дэсиг ааргһлһн* «окружение противника» [4, с. 19]; *кел авгдх* «быть взятым в плен» [4, с. 20]; *ээрм зер-зевэр агслһн* «вооружение армии» [4, с. 25]; *мөрн цергин атак* «кавалерийская атака» [4, с. 54]; *атакд орх* «пойти в атаку» [4, с. 54]; *атакиг сөргх* «отразить атаку» [4, с. 54]; *атаклач халх* «атакующая сторона» [4, с. 54]; *аһарар атакһлһн* «воздушная атака» [4, с. 55]; *бээр бэрлдв* «произошло сражение» [4, с. 88]; *кел бэрж авх* «взять языка» [4, с. 291]; *бээр-бэрлдэнд орлцх* «участвовать в сражении» [4, с. 88]; *мес агсх* «вооружаться холодным оружием» [4, с. 351].

В словарь также вошли глаголы, которые выражают специализированные значения, например: *агсх* «вооружаться; привешивать к поясу (лук и колчан)» [4, с. 26]; *атаклх* «атаковать» [4, с. 26]; *баррикадлх* «баррикадировать» [4, с. 83]; *салдх* «стрелять, убивать из самострела» [4, с. 438]; *салдслх* «редко быть

солдатом» [4, с. 437]; *дээлдх* «сражаться, воевать» [4, с. 188] и т. д.

2) Названия видов оружия и их составных частей

Огнестрельное оружие

наган «наган» [4, с. 366]; *пистул-автомат* «пистолет-автомат» [4, с. 22]; *автомат* «автомат» [4, с. 22]; *винтовк* «винтовка» [4, с. 133]; *берданк* «берданка» [4, с. 95]; *карабин* «карабин» [4, с. 285].

Слово *арси* имеет два значения: «кожаный чехол (для ружья); кобура (для револьвера)» [4, с. 51].

бу «ружье» [4, с. 115] делится на следующие виды: *хойр амта бу* «двустольное оружие, двустволка» [4, с. 42]; *шорта бу* «ружье со штыком» [4, с. 680]; *оһтр бу* «карабин; обрез» [4, с. 115];

Подробно описаны составные части ружья (детали): *бууһин амн* «дуло ружья» [4, с. 115]; *бууһин хол төмр* «ствол огнестрельного оружия» [4, с. 115]; *бууһин сумн* «ружейный патрон» [4, с. 122]; *бууһин сумн* «ружейная пуля» [4, с. 461]; *бууһин хундг* «приклад» [4, с. 122]; *бууһин харан* «прицел огнестрельного оружия» [4, с. 122]; *бууһин гилз* «патронная гильза» [4, с. 144]; *бууһин көл* «тренога для стрельбы из ружья (букв. ножки для ружья)» [4, с. 314]; *цег редко* «заряд (ружья)» [4, с. 632]; *чикв* «ложка (у ружья)» [4, с. 649]; *бууһин чавг* «курок ружья» [4, с. 644]; *бууһин шор* «штык ружья» [4, с. 679]; *бурчг* «дробь для (ружья)» [4, с. 121]; *жидв* «выемка на стволе ружья» [4, с. 226].

Словосочетания с термином *бу* «ружьё»: *бууһар хах* «стрелять из ружья» [4, с. 115]; *бууһин чавг татх* «взвести курок винтовки» [4, с. 644]; *бууһин чавг буулһх* «спустить курок винтовки» [4, с. 644]; *бууһин чимән* «звук выстрела» [4, с. 650]; *сумта бу* «заряженное ружье» [4, с. 461]; *ахр бууһин э ик* «силён звук короткого ружья» [4, с. 122].

Метательное оружие

Ручное

арм «метательное копьё»; дротик [4, с. 50]; *жид* «пика, копьё, штык» [4, с. 226]; *хаж* «копьё»; *шор* «копьё» [4, с. 680]; *нумн* «лук» [4, с. 386]; *адрһн* «лук» [4, с. 28]; *адрн* «богатырский лук» [4, с. 28].

гранат «граната» [4, с. 147]; *һар гранат* «ручная граната» [4, с. 147]; *танкла ноолдгч гранат* «противотанковая граната» [4, с. 147].

гранат шивгч «гранатомет» [4, с. 147]; *пулемёт* «пулемёт» [4, с. 431]; *һар пулемёт* «ручной пулемёт» [4, с. 431]; *миномет* «миномет» [4, с. 352].

Огнестрельное оружие крупного калибра: *тов* «пушка» [4, с. 499]; *холод хадг тов*

«дальнобойная пушка» [4, с. 594]; *күнд тов* «гаубица» [4, с. 499]; *гаубиц* «гаубица» [4, с. 134]; *зенитк* «зенитка» [4, с. 247]; *зенити тов* «зенитное орудие» [4, с. 247]; *ракет* «ракета» [4, с. 432] и т.д.

Именные словосочетания с данными терминами: *товин сумн* «пушечное ядро» [4, с. 499]; *ракетин сумн* «ракетный снаряд» [4, с. 432].

Составные части (детали)

лука и пики

саадг номн «колчан со стрелами» [4, с. 433]; *жйилц* «стрела» [4, с. 228]; *сумн* «стрела» [4, с. 461]; *саадгин сумн* «стрелы лука» [4, с. 461]; *сумна өдн* «оперение стрелы» [4, с. 412]; *бүргдин өднэ сумн* «стрела, оперённая беркутовыми перьями» [4, с. 128]; *ходль* «стрела с наконечником (из рога или дерева, снабженная дырочками и потому издающая свист при полёте)» [4, с. 164]; *адри* «толстый конец стрелы (который упирается в тетиву)» [4, с. 28]; *киивц* «оперённая стрела» [4, с. 298]; *кив* «оперение стрелы лука» [4, с. 298]; *нумин көвч* «тетива лука» [4, с. 386]; *саадг* «колчан (для стрел)» [4, с. 433]; *үртэси* «тетива»; *көвч* «тетива (лука)» [4, с. 310]; *көвчлүр* «зарубки на концах лука (на которые натягивают тетиву)» [4, с. 310]; *овд* «отверстие» (в колчане, куда втыкается острие стрел) [4, с. 392]; *он* «насечка, зарубка» (на конце стрелы) [4, с. 397]; *оноч* «нож (для нанесения насечек, зарубок на конец стрелы)» [4, с. 397]; *тевк* «распорка (для тетивы лука)» [4, с. 487]; *жйидин иш* «рукоятка пики» [4, с. 226]; *жйидин үзүр* «острие пики» [4, с. 226].

Колюще-режущее оружие

и его составные части (детали)

өвр иштэ утх «нож с роговой ручкой» [4, с. 409]; *балдг* «кольцо на рукоятке ножа» [4, с. 79]; *шор* «штык» [4, с. 679].

Режущее-рубящее оружие и его

составные части (детали)

атаган «ятаган (кривая сабля)» [4, с. 54]; *болд* «булатный меч» [4, с. 106]; *мишил* «меч, сабля» [4, с. 353]; *селм* «меч, сабля, шашка» [4, с. 449]; *үлд меч* [4, с. 549]; *үлдин балдг* «эфес сабли» [4, с. 79]; *хү* «ножны» [4, с. 617]; *чашик* «шашка; сабля; меч» [4, с. 646]; *чашикин гер* «сабельные ножны» [4, с. 646]; *балт* «боевой топор, секира» [4, с. 80]; *эв балт* «секира» [4, с. 80].

Глагольные словосочетания, образованные с этими терминами: *нумар хах* «стрелять из лука» [4, с. 386]; *үлдэн хүүд дүрх* «вложить меч в ножны» [4, с. 617]; *жйид шивх* «бросать копьё» [4, с. 226]; *жйидэн зөрүлж дэврх* «идти в штыки» [4, с. 226]; *нумин көвч татх* «натягивать концы лука» [4, с. 310]; *көвчүн саадг* «тугой лук» [4, с. 310]; *жйилц харвх* «пустить стрелу» [4, с. 228]; *сумар харвх* «пустить стрелу» [4, с. 461]; *ходляр харвх* «пустить стрелу» [4, с. 164]; *үлдэр чавчх* «рубить мечом» [4, с. 549].

В словаре имеются глаголы, обозначающие действия, выполняемые с помощью данных видов оружия. Например, *селмдх* «рубить шашкой (мечом, саблей)» [4, с. 449]; *чашикдх* «рубить шашкой (саблей, мечом); наносить удар шашкой (саблей, мечом)» [4, с. 646]; *шордх* «колоть, прокалывать (штыком, копьем)»; *армдх* «прокалывать пикой; сажать на копьё» [4, с. 50]; *жйидлх* «колоть, пронзать копьём (пикой, штыком)» [4, с. 226]; *балтдх* «убивать топором; наносить удары секирой» [4, с. 80]; *ходльдх* «стрелять из лука» [4, с. 164]; *көвчлх* «стягивать концы лука» [4, с. 310]; *нумлх* «измерять луком (длину)» [4, с. 386]; *онлх* «накладывать стрелу на тетиву, отпускать тетиву; делать прорезь» [4, с. 397]; *сумлх* «заряжать (ружьё); накладывать (напр. стрелу на тетиву)» [4, с. 461]; *тевкдх* «прикреплять распорку (к концам лука для тетивы)» [4, с. 487]; *харвх* «стрелять из лука, пускать стрелу» [4, с. 578]; *месдэх* «применять холодное оружие; рубить мечом (топором)» [4, с. 351]; *гранатлх* «бросать гранату» [4, с. 147]; *пулемётлх* «стрелять из пулемёта» [4, с. 431]; *товлх* «оснащать пушками (артиллерией)» [4, с. 499].

Другие виды оружия

көвк «боевая дубина» [4, с. 309]; *күрэллһнэ зер-зев* «осадное орудие» [4, с. 326]; *тачанк* «тачанка» [4, с. 482]; *броневик* «броневик» [4, с. 115].

Бронетанковые машины

танк «танк» [4, с. 476]; *күнд танк* «тяжелый танк» [4, с. 476]; *гишгн танк* «лёгкий танк» [4, с. 476]; *танкетк* «танкетка (небольшой танк)» [4, с. 476].

3) Названия доспехов и их составных деталей

дуулх «шлем; каска» [4, с. 217]; *хуйг дуулх* «воинские доспехи» [4, с. 217]; *келжэ хуйг* «панцирь-кольчуга» [4, с. 290]; *кө-хуйг* «панцирь, кольчуга» [4, с. 320]; *лувц* «рыцарские доспехи (панцирь, кольчуга)» [4, с. 336]; *хуйг* «панцирь, броня» [4, с. 607]; *төөлг хуйг* «кольчуга» [4, с. 607].

Глаголы, образованные на основе этих терминов: *дуулхалх* «надевать шлем» [4, с. 217]; *лувцлх* «надевать рыцарские доспехи (т.е. готовиться к выступлению в поход в полном вооружении и в панцире)» [4, с. 336]; *хуйглх* «надевать панцирь, быть закованным в панцирь» [4, с. 608].

4) Воинские звания и должности

Высшие чины

генералиссимус «генералиссимус» [4, с. 137]; *маршал* «маршал» [4, с. 344]; *адмирал* «адмирал» [4, с. 28]; *флотын адмирал* «адмирал флота» [4, с. 28]; *генерал* «генерал» [4, с. 137].

Другие чины

капитан «капитан» [4, с. 285]; *гвардь капитан* «гвардии капитан» [4, с. 134]; *ефрейтор* «ефрейтор» [4, с. 222]; *старишин* «старшина» [4, с. 459]; *артиллерч* «артиллерист» [4, с. 51]; *товч*

«артиллерист» [4, с. 499]; *пулемётч* «пулемётчик» [4, с. 431]; *танкист*, *танкч* «танкист» [4, с. 476]; *сапёр* «сапер» [4, с. 441] и т. д.

инрл «генерал» [4, с. 397]; *сумч генерал* «генерал-лейтенант» [4, с. 137]; *жолоч генерал* «генерал-майор» [4, с. 137]; *бухг генерал* «генерал-полковник» [4, с. 137]; *өрлг* «полководец» [4, с. 424]; *адъютант* «адъютант» [4, с. 29]; *десятник* «десятник» [4, с. 200]; *үлдч* «воин-меченосец» [4, с. 550]; *хаһач* «стрелок» [4, с. 564]; *харвач* «стрелок из лука, лучник» [4, с. 578]; *шор шивэч* «копьеметатель» [4, с. 680]; *армч* «метальщик дротика (копья)» [4, с. 50]; *балтч* «секирщик, секироносец» [4, с. 80].

5) Названия военных подразделений

Общие понятия

йовһн церг «пехота» [4, с. 633]; *мөрн церг* «кавалерия» [4, с. 633]; *дээнэ авиц* «военная авиация» [4, с. 704].

Войсковые подразделения

йовһн цергин батальон «стрелковый (пехотный) батальон» [4, с. 84]; *сапёрин батальон* «сапёрный батальон» [4, с. 441]; *взвод* «взвод» [4, с. 133]; *минометин батарей* «минометная батарея» [4, с. 85]; *йовһн цергин взвод* стрелковый взвод [4, с. 133]; *гвардеец бух церг* «гвардейский полк» [4, с. 134]; *гвардь* «гвардия» [4, с. 134]; *эскадриль* «эскадрилья» [4, с. 704]; *кавалер дивизь* «кавалерийская дивизия» [4, с. 282]; *эскадрон* «эскадрон» [4, с. 704] и т. д.

бух «полк» [4, с. 125], *бүл* «войсковая единица»; *долан бүл церг* «семь войсковых единиц» [4, с. 126].

6) Обмундирование

хувцн «обмундирование» [4, с. 606]; *ишишл* *хувцн* «специальное обмундирование» [4, с. 606]; *берет* «берет» [4, с. 95]; *погон* «погон, погоны» [4, с. 430]; *махла* «шапка, головной убор» [4, с. 344]; *мундир* «мундир» [4, с. 362]; *өрмг* «шинель» [4, с. 424]; *галифе* «галифе» [4, с. 134]; *һосн* «сапоги» [4, с. 167] и т. д.

7) Оборонительные

шивэ «крепость, цитадель» [4, с. 669]; *окоп* «окоп» [4, с. 394]; *баррикад* «баррикада» [4, с. 83]; *блиндаж* «блиндаж» [4, с. 102]; *дзот* «дзот (деревоземляная огневая точка)» [4, с. 200].

Глагольные и именные словосочетания с данными терминами: *шивэ бүслх* «осадить крепость» [4, с. 669]; *харсгч шивэ* «оборонительная крепость» [4, с. 669]; *окоп малтх* «рыть окоп» [4, с. 394]; *баррикад тосхх* «строить баррикады» [4, с. 83].

В словаре встречаются слова-синонимы и парные слова, относящиеся к военной лексике. Например: а) *атаклһн* «атака, налет, нападение» [4, с. 55]; *дэврлһн* «нападение; атака; налет» [4, с. 189]; *дэврлт* «нападение; атака» [4, с. 189];

б) *бээр* «битва, бой, сражение» [4, с. 88]; *бээр-бэрлдэн* «битва, сражение» [4, с. 89]; *бэрлдэн* «сражение» [4, с. 91]; *дээлдлһн* «сражение, битва» [4, с. 187]; *дээлдэн* «бой, сражение, битва» [4, с. 188]; в) *бомбардировк* «бомбардировка, бомбежка» [4, с. 108]; *бомбдлһн* «бомбардировка, бомбежка» [4, с. 108]; г) *дэн* «война» [4, с. 189]; *дэн-дажг* «война» [4, с. 189].

В словаре очень много заимствований, в частности, из русского языка. Это такие слова как, например, *атак* «атака» [4, с. 54]; *гарнизон* «гарнизон» [4, с. 134]; *генштаб* «генштаб (генеральный штаб)» [4, с. 138]; *капитан* «капитан» [4, с. 285]; *гвардь капитан* «гвардии капитан» [4, с. 134]; *ефрейтор* «ефрейтор» [4, с. 222]; *старшин* «старшина» [4, с. 459]; *артиллерч* «артиллерист» [4, с. 51] и др.

Словарные статьи слов, относящихся к военной лексике, обогащены иллюстративным материалом из калмыцкого героического эпоса «Джангар» (XV в.), пословицами, поговорками и загадками. Например: *ут болдан сүһлжэ авад дэвр* «наступил, вытащив свой длинный булатный меч» [4, с. 106]; *саадг, хуйг тоотан бүстан агсад* «привешивать к поясу колчан и футляр с луком» [4, с. 26]; *дөчн нумин һазр* «расстояние, равное полёту сорока луков» [4, с. 386]; *нуман хурах* «переходить на мирное положение (букв. убирать свой лук)» [4, с. 386]; *дэесн захас авхла, ноха хорманас авдг* «когда враг берет за ворот, собака – за подол» [4, с. 188]; *чашк эврәнһ герэн тээрдог* «своих ножен сабля не порежет» [4, с. 646]; *сумнас делм хурдн, салькнас алд хурдн* «быстрее снаряда на полсажени, быстрее ветра на сажень» (*суһһуг* телеграмма) [4, с. 461].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: военная лексика в Калмыцко-русском словаре» 1977 г. под редакцией Б.Д. Муниева представлена довольно широко, в ее состав вошли как устаревшие, так и современные слова, многие из них являются заимствованиями из русского языка (около ста слов и словосочетаний), а также выбраны из калмыцкого фольклора и героического эпоса «Джангар».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пюрбеев Г.Ц. Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их Цааз» и «Халха Джирум» // Материалы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2 ч. Ч. 2. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 648 с. С. 283–285.
2. Манджикова Б.Б. Лексика «Джангара» (на материале лексем, связанных с наименованием одежды, оружия, предметов быта, жилища) // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990. С. 191 – 193.
3. Басхаев А.Н. Монголы, ойраты, калмыки. Элиста, 2000.
4. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале романа М. Хонинова «Помнишь, земля Смоленская»)

С.Е. Бачаева

В статье рассматривается недостаточно исследованная в калмыцком языкознании военная лексика на материале романа Михаила Хонинова «Помнишь, земля Смоленская», дается классификация основных ее лексико-семантических групп.

Ключевые слова: война, враг, солдаты, армия, сражение.

In the article we consider military vocabulary, that is researched not enough in the Kalmyc linguistics on the example of the roman "Pomnish, zemlya Smolenskaya" by M. Honinov. And here we give the classification of its main lexico-semantic groups.

Keywords: war, enemy, soldiers, army, battle.

Военная лексика недостаточно исследована в калмыцком языкознании. В своих работах ее рассматривали Г.Ц. Пюрбеев [1], С.Е. Бачаева [2] и др. но, к сожалению, пока нет монографических работ.

Военная лексика особенно часто встречается в словарях, в эпосе «Джангар», в богатырских сказках и в произведениях калмыцких писателей военной тематики. Одним из таких произведений является автобиографический роман известного калмыцкого писателя, участника Великой Отечественной войны Хонинова Михаила Ванькаевича «Помнишь, земля Смоленская» [3], опубликованный в 1974 году.

По определению Т.М. Лосевой-Бахтияровой, военная лексика – система лексических средств, отражающих разнообразные военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном общении [4, с. 52].

Военную лексику, встречающуюся в романе, можно разделить на следующие группы: 1) слова, обозначающие виды оружия и их составные части, боевое снаряжение; 2) слова, обозначающие воинов, воинские звания и должности, названия военных подразделений; 3) слова, обозначающие военные действия; 4) слова, обозначающие общие понятия; 5) слова, обозначающие награды; 6) слова, обозначающие обмундирование. Рассмотрим эти группы поподробнее.

1) К словам, обозначающим *зер-зев* «оружие» и их составные части, боевое снаряжение относятся: *бомб* «бомба»; *оптический төвлһтэ бу* «ружье с оптическим прицелом»; *снайперск бу* «снайперское ружье»; *бензитэ ишил* «бутылка с бензином»; *диск*; *пистул* «пистолет»; *картечь*; *наган*; *танк*; *зенитк*; *мин* «мина», *гранат*; *ракет*; *пулеметин коробк*; «максимк»; *һар пулемет* «ручной пулемет»; *миномет*; *балтин ир* «лезвие бердыша, боевого топора»; *саадгин суми* «стрела из лука».

Стрелы изготавливались тростниковые, камышовые, березовые, яблоневые, кипарисовые.

Наконечники для боевых стрел изготавливались из железа и имели трехлопастную, удлинненно-ромбическую или удлинненно-треугольную форму с двумя шипами и двумя рогами [5, с. 57].

Основным видом артиллерийского огнестрельного оружия крупного калибра является *тов* «пушка». Еще один вид ручного огнестрельного оружия – *бу* «ружье».

Составные части стрелкового огнестрельного оружия имеют следующие наименования: *бууһин хундг* «приклад ружья» – задняя деревянная часть ружья, к которой прикрепляют ствол, служит для упора оружия в плечо стреляющего; воспламенение порохового заряда в ружье обеспечивается нажатием спускового крючка и возведением курка *бууһин, автоматин чавг* «курок ружья, автомата»; *бууһин шор* «штык ружья»; *бууһин харан* «прицел»; *ствол*; *товин патронник* «патронник пушки».

Названия средств, обеспечивающих ружейный заряд: *суми* «пуля» – небольшой металлический колпачок со взрывным веществом, воспламеняющим порох в патроне, *дар* «порох» – пороховой заряд и средства воспламенения размещаются в гильзе, в патронах гильза объединяет пулю, порох и капсулу в единое целое.

2) Слова, обозначающие *дәәч* «воинов», *цеггә ям, ямта ку* «воинские звания, должности, чины», названия военных подразделений: *цеггә* «воин, солдат, боец»; *политһардач* «политруководитель»; *хадг* «стреляющий»; *комвзвод*; *майор*; *капитан*; *дундин ямта командирмуд* «командиры среднего чина»; *сержсант*; *командир*; *цеггә улс* «военнослужащие»; *ефрейтор*; *лейтенант*; *комбат*; *хортн, виэти* «враг, неприятель»; *зулж йовх улс* «сбежавшие люди, дезертиры»; *частин дежурна зарц* «дежурный части»; *дәәч* «воин»; *манач, харулч* «караульный, охрана»; *десант*; *матрос*; *товч* «артиллерист»; *помкомвзвод*; *итабин амти* «люди из штаба»; *унтер*; *обер-лейтенант*; *фельдфебель*; *взвод*; *рот*; *полк*.

В тексте встречается название немецкого полка: *Гитлеровинр советин частиг йовһчудар, танкар дорацулж эс чадхларн, дэки товин дэврлһн эклв. Дивизин өмнэс механизирован немшин нег полк һарв* «Гитлеровцы, не сумев подавить советские части пехотой, танками вновь начали обстрел пушками. Один механизированный немецкий полк пошел в наступление на дивизию».

К наименованиям воинов, должностей так же относится снайпер – «кукушка»: *Мини ээмиг хоңг-шарарн чонксн немшин «кукушкиг» олж үзтн... Советск командириг харасн геесн немшин снайпер өвсн заагт бээх зурмн кевтэ өндлэ бээж Токаревин мушкд бэргдэд, дарунь сумнлань харһж хар – керэ кевтэ сарсаж, киисв. – Үр комрот, тана закрв күцэгдв. «Кукушка» дэжж хуциго! «Попытайтесь найти «кукушку», клонувшую меня за плечо... Немецкий снайпер, потерявший из вида советского командира, выглядывая из травы, словно суслик, попал под мушку Токарева, сраженный пулей, он упал вниз, как черная ворона. – Командир роты, ваше задание выполнено, «кукушка» больше не залает».*

3) Слова, обозначающие военные действия: *цергт мордх* «призываться в армию»; *церглх* «служить в армии»; *дишлх* «победить, одержать победу»; *дээлдх* «воевать»; *күүчх* «разбивать»; *харсх* «защищать, оборонять»; *өмнэснь дэврэд хоорань цокх* «наступить спереди, опрокинув их назад»; *хооран цухрх* «отступить назад»; *чичх* «ударить»; *сиичх* «изрезать»; *хор цацх* «распылить яд»; *алх, хорах* «убивать»; *хаһрлдх* «взорваться»; *шавтх* «быть раненым»; *дэврх* «наступить»; *биисэн эс медүлх* «не обнаружить себя»; *бүслх* «окружить»; *пулеметин «аминь» бөглх* «закрыть «рот» пулемету»; *сурлһ авх* «допросить»; *эзлх* «захватить»; *зулх* «бежать, обращаться в бегство, удирать»; *товлх* «оснащать пушками»; *цухрх* «отступать»; *«заһс» «келн» бэрх* «взять «языка»; *чидлэн сөрх* «поместиться силами».

Наименования действий, производимых с огнестрельным оружием: *хах* «стрелять»; *кирслэж хах* «стрелять крест-накрест»; *шаргулад хах* «стрелять с шумом»; *товлх* «прицеливаться»; *бу сумлх* «зарядить, перезарядить ружье».

4) Наименования общих понятий: *ноолдан* «борьба»; *халдан, халһан* «стрельба, пальба, перестрелка»; *дэврлһн* «наступление», *церглһн* «служба»; *атак*; *өмэрэн* «вперед»; *тактическ занять*; *һал! һал!* «огонь! огонь!»; *бронбойно-шатадг* «бронбойно-зажигательные».

К наименованиям общих понятий относится *дэн* «война». В романе есть такие строки о войне: *Дэн, йосн теңс. Теңст усн болвас усн, йилһл уга һашурхм. Дээнд чигн тиим, цусн уласн хөөн болсн тер. Дэн-дажг гемин өвчн уга бээснэс, күүнд нань ах кишиг «уга» гижэ хальмг күн келнэ* «Война, настоящее море. В море любая вода станет соленой.

То же самое и война, ей нужна только кровь. Калмыцкий народ говорит: «Нет лучшего счастья, чем жизнь без войны и болезней».

5) в романе встречаются следующие наименования наград: *«Ворошиловскар хадг» шин значок «новый значок Ворошиловского стрелка»; «Улагч одн» орден «орден «Красной звезды»; «Дээч улан тугин» орден «орден «Боевого красного знамени»; медаль «За отвагу».*

В романе дается несколько отрывков из героического эпоса «Джангар», в которых присутствует военная лексика: *бух* «вражеский полк»; *бодң* «богатырь»; *кулг* «богатырский конь»; *өңгрх* «умереть»; *жид* «пика, копье, штык – длинная жердь, древко с каменным, костяным или металлическим наконечником». Как пишет А.Н. Басхаев, из холодного, колющего древкового оружия широко использовалось копье. Копье оставалось незаменимым оружием как при столкновении больших конных масс, так и при единоборстве. Хорошо подготовленный воин мог на всем скаку снять копьём кольцо, которое стоявший на земле человек держал в двух пальцах вытянутой руки. При этом в бою копьём не только кололи, но и наносили тычковые удары, работали древком плашмя [5, с. 59].

Богатыри в эпосе храбрые, отважные, любящие свою страну Бумба, присягнувшие на верность Джангару: *жил нас хойран, жидин үзүрт өлгий, жилв бах хойран һанихн Жаһртан өргий. Бух нигт гижэ хэрү хэлэгсн бодң манд уга, уул өндр гижэ өргл өөднь эс һарһгсн кулг манд уга* «жизнь свою доверим острию копья, страсть и радость отдадим одному Джангару. Нет у нас богатыря, испугавшегося многочисленного вражеского полка, нет у нас коня, не поднявшегося на самую высокую гору».

Богатыри – великие воины, никогда не сдающиеся в плен, воюющие до конца: *Бумбин Улан Хоңһр Көк Һалзн кулгэн һуйдад одв, Көк Һалзн кулг өлкэдэд һарад одв. Нээхлгсн Хоңһр нээмн миһһн шавта һарв* «Богатырь Улан Хонгор ударил коня Көк Һалзан по крупу. Конь Көк Һалзан взвился вверх и поскакал. Хонгор вышел с 8000 ранами на теле». Эти небольшие отрывки из героического эпоса действовали на солдат как нектар, они забывали о своей усталости и о своих муках.

Лошадь – лучший друг, незаменимый, преданный помощник своему хозяину. Армейские лошади очень умные, выносливые: *Мөрд живртэ юмс кевтэ нислдэд йовна. Цергэ мөрд, цергчлэ эдл хойр жилин эргид, хөв тустан церглһнэ «сурһаль» медх зөвтэ. «Иньгуд!... Конюшнүр!» – гихлән, мөрд конюшнүр одад ормдан зогсдмн. «Кевттн», «босттн» гисн командиг, цергч мет эднь күцэдмн* «Лошади летят, словно у них крылья. Армейские лошади, так же, как и солдаты, за два года службы обязаны выучить военную «науку». При словах «друзья!...

В конюшню!» лошади заходят в конюшню на свое место. Команды «лежать», «встать» они выполняют, словно солдаты».

б) многие слова, относящиеся к обмундированию, заимствованы из русского языка: *каска; кобура; противогаз; гимнастерка; плащ-палатка; портупей; кирз носки* «кирзовые сапоги»; *шеемг галифе* «шерстяное галифе».

События в романе разворачиваются на берегу Днепра, на родине Михаила Исаковского, написавшего известную всем песню «Катюша», которую солдаты пели с большим удовольствием: *Кедми, альмина моднь цецгэрнэ, көк буднь һолар йовна. Амн деернь Катюша һарна. Өндр, чагым, эрг деернь... Төрски һазран тер харстха, түүнэ дуриг Катюша хадһлх* «Расцвели яблони и груши, поплыл синий туман над рекой. Выходила на берег Катюша, на высокий, на берег крутой... Пусть он защищает Родину, а любовь Катюша сбережет».

Подробно в романе описываются сцены боя, как солдаты сбивали вражеские самолеты: *Самолетин барун живрт һал орад, утань хар хаалһ болад, зун бийгшэн эргн, Днепр деер хатхдад тусв.* «Самолет с горящим правым крылом, развернувшись налево оставляя позади себя дым, как черную дорогу, упал в Днепр». *Лейтенантын зун захас «максим» ки авхулго хав. Неминр алс-булс авад унв. Энүлэ зерглэд гилтэ барун захас һар пулемет көдлв. Атакт орж йовси неминр һазрла һазр болад кевтв. Деернь хорһлжн хур шаргв* «Вдруг слева от лейтенанта начал без остановки стрелять «максим». Немцы в панике упали. На пару с «максимом» справа заработал ручной пулемет. Идущие в атаку немцы слились с землей, сверху посыпался свинцовый дождь».

К военной лексике можно отнести и звукоподражающие слова: *мин «шалд», «шалд» гилһэд взводин ард тусв* «мины со звуком «шалд»,

«шалд» упали позади взвода; *сумн «таш-пиш», «таш-пиш» гилһэд хаһрв* «снаряды взорвались со звуком «таш-пиш», «таш-пиш»; *төмрин тасрхас һазрт «топ», «топ» гилдэд тусна* «осколки железа падают на землю со звуком «топ», «топ»; *чикна хулхд «жиг-жиг» гисн сумна нислһн ил* «слышится отчетливо звук «жиг-жиг» от летящих пуль».

Из приведенных примеров видно, что калмыцкий язык имеет богатую военную лексику, которая пополняется благодаря заимствованиям, что требует дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пюрбеев Г.Ц. Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха Джирум» // Материалы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добр. вхожд. калм. народа в состав Российского гос-ва. Элиста, 2009. С. 283–285.
2. Бачаева С.Е. Военная лексика в эпосе «Джангар» // «Джангар» в евразийском пространстве: материалы междунар. научн. конф. Элиста, 2004. С. 20–22.
3. Хонинов М.В. Помнишь, земля Смоленская. Элиста, 1974. 273 с.
4. Лосева-Бахтиярова Т.В. Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): дисс... канд. фил. наук. М., 2005. 283 с.
5. Басхаев А.Н. Монголы, ойраты, калмыки. Элиста, 2000. 91 с.
6. Манджикова Б.Б. Лексика «Джангара» (на материале лексем, связанных с наименованием одежды, оружия, предметов быта, жилища) // Джангар и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990. С. 191 – 193.
7. Калмыцко-русский словарь. М., 1977. 768 с.
8. Намжилов Б. Заимствования в монгольской общевойска терминологии // Владимирцовские чтения. М., 1989. С. 110–112.

ББК 81.2-3

РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Н. Ч. Очирова

В статье рассматривается развитие военной терминологии калмыцкого языка, в частности особенности русских заимствований. Заимствованные термины, попавшие в калмыцкий язык в разные эпохи, отражают богатую историю калмыцкого народа и Российского государства.

Ключевые слова: военные термины, заимствованная лексика, исторические связи, фонетические и морфологические признаки.

The article is devoted to the development of the military terminology of the Kalmyk language in particular peculiarities of Russian borrowings. The adoption of terms hitting in the Kalmyk language in the different epoch reflects a rich history of the Kalmyk people and the Russian state.

Keywords: military terms, the borrowed lexicon, historical connections, phonetic and morphological features.

В конюшню!» лошади заходят в конюшню на свое место. Команды «лежать», «встать» они выполняют, словно солдаты».

б) многие слова, относящиеся к обмундированию, заимствованы из русского языка: *каска; кобура; противогаз; гимнастерка; плащ-палатка; портупей; кирз носки* «кирзовые сапоги»; *шеемг галифе* «шерстяное галифе».

События в романе разворачиваются на берегу Днепра, на родине Михаила Исаковского, написавшего известную всем песню «Катюша», которую солдаты пели с большим удовольствием: *Кедми, альмина моднь цецгэрнэ, көк буднь һолар йовна. Амн деернь Катюша һарна. Өндр, чагым, эрг деернь... Төрски һазран тер харстха, түүнэ дуриг Катюша хадһлх* «Расцвели яблони и груши, поплыл синий туман над рекой. Выходила на берег Катюша, на высокий, на берег крутой... Пусть он защищает Родину, а любовь Катюша сбережет».

Подробно в романе описываются сцены боя, как солдаты сбивали вражеские самолеты: *Самолетин барун живрт һал орад, утань хар хаалһ болад, зүн бийгшэн эргн, Днепр деер хатхдад тусв.* «Самолет с горящим правым крылом, развернувшись налево оставляя позади себя дым, как черную дорогу, упал в Днепр». *Лейтенантын зүн захас «максим» ки авхулго хав. Неминр алс-булс авад унв. Энүлэ зерглэд гилтэ барун захас һар пулемет көдлв. Атакт орж йовси неминр һазрла һазр болад кевтв. Деернь хорһлжн хур шаргв* «Вдруг слева от лейтенанта начал без остановки стрелять «максим». Немцы в панике упали. На пару с «максимом» справа заработал ручной пулемет. Идущие в атаку немцы слились с землей, сверху посыпался свинцовый дождь».

К военной лексике можно отнести и звукоподражающие слова: *мин «шалд», «шалд» гилһэд взводи ард тусв* «мины со звуком «шалд»,

«шалд» упали позади взвода; *сумн «таш-пиш», «таш-пиш» гилһэд хаһрв* «снаряды взорвались со звуком «таш-пиш», «таш-пиш»; *төмрин тасрхас һазрт «топ», «топ» гилдэд тусна* «осколки железа падают на землю со звуком «топ», «топ»; *чикна хулхд «жиг-жиг» гисн сумна нислһн ил* «слышится отчетливо звук «жиг-жиг» от летящих пуль».

Из приведенных примеров видно, что калмыцкий язык имеет богатую военную лексику, которая пополняется благодаря заимствованиям, что требует дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пюрбеев Г.Ц. Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха Джирум» // Материалы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добр. вхожд. калм. народа в состав Российского гос-ва. Элиста, 2009. С. 283–285.
2. Бачаева С.Е. Военная лексика в эпосе «Джангар» // «Джангар» в евразийском пространстве: материалы междунар. научн. конф. Элиста, 2004. С. 20–22.
3. Хонинов М.В. Помнишь, земля Смоленская. Элиста, 1974. 273 с.
4. Лосева-Бахтиярова Т.В. Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): дисс... канд. фил. наук. М., 2005. 283 с.
5. Басхаев А.Н. Монголы, ойраты, калмыки. Элиста, 2000. 91 с.
6. Манджикова Б.Б. Лексика «Джангара» (на материале лексем, связанных с наименованием одежды, оружия, предметов быта, жилища) // Джангар и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990. С. 191 – 193.
7. Калмыцко-русский словарь. М., 1977. 768 с.
8. Намжилов Б. Заимствования в монгольской общевойска терминологии // Владимирцовские чтения. М., 1989. С. 110–112.

ББК 81.2-3

РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Н. Ч. Очирова

В статье рассматривается развитие военной терминологии калмыцкого языка, в частности особенности русских заимствований. Заимствованные термины, попавшие в калмыцкий язык в разные эпохи, отражают богатую историю калмыцкого народа и Российского государства.

Ключевые слова: военные термины, заимствованная лексика, исторические связи, фонетические и морфологические признаки.

The article is devoted to the development of the military terminology of the Kalmyk language in particular peculiarities of Russian borrowings. The adoption of terms hitting in the Kalmyk language in the different epoch reflects a rich history of the Kalmyk people and the Russian state.

Keywords: military terms, the borrowed lexicon, historical connections, phonetic and morphological features.

Развитие военной терминологии калмыцкого языка непосредственно связано с историей калмыцко-русских отношений. Калмыцкие конники вместе с русскими воинами участвовали во многих походах в защиту русской земли. Во время Полтавской битвы 1709 г. отряд калмыцкой конницы участвовал в разгроме войск шведского короля Карла XII. В Семилетней войне России с Пруссией (1756–1763 гг.) калмыцкие кавалеристы одними из первых вошли в Берлин. Заслуги Аюки-хана в защите русских интересов в Зауральской степи и на Кавказе в длительной борьбе с Турцией и Персией (XVIII в.) общеизвестны. В Отечественной войне 1812 г. отличились несколько полков калмыцкой конницы, особенно войска 1-го Калмыцкого кавалерийского полка. Калмыцкие воины вместе с русской армией вошли в Париж в 1814 г. Калмыки в рядах Красной Армии участвовали в Гражданской войне. В 1918–1919 гг. были сформированы 1-й революционный калмыцкий и 2-й калмыцкий кавалерийский полки. Наши земляки принимали участие в битве на Халхин-Голе (1938 г.) и советско-финской войне (1939–1940 гг.). Встав на защиту Родины, калмыки отважно сражались на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). В середине 1980-х гг. калмыцкие солдаты в рядах воинов-интернационалистов сражались в составе советских миротворческих сил в Афганистане. На рубеже XIX–XX вв. молодые ребята из Калмыкии, солдаты российской армии, участвовали в боевых действиях в 1-ю и во 2-ю Чеченскую кампании.

Военная терминология – это система лексических средств, обозначающих понятия военной науки и употребляющихся в сфере специального общения [1]. Поскольку военное дело подразделяется на отдельные области, соответственно, можно выделить разные терминологические группы: 1) терминологию тактическую, 2) военно-организационную, 3) военно-техническую, 4) терминологию по родам войск и видам вооруженных сил. Военная наука – очень динамичная, быстро развивающаяся отрасль знаний, и в связи с этим постоянно расширяется и развивается военная терминология.

Известный ученый-лингвист Г.Ц. Пюрбе-ев, отмечая важность исследований в области военной лексики, подчеркивает её актуальность для исторической лексикологии и лексикографии монгольских языков, а также для сравнительно-исторической алтаистики и лингвистической контактологии [2].

Заемствованная терминология занимает особое место в словарном составе языка. Современное информационное общество харак-

теризуется стремительным ростом языковых контактов. Л.В. Доровских по этому поводу пишет: «Значительное число терминов, именуемых понятия предметов, представляет собой заимствования готовых единиц из других национальных языков, вся история формирования языка науки, начиная с самых ранних ее этапов и кончая современностью, сопровождается заимствованием терминов из других национальных языков...» [3].

Еще в прошлом веке отечественные исследователи, занимавшиеся изучением русских заимствований в других языках, выделяли до-революционный и послереволюционный периоды в истории заимствований. В тех случаях, если хронологически точно можно установить дату того или иного заимствования (преимущественно письменного или книжного), то первый период еще подразделялся на ранний и поздний [4].

В заимствовании калмыцким языком иноязычных слов в разные эпохи отразилась история калмыцкого народа и Российского государства. Экономические, политические, культурные контакты с другими странами, военные столкновения накладывали свой отпечаток на развитие языка. Большое количество заимствованных военных терминов проникло в калмыцкий язык из западно-европейских языков через посредство русского языка.

Влияние европейских языков на русский стало ощущаться в XVI–XVII вв. и особенно активизировалось в Петровскую эпоху (XVIII в.). Преобразование всех сторон русской жизни при Петре I, его административные, военные реформы, успехи просвещения, развитие науки – все это способствовало обогащению русской лексики иноязычными словами. Это были многочисленные названия новых тогда предметов быта, военные и морские термины, слова из области науки и искусства.

К латинскому источнику восходят лексические заимствования, которые можно отнести к военным терминам: *операц* – операция, *цензур* – цензура, *диктатур* – диктатура, *революц* – революция и т.д.

Из немецкого языка были заимствованы следующие военные термины: *лагерь* – лагерь, *аштав* – штаб, *командир* – командир, *юнкер* – юнкер, *ефрейтор* – ефрейтор, *патронташ* – патронташ и т.д.

Из голландского языка пришли военно-морские термины: *гавань* – гавань, *вымпел* – вымпел, *матрос* – матрос, *рейд* – рейд, *руль* – руль, *флот* – флот, *штурман* – штурман, *шлюпк* – шлюпка и т.д.

Из английского также были заимствованы военно-морские термины: *барж* – баржа, *мичман* – мичман, дивизион – дивизион и т.д.

Особенно популярными были французские военные термины: *авангард* – авангард, *инрл* – генерал, *лейтенант* – лейтенант, *майор* – майор, *кивти* – капитан, *сержант* – сержант, *артиллерь* – артиллерия, *кавалерь* – кавалерия, *атак* – атака, *марш* – марш, *батальон* – батальон, *салют* – салют, *гарнизон* – гарнизон, *блиндаж* – блиндаж, *сапер* – сапер, *корпус* – корпус, *десант* – десант, *флот* – флот, *эскадр* – эскадра, *дивизион* – дивизион и т.д.

Через французский язык в русский и калмыцкий языки попали и некоторые итальянские слова: *кавалер* – кавалер, *бензин* – бензин, *баррикад* – баррикада, *бастионарсенал* – бастионарсенал, *бандит* – бандит и т.д.

К числу иноязычных заимствований следует отнести не только отдельные слова, но и некоторые словообразовательные элементы: греческие приставки *а-*, *анти-*, *арки-*, *пан-*: *антифашист* – антифашисты, *антигитлеровци* – антигитлеровцы; латинские приставки: *де-*, *контр-*, *транс-*, *ультра-*, *интер-*: *контрразведк* – контрразведка, *интернационалист* – интернационалист; латинские суффиксы: *-изм*, *-ист*, *-ор*, *-тор* и др. *марксизм* – марксизм, *сталинист* – сталинист. Такие приставки и суффиксы закрепились не только в русском языке, они получили международное распространение [5].

Как известно, термины, создаваемые или заимствованные для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов, возникают в результате стремления языка к максимально сжатой и точной передаче информации, т. е. к такой точности, которая могла бы исключать возможность произвольного и субъективного ее толкования. Это находит особое выражение в текстах военной тематики, насыщенность которых специальной терминологией требует от переводчика и участника коммуникации отличного знания не только иностранной военной терминологии, но и адекватной русской военной терминологии и умения правильно ею пользоваться. Поэтому основная трудность в переводе военных текстов – это перевод терминов. Термин, как правило, переводится соответствующим термином другого языка, поэтому такие приемы, как аналогия, синонимические замены, описательный перевод, используются только тогда, когда в языке нет соответствующего термина [6].

В калмыцком языке заимствование происходит различным путем:

а) прямого заимствования: *комиссар*, *разведчик*, *полк*, *концлагерь*, *корпус*, *снаряд*, *миномет* и т.д.;

б) калькирования слов и словосочетаний: *Мөңк Иал* – Вечный огонь, *Улан ээрм* – Крас-

ная армия, *Төрскэн харсачин өдр* – День защитника Отечества, *Төрскэн харсачинрин Санлын өдр* – День памяти защитников Отечества, *Эрэсэн зер-зевтэ чидлмүд* – Российские вооруженные силы, *Хальмг Таңһчин дотр-кергүдин министрств* – Министерство внутренних дел Республики Калмыкия, *Төрскэн Харсгч Алдр дээнэ негдгч девсггин ордена кавалер* – Кавалер ордена Великой Отечественной войны первой степени, *«Германиг дишлсн төлэднь» гидг медаль* – медаль «За победу над Германией», *Дишлврин өдр* – День Победы, *Элстин ветеранмудын Гер* – Элистинский Дом ветеранов и т.д.;

в) описательного перевода: *агчмин зуур тагчг зогсх* – почтить минутой молчания; *бататрмудын үкэр* – братская могила, *нерн уга салдсин бумбд гүрмр цецгэс тэвх* – возложить венки у памятника неизвестному солдату и т.д.

Некоторые заимствованные военные термины в процессе перехода подверглись небольшим фонетическим изменениям:

1. Выпадение или усечение конечных гласных: *эскадриль* – эскадрилья, *бомб* – бомба, *гранат* – граната, *зенитк* – зенитка, *дивизь* – дивизия, *мин* – мина, *капитуляц* – капитуляция, *батарей* – батарея, *ээрм* – армия, *командовань* – командование, *гильз* – гильза, *гимнастерж* – гимнастерка, *блокад* – блокада, *бандформировань* – бандформирования и т.д.

2. Замена последних слогов на редуцированные + согласные: *неми* – немец, *салдс* – солдат и т.д.

3. Переход гласных, вторых и следующих слогов в редуцированные: *кивти* – капитан, *одмн* – атаман и т.д.

3. Прибавление гласного в начале слова: *аштав* – штаб, *инрл* – генерал, *Эрэсэ* – Россия и т.д.

Большинство русских лексических заимствований, относящихся к калмыцкой военной терминологии, в процессе перехода не подверглись каким-либо фонетическим изменениям: *летчик*, *танкист*, *десантник*, *ветеран*, *кавалерист*, *радист*, *батальон*, *тыл*, *бронетранспортер*, *тротил* и т.д. Исходя из лексического материала, следует отметить, что основная часть лексических заимствований представлена существительными [7 – 16].

Как известно, различают морфологическое словообразование (при котором новые слова создаются путем сочетания морфем) и лексико-семантическое словообразование (при котором новые слова возникают в результате переноса наименования или изменения значения без образования нового звукового комплекса). Морфологическое словообразование терминов охватывает следующие спосо-

бы: аффиксация, словосложение, конверсия и сокращение.

Аффиксация – это способ словопроизводства, с помощью которого новые термины создаются путем присоединения словообразующих суффиксов (аффиксов) к основам различных частей речи.

К числу наиболее продуктивных суффиксов, с помощью которых образуются заимствованные военные термины (глаголы), относится суффикс –х: *бомбдх* – бомбить и др.

Часто употребляется глагол **кех**: *дислоцировать кех* – дислоцировать, *мобилизовать кех* – мобилизовать, *атаковать кех* – атаковать; *командовать кех* – командовать и т.д.

Наиболее употребительные суффиксы прилагательных в военной лексике – это -ин, -а/-э: *запасин офицер* – офицер запаса, *дивизин* – дивизионный, *минометин гильз* – минометная гильза, *дээнэ техник* – военный техник. При заимствовании прилагательных происходит усечение конечных гласных: *Гражданск дэн* – Гражданская война, *снайперск бу* – снайперская винтовка, *террористическ акт* – террористический акт и т.д.

Таким образом, выявляются некоторые закономерности в процессе заимствования военных терминов. Заимствованные слова и термины подчиняются правилам словоизменения и словообразования калмыцкого языка. Заимствованная военная лексика из русского языка (а через него из западноевропейских) в калмыцком языке является в большинстве своем терминологической.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нелюбин Л.Л. Учебник военного перевода: спец. курс / Л.Л. Нелюбин, А.А. Дормидон-

тов, А.А. Васильченко [и др.]. М.: Воениздат, 1984. С. 24.

2. Пюрбеев Г.Ц. Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халаха Джигурум» // Материалы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее». Элиста, 2009. Ч. II. С. 285.

3. Доровских Л.В.. Семантическое освоение иноязычной лексики в заимствующем языке. М., 2002. С. 118.

4. Илишкин И.К. О заимствованных словах и терминах в калмыцком языке // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. I. Элиста, 1960. С. 155.

5. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М., 2002. С. 78.

6. Нелюбин Л.Л. Указ. соч., 1984. С. 30.

7. Краткий словарь общественно-политических терминов калмыцкого языка / сост. Б.Д. Муниев, Д.А. Павлов, Д.П. Педеров, Н.Н. Убушаев. Элиста, 1968.

8. Современный монгольско-русский тематический словарь. Орчин үйин монгол-орос сэдэвчилсэн толь / сост. Д. Ульгийсайхан, Л.Г. Скородумова. М., 2008.

9. Большой словарь иностранных слов. М.: ЮНВЕС, 1994.

10. Военный энциклопедический словарь / под ред. И.В. Старкова. М., 2004.

11. Военно-морской словарь / под ред. В.Н. Чернявина. М., 2006.

12. Хальмг үнн. 1999. № 118, № 119, № 120.

13. Хальмг үнн. 2001. № 44–45.

14. Хальмг үнн. 2005. № 97.

15. Хальмг үнн. 2008. № 32–33.

16. Хальмг үнн. 2009. № 24, № 25, № 26, № 29, № 30, № 107.

ББК 83.3 (2 Рос)

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КАЛМЫКИИ

Д.Ю. Зумаева

Статья содержит анализ калмыцких русскоязычных произведений, посвященных теме Великой Отечественной войны. Все стихотворения авторов содержат в себе мотив народной исторической памяти, отражают преклонение перед всеми воинами, самоотверженно и стойко сражающимися с фашизмом.

Ключевые слова: война, родина, патриотизм, память, народный подвиг, победа, чувство вины, прошлое.

This article is dedicated to analysis of the Kalmyk Russian-speaking works of literature, which consider the topic of the Great Patriotic War. All poems of the authors contain the motive of national, historical memory, reflect the admiration for all soldiers, who selflessly and firmly was fighting against fascism.

Keywords: war, native land, patriotism, recollection, people feat, victory, guilt, the past.

бы: аффиксация, словосложение, конверсия и сокращение.

Аффиксация – это способ словопроизводства, с помощью которого новые термины создаются путем присоединения словообразующих суффиксов (аффиксов) к основам различных частей речи.

К числу наиболее продуктивных суффиксов, с помощью которых образуются заимствованные военные термины (глаголы), относится суффикс –х: *бомбдх* – бомбить и др.

Часто употребляется глагол **кех**: *дислоцировать кех* – дислоцировать, *мобилизовать кех* – мобилизовать, *атаковать кех* – атаковать; *командовать кех* – командовать и т.д.

Наиболее употребительные суффиксы прилагательных в военной лексике – это –ин, –а/-э: *запасин офицер* – офицер запаса, *дивизин* – дивизионный, *минометин гильз* – минометная гильза, *дээнэ техник* – военный техник. При заимствовании прилагательных происходит усечение конечных гласных: *Гражданск дэн* – Гражданская война, *снайперск бу* – снайперская винтовка, *террористическ акт* – террористический акт и т.д.

Таким образом, выявляются некоторые закономерности в процессе заимствования военных терминов. Заимствованные слова и термины подчиняются правилам словоизменения и словообразования калмыцкого языка. Заимствованная военная лексика из русского языка (а через него из западноевропейских) в калмыцком языке является в большинстве своем терминологической.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нелюбин Л.Л. Учебник военного перевода: спец. курс / Л.Л. Нелюбин, А.А. Дормидон-

тов, А.А. Васильченко [и др.]. М.: Воениздат, 1984. С. 24.

2. Пюрбеев Г.Ц. Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халаха Джигурум» // Материалы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее». Элиста, 2009. Ч. II. С. 285.

3. Доровских Л.В.. Семантическое освоение иноязычной лексики в заимствующем языке. М., 2002. С. 118.

4. Илишкин И.К. О заимствованных словах и терминах в калмыцком языке // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. I. Элиста, 1960. С. 155.

5. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М., 2002. С. 78.

6. Нелюбин Л.Л. Указ. соч., 1984. С. 30.

7. Краткий словарь общественно-политических терминов калмыцкого языка / сост. Б.Д. Муниев, Д.А. Павлов, Д.П. Педеров, Н.Н. Убушаев. Элиста, 1968.

8. Современный монгольско-русский тематический словарь. Орчин үйин монгол-орос сэдэвчилсэн толь / сост. Д. Ульгийсайхан, Л.Г. Скородумова. М., 2008.

9. Большой словарь иностранных слов. М.: ЮНВЕС, 1994.

10. Военный энциклопедический словарь / под ред. И.В. Старкова. М., 2004.

11. Военно-морской словарь / под ред. В.Н. Чернявина. М., 2006.

12. Хальмг үнн. 1999. № 118, № 119, № 120.

13. Хальмг үнн. 2001. № 44–45.

14. Хальмг үнн. 2005. № 97.

15. Хальмг үнн. 2008. № 32–33.

16. Хальмг үнн. 2009. № 24, № 25, № 26, № 29, № 30, № 107.

ББК 83.3 (2 Рос)

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КАЛМЫКИИ

Д.Ю. Зумаева

Статья содержит анализ калмыцких русскоязычных произведений, посвященных теме Великой Отечественной войны. Все стихотворения авторов содержат в себе мотив народной исторической памяти, отражают преклонение перед всеми воинами, самоотверженно и стойко сражающимися с фашизмом.

Ключевые слова: война, родина, патриотизм, память, народный подвиг, победа, чувство вины, прошлое.

This article is dedicated to analysis of the Kalmyk Russian-speaking works of literature, which consider the topic of the Great Patriotic War. All poems of the authors contain the motive of national, historical memory, reflect the admiration for all soldiers, who selflessly and firmly was fighting against fascism.

Keywords: war, native land, patriotism, recollection, people feat, victory, guilt, the past.

События Великой Отечественной войны все дальше уходят в прошлое, отдаляемые стремительным бегом времени. Все меньше остается участников войны и очевидцев тех событий. Однако годы все глубже высвечивают их первооснову, шире раздвигают границы наших знаний об эпохе народного подвига, и все актуальнее становятся проблемы воспитания патриотизма, чувств сопереживания по отношению к тем, кто пережил военные невзгоды. И если вчера усилия военной поэзии преимущественно были сосредоточены на рассказе о победе над врагом, сегодня – на цене этой победы.

В калмыцкой русскоязычной поэзии война воссоздается через воспоминания отцов, дедов, матерей, вынесших на плечах всю тяжесть военного и послевоенного времени, и добившихся победы своим мужеством и стойкостью. Стихотворения авторов – дань памяти тем суровым дням, преклонение перед величием и самоотверженностью участников боев, выковавших Победу. Тема Великой Отечественной войны воплощается во многочисленных и разнообразных аспектах. Об этом говорят такие произведения, как «Бил пулею отчаянно и хлестко», «Германия», «Где шли бои», «На базаре после войны», «Год сорок пятый» Д. Насунова, «Сражались, брели по ненастью», «Погибшей санитарке» В. Лиджиевой, Р. Ханиновой «Им ничего от нас не надо», «Мертвые сраму не имут», «Мне снилась по ночам война», «Баллада о войне», Н. Деевой «С фронта» и др.

Поэт Д. Насунов видит войну через воспоминания своего детства и послевоенной юности. Она оставила неизгладимый отпечаток в его душе. В произведениях поэта мы видим взаимосвязь героического и трагического. В своем сознании автор бережно хранит память о тех, кто погиб, о том, что вынесли люди во время войны, и какой ценой досталась победа. Стихотворение «Я не забыл, я помню сорок пятый» доносит нам боль тех дней. Поэт напоминает, что война – это не только битвы, сражения, фронт, но и тыл, ожидания близких:

Я не забыл, я помню сорок пятый...
Далекое таежное село.
Вот на закате в сторону заката
Упала женщина неловко, тяжело.
Она, упав, лежала без движенья.
Застывший взгляд и рот полуоткрыт,
И на земле белело извещенье
Со словом убивающим – «убит» [4, с. 22].

Образ «лежащей без движенья» женщины вызывает чувство щемящей жалости, выступает как олицетворение всех солдатских матерей и вдов, потерявших мужей и сыновей в годы Великой Отечественной войны, является скорбным символом бездны человеческого горя и непоправимых потерь, неизбежных на войне. Эмоциональную напряженность, трагичность всего поэтически-

го повествования усиливает эпизод, связанный с проходящим мимо человеком. Убитая горем женщина вызывает у него резкое неприятие:

Слоном протопал мимо и изрек:
У, напилась. Не знает меры, стерва.

Следующие строки естественно развивают предыдущие:

И женщину поднять нам не помог.
А я был хил, и дедушка был старым,
А женщина подняться не могла,
И если был в тот день я санитаром,
Она бойцом израненным была [4, с. 21].

Слова проходящего мимо человека раскрывают его нравственное уродство, бездушие, бесчестие и низменность, отражая, как по-разному война преломляется в чувствах и поступках людей. Описывая случай, возможно, редкий, но по-своему показательный, автор не конкретизирует, кто это был, он пишет: «какой-то серый тип в тулупе сером», утверждая, что ценность людей в военное время измеряется не только выполнением боевых заданий, есть еще одна мера – его «нравственные установления», составляющие основу характера человека. Таким образом, особое значение в стихотворении приобретает такая сущностная особенность человеческой личности, воссозданная поэтом, как умение остаться человеком в бесчеловечных обстоятельствах войны.

Одной из отличительных особенностей художественного воспроизведения военной тематики Д. Насунова является изображение героической судьбы и подвига народа. Так, стихотворение «Где шли бои» посвящено памяти Эрдни Деликова, первого калмыка, получившего звание Героя Советского Союза, погибшего во время обороны Дона от немецких оккупантов. В данном произведении отчетливо проявляется и такая характерная тенденция, как слияние эпического и лирического начал, объединение образа поэта и героя, о котором он рассказывает. Близость поэта и воина, единство их чувств и помыслов привели к созданию произведения, жанровая форма которого носит ярко выраженный лиро-эпический характер и где лирический герой становится участником изображаемых событий.

В самом начале стихотворения предстает батальная сцена войны. Правдиво и драматично передавая в произведении сам дух сражения, Насунов не просто описывает исторические события – силой воображения он представляет себя на месте своего героя, сливается с ним, ощущает себя частью народного целого. Поэт погружает нас в атмосферу войны, густо насыщенную болью, неистовством, ожесточением, страданием, кровью, в ней чувствуется жар боя. Мы словно ощущаем тот накал, то напряжение, которое висит в воздухе. С потрясающей глубиной автор передает и ощущения человека на войне, не щадящего себя во имя

Родины, его душевное состояние. Народный герой Эрдни Деликов предстает в данном стихотворении как носитель высоких нравственных качеств: верности, стойкости, непоколебимой твердости. Это величие проявляется в дерзком бесстрашии, в гордом презрении смерти. Готовность идти до конца – это для поэта высшее начало, которое делает человека человеком:

Травой заросшая воронка,
Не шелохнется тишина...
И всем доступна эта сопка,
А для меня идет война.
Я унесен воображеньем
В те полыхающие дни
И сам участвую в сраженье,
Я не Джангар, а я Эрдни.
Вокруг меня гремят разрывы,
И снайпер целится в меня,
И по лицу мне хлещет грива,
Стрелой летящего коня...
И впереди враги, и справа,
И небо нам источник зла...
И взбухшей веной переправа
На теле Дона пролегла [4, с. 22].

За словосочетанием «взбухшей веной переправа» скрывается колоссальное моральное и физическое напряжение человеческих сил, неодолимая стойкость и великое мужество людей, держащих оборону у переправы и обеспечивающих бесперебойную эвакуацию населения, скота и отход войск своего фронта. Смертельно раненый осколками авиабомбы, до последней минуты отчаянно отражая вражеские атаки, Э. Деликов отдает приказ своему батальону не отступать. Главная тональность данного произведения – это раздумье, стремление осмыслить не только события, но и психологию человека во время боя. В связи с этим Насунов основной своей задачей считает более полное и глубокое раскрытие внутренних побуждений, идейных и нравственных истоков поведения человека на войне. Через метафорический образ «хрипящего», «искромсанного тела» и саму фразу «не отступать» автор передает всю накаленную атмосферу войны, ее болевые точки, ее нерв. Кроме того, через данный образ убедительно выражены и психология самого сражения, и состояние души лирического героя, его переживания за исход битвы, способность, осознав ценность своей жизни, преодолеть страх смерти, пойти на самопожертвование во имя родины и народа. Достойным сыном Родины, настоящим патриотом, по мысли автора, может быть признан лишь тот, кто бестрепетно и самоотверженно борется с врагом.

Оценивая трагическую жизнь Э. Деликова, память о котором несет в себе залог бессмертия, Д. Насунов считает своей обязанностью рассказывать людям о горькой участи тех, кто не дождал победы, и проводит при этом мысль о духовных

и нравственных связях, позволяющих осознавать значение и уроки потерь. В конце стихотворения размышления автора имеют особый эмоциональный настрой, где выражена обостренная способность к состраданию, умение переживать чужую боль как свою:

Фашисты прут осатанело –
И кто-то бросился бежать.
Мое искромсанное тело
Хрипит бойцам: – Не отступать!
Свист бомбы падающей долог,
И надо мной все резче он,
И в сердце бьет мне тот осколок,
Которым Деликов сражен [4, с. 22].

Анализ произведения Д. Насунова дает возможность показать, как воссоздаются яркие индивидуальные характеры участников Великой Отечественной войны, в которых отражены единичные, личностные качества человека, обусловленные его жизненным опытом, воспитанием, своеобразием характера. Поэт в то же время раскрывает общее в них: это героические характеры, выражающие такие сущностные черты, как патриотизм, чувство ответственности за судьбу Отечества и за свои поступки, нравственную активность, способность во имя идеалов социализма и гуманизма совершить героический поступок, подвиг, и если необходимо, то отдать жизнь за общее дело – победу над фашизмом.

Для всех поэтов создание произведений о пережитом – священный долг перед павшими в этой войне, перед человечеством, перед молодежью, которая должна знать, какой ценой была завоевана победа. Поэты взволнованно пишут об ответственности живущих перед памятью павших героев, чувствуют себя виноватыми перед теми, кто пал не долюбив, не осуществив свои мечты и планы. Четкое звучание этой темы можно, к примеру, найти в раздумьях лирического героя Риммы Ханиновой, которая видит войну глазами своего отца, известного калмыцкого писателя, ветерана Великой Отечественной войны Михаила Ванькаевича Хонинова. Стихотворение «Я не была на прошлой той войне» – лаконичное и пронзительное. Оно построено как лирический монолог, где настроение колеблется между двумя чувствами: с одной стороны, автор понимает свою полную невиновность перед павшими на полях Великой Отечественной войны, с другой – в строках пробивается покаянное ощущение своей вины. Стихотворение наполнено чувством сопричастности к воинам, защищавшим нас и наше будущее. Чувство обязательства живых перед павшими, невозможности забвения всего происшедшего – основные мотивы всей военной лирики Риммы Ханиновой:

Я не была на прошлой той войне,
и долг мой, как живущей, он вдвойне
пред теми, кто ушел недолюбив,

пред теми, кто вернулся и кто жив.
Я в каждом вижу моего отца –
они родня до смертного конца:
ведь это им безумно молодым,
развезать удалось военный дым... [1, с. 98].

Или:

«Им ничего от нас не надо,
их завещаньям грош цена.
Для них последняя награда –
что память добрая ценна» [1, с. 103].

Мотив народной исторической памяти звучит и в лирике В. Лиджиевой. Ее произведения о войне утверждают, что в сердцах людей будут вечно живы те, чьей кровью обильно полита земля. Она, также как и предыдущий автор, чувствует себя обязанной всем участникам Великой Отечественной войны и испытывает чувство вечной «вины» перед всеми, отправленными погибать:

Горит на мирном небосклоне ярко
С твоей пилотки красная звезда...
Прости меня, девчонка-санитарка,
За то, что не спасла тебя тогда.
За то, что не было меня на свете,
Когда ты, ясно глядя в синеву,
Сама людей спасавшая от смерти,
Упала вдруг на горькую траву.
И вся земля, объята тревогой,
Склонилась над тобой в тот миг, скорбя...
И ты, прожив так мало и так много,
Погибла, наше счастье торопя [2, с. 2].

Этот же мотив содержит стихотворение Лиджиевой «Там, на войне»:

Нежная девочка в грубой шинели,
Вижу тебя я в огне,
Слышу твой голос живой... Неужеле
Ты до сих пор на войне?
Ты не вернулась. И я виновата
В чем-то всегда пред тобой...
Вижу во сне: ты в шинели солдата
Смело бросаешься в бой [2, с. 2].

Чувство сострадания, глубокая человеческая скорбь и боль за судьбы ближних поэтесса передает и через образы родной природы, мастерски используя при этом прием олицетворения:

Весь в морщинах памяти курган
Горестно вздыхает в тишине.
Степь, седой ставшая от ран,
Шепчет сердцу: помни о войне...
По сухой траве живой росой
Катятся скупые слезы вдов.
Этот кустик, хилый и босой,
ЖметсЯ сироткой к земле отцов [2, с. 2].

Метафорический эпитет «седая» в данном случае передает неутраченное горе матери-степи,

все еще стонущей «от былых военных ран», цепко хранящей в своей памяти всех тех, кто с оружием в руках отстоял честь и независимость Родины, так и не дожив до победы. Ненависть к представителям фашистского мира заставила мать-степь пожертвовать любовью к своим сыновьям, а сыновей – пожертвовать жизнью, имеющей для каждого из них высокий смысл и радость. В образе «седой степи» как бы сконцентрирован трагизм войны, ее антигуманность. Символом вечной памяти становится в произведении образ кургана, немой свидетель военных сражений, выбранный автором случайно. Калмыки, традиционно чувствующие свою близость к природе и придающие особое значение культу предков, относятся к нему как к особо почитаемому, сакральному объекту, «несущему в себе символику горы как центра мира, связующего звена между верхним и нижними мирами...» [3, с. 207]. Таким образом, мы можем полагать, что образ кургана в произведении В. Лиджиевой – это, прежде всего, память, хранитель душ предков, символ связи между миром живых и умерших, аллегория духовного единения прошлого и настоящего народа, истории и современности.

Стихотворения, посвященные теме Великой Отечественной войны, показывают, что через ее события калмыцкими русскоязычными поэтами вводится историческая модель времени. Будущее в настоящем, связанное с прошлым, – именно в такой диалектике скрепляется ими поэтическая связь времен, видится перспектива исторического развития. Отличительная особенность художественного воспроизведения Великой Отечественной войны – стремление через искусство слова более полно и объективно выразить правду о войне, отражение и сущность нравственно-этических категорий, взаимосвязь героического и трагического. Произведения калмыцких русскоязычных авторов несут в себе светлую память о войне, о всех погибших, отражают преклонение перед всеми воинами, самоотверженно и стойко сражавшимися с фашизмом, звучат как завет грядущим поколениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ханинова Р.М. Взлететь над мира суетой. Элиста: АПП «Джангар», 1994.
2. Лиджиева В.Н. Погибшей девушке-санитарке. Я читаю руки отца. Там на войне // Комсомолец Калмыкии. 1981. 1 янв. № 103.
3. Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003.
4. Насунов Д.И. Тамариск: стихи / сост. Д.Б. Пюрвеев. М.: Современник, 1982.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ББК 63.3 (2 Рос=Калм.)

**ВОЙНА, ПЛЕН И ДЕПОРТАЦИЯ
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Э.Х. МУТЛЯЕВА***Б.А. Шантаев*

Статья посвящена описанию событий первых месяцев войны, положения советских военнопленных и депортации калмыцкого народа глазами очевидца, ветерана войны.

Ключевые слова: *военнопленные, депортация, война, ветеран.*

The article is devoted to the description of events of the first months of war, status of the Soviet captives and deportation of the Kalmyk people by eyes of the spectator, the veteran of war.

Keywords: *captives, deportation, war, veteran.*

В преддверии 65-летия Великой Победы над фашизмом мы представляем воспоминания ветерана войны Эренджена Хазыковича Мутляева. Это тем более важно, потому что устные повествования как исторический источник исчезают быстрее, чем другие виды источников. Нетрудно предвидеть, что уже совсем скоро в России не останется ни одного ветерана Великой Отечественной войны. Вместе с их воспоминаниями по капле утрачивается и обедняется история.

Мутляев Э.Х. родился 17 мая 1922 г. в местечке Шорвин Кец п. Цаган-Нур в многодетной семье. Его отец умер, когда ему было 5 лет, и воспитанием детей занимались бабушка и мама Овлур. В ноябре 1930 г. пошел в школу и, закончив 4 класса, продолжил учебу в Малых Дербетах. В 1940 г. вернулся в Цаган-Нур и стал работать учителем математики в 5 - 6 классах.

11 декабря 1940 года его призвали для прохождения воинской службы. Службу начал в г. Черновцы у границы с Румынией в танковой бригаде. Здесь наш земляк встретил начало войны. Попал в плен в сентябре 1941 года в «Зеленой брани». За время пребывания в немецком плену сменил несколько концлагерей на территории Западной Украины, Польши, Финляндии и Норвегии. После освобождения и прохождения проверок в сентябре 1945 г. был отправлен в Новосибирскую область на спецпоселение. В 1957 г. возвратился в Калмыкию и продолжил работу учителем в пос. Цаган-Нур. На заслуженный отдых ушел в 1984 г. Воспитал четверых детей, у него 10 внуков и правнучка. С любимой супругой живет в браке уже 62 года.

Записанные воспоминания имеют особую ценность как свидетельство человека, прошедшего войну, фашистские концлагеря и спецпоселение в Сибири. Все это позволяет нам отнести воспоминания Э.Х. Мутляева к числу ценных исторических источников. Мы сохранили по возможности авторский стиль изложения, переложив его с калмыцкого языка на русский. Некоторые

имена людей, с которыми жизнь свела Э.Х. Мутляева, даны без фамилий, так как автор их не знал или не помнил.

Вот его рассказ: «Меня призвали 11 декабря 1940 года. Одновременно со мною и односельчанина Санджиева Бадму Аршановича. Добираться до ближайшего военкомата нужно было самим. До пос. Кетченеры нас довез на телеге, запряженной верблюдами, Тараненко Пантелей, направляющийся в Ергенинскую МТС. Председатель Сарпинского объединенного военкомата Моников Шорва отправил нас дальше в с. Садовое, сказав, что нас срочно ждут в военкомате. Председатель сельского совета Сукулов Манджи отдал нам свою телегу, по пути мы должны были забрать с собой Кичикова Манджи из п. Шинмер. Но выехали на следующий день рано утром, чтобы можно было двигаться по подмерзшей земле. Декабрь в тот год выдался теплым: днем все таяло, а за ночь немного подмерзло. Из-за дождей и растаявшего снега дороги сильно развезло. Перед отъездом я оставил председателю последнюю свою зарплату, чтобы он передал моей матери. Выехали рано утром, лошади по бездорожью еле волокли телегу с кучером и четырьмя призывниками. Ехали весь день и остановились на ночлег в с. Обильное. На следующий день вечером прибыли в с. Садовое. Поужинав в сельской столовой, отправились в военкомат. Там у нас забрали личные дела и объявили, что мы поедем на место прохождения службы в составе команды из 10 человек. Переночевали в военкомате, застелив пол газетами.

На следующий день после полудня прибыла «полуторка» (ЗИС-5), на которой в Сталинград была отправлена первая команда из 10 человек. Ближе к вечеру нас погрузили на машину и отправили на железнодорожную станцию Абганерово. Но доехать быстро не удалось — по пути машина сломалась. За помощью пришлось отправиться в ближайшее село, находившееся в 3 км от дороги. Взяв вещмешки, всей группой (10 призывников, сопровождающий помощник военкома и шофер)

отправились в село. Добрались затемно. В одной избе горел свет, это был сельский совет. Председатель сельского совета разместил нас в этой избе, но спать пришлось на голом полу. Машину починили на следующий день только к обеду. На станции вечером сели на поезд, следовавший до Ростова-на-Дону. Оттуда добрались до Кишинева, переночевали и на следующий день прибыли на место прохождения службы в г. Черновцы (Западная Украина).

По прибытии на вокзал нас встретил сержант из части № 2125 – пункта нашего назначения. Дорога оказалась длинной: мы строем пересекли весь город, перешли реку и пришли в село. В двухэтажном здании, куда нас привел сержант, не было электричества, а на первом этаже большой зал был застелен соломой. Объявив, что нам придется спать здесь, сержант ушел. Утром он отвел нас в столовую, а затем повел в Дом культуры, где уже собралось много призывников. На кузове машины стоял офицер, который зачитывал список призывников и объявлял им места прохождения службы. Я попал во 2-й учебный батальон 77 танкового полка 33-й танковой бригады Киевского особого военного округа. После распределения нас всех повели в баню, а затем выдали новое солдатское обмундирование. Гимнастерка, галифе и кирзовые сапоги были черного цвета, а шинель и буденовка – стального. Гражданскую одежду, сложив в вещмешки с прикрепленными фанерными бирками, на которых были указаны фамилия и домашний адрес, оставили на складе. Затем нас отвели в двухэтажное здание на второй этаж, где стояли двухярусные нары, и объявили, что наша рота будет располагаться в этой казарме. Через месяц службы перевели на нижний этаж казармы.

Через некоторое время меня перевели в первую роту, состав которой распределили по экипажам танков Т-26. Нас учили ездить танковым строем. Было очень тяжело, так как местность в Черновцах была сильно пересеченной: много оврагов и балок. Это заметно прибавляло сложность при движении. В начале все маневры осуществлялись без танков: пешим строем становились в колонны, командир становился с флажком на возвышенности и подавал знак, по которому все начинали разворачиваться. Тяжелее всех было тем, кто стоял последним в колонне, так как им приходилось бежать вперед. Местами в балках приходилось бежать по пояс в снегу. За день таких тактических упражнений все вещи промокали насквозь. Вечером, придя в казарму, все – от нижнего белья до сапог и шинели – сушили в специальных сушильных комнатах. Утром забирали свои вещи, отбивали высохшую грязь с шинели и начищали сапоги.

Также утром и вечером проходила строевая подготовка. После завтрака проходили политзаня-

тия – читали лекции о международном положении, краткий курс истории ВКП(б). Затем нам читали лекции по материальной части танка. Затем перешли непосредственно к вождению, но тренировок по вождению было очень мало. А тренировка стрельбы из танковой пушки отсутствовала вовсе. До начала войны мы не сделали ни одного выстрела. Стреляли только из танкового пулемета.

Во втором учебном батальоне я был единственным из калмыков. Только в третьем учебном батальоне проходил службу Кичиков Манджи. Он был прикреплен к конюшне кавалерийской части. Раньше, когда Черновцы входили в состав Румынии, здесь располагалась кавалерийская часть. С приходом наших войск часть конюшен перестроили под танковые ангары, а часть оставили за кавалерией. Еще один калмык, Санджиев Бадма, был в роте управления, располагавшейся отдельно от нас. Он был кладовщиком на вещевом складе, так как до призыва в армию работал продавцом в магазине.

22 июня 1941 года нас разбудили в 5 часов утра и объявили боевую тревогу. Обычно по воскресеньям давали спать чуть подольше. Мы сразу поняли, что началась война, так как о ней в последнее время все говорили как о неизбежности. Начало войны ждали еще 28 мая. После того как все собрались на сборном пункте, командир полка объявил, что в 4 часа утра немцы перешли границу и их самолеты бомбят наши города Минск и Киев. Командир полка приказал вывести танки с танкодрома и замаскировать в лесу. Приказ был выполнен. Со склада всем были выданы противогазы и стеклянные фляжки в матерчатом чехле. Эти фляжки быстро оказались разбитыми, когда танкисты залезали в люк своего танка. Вскоре ни у кого не осталось ни одной фляжки. Танки были полностью укомплектованы снарядами и пулеметными дисками.

После завтрака наш полк начал движение к границе. К полудню мы достигли границы и встали у реки Серет (левый приток реки Дуная – *Б.И.*). Как оказалось, рано утром границу перешли румыны и пытались захватить село, в котором располагались пограничники и стройбат. Они совместными усилиями отбили атаку и отбросили румынов обратно буквально перед приходом нашего танкового полка. Позже выяснилось, что жители села (гуцулы) ушли вместе с румынами.

Свой первый бой я принял на границе СССР у реки Сирет. Наш полк оборонял границу до 4 июля 1941 года. Во время боев выяснилось, что наши танки Т-26 могли спасти только от пуль, а немецкие противотанковые орудия пробивали их насквозь. 4 июля пришел приказ отступать, так как немцы стали обходить нас и возникла угроза окружения. Начали отступление и к вечеру достигли г. Черновцы, затем двинулись дальше

к реке Прут. Немцы попытались захватить мост через реку, и к мосту удалось прорваться двум немецким танкеткам, но они были тут же подбиты. Через этот мост проходили пехотные части, а кавалерия ждала своей очереди. Командир полка договорился о том, чтобы танковый полк пропустили до перехода кавалерии. Колонной шли всю ночь и утром повернули к Виннице, но в городе не задержались. Во время марша кормили один раз в день.

Остановились в лесу. Здесь мы приняли бой с немцами. Стрелковые части окопались, но окопы были в виде индивидуальных ячеек, а не сплошных траншей. Наш танковый полк поддерживал стрелковую часть. Танки были врыты в землю по самую башню, но их все равно подбивали. Каждый день мы несли большие потери, а ночью танки выезжали на задание громить тылы немцев. За слабую броневую защиту танкисты называли свои танки «гроб с музыкой». 16 июля были подбиты наши последние танки. Мой танк насквозь пробил противотанковый снаряд, который убил водителя-механика. Если бы снаряд разорвался внутри, то погибли бы все. Можно сказать, только благодаря слабой броне уцелели остальные члены экипажа.

Экипаж танка Т-26 состоял из 3 человек: командира, наводчика и механика-водителя. Я был наводчиком. Перед тем как покинуть машину, командир приказал взять с собой запасной пулемет, так как подбитый танк развернуло в сторону немцев, которые открыли пулеметный огонь. Нам удалось отползти на безопасное расстояние и укрыться. Тут в бой вступила пехота, и наши смогли не только отбить атаку немцев, но и захватить ближайшее село. Беспорядочное отступление немцев позволило захватить немецкие трофеи в виде автомобилей и боеприпасов. После выяснилось, что живыми и невредимыми остались только 3 танкиста и девушка-фельдшер. Она прибыла на полуторке за ранеными. Их погрузили и вывезли, а погибшие так и остались лежать на поле боя не похороненными. Оставшись втроем и посоветовавшись, решили идти в село, занятое красноармейцами, и присоединиться к ним. В село мы пришли с двумя пулеметами, но там нас встретили разгневанные сельские жители, обвинявшие в том, что их бросают на произвол, не защищают от немцев. Мы были не в лучшем положении, пешие и голодные. Днем шли, а вечером окапывались по обе стороны дороги для обороны. В один из дней в 6 утра пришли немцы на 3 танках и пехотой в количестве 60 солдат. Завязался бой. Пулеметами мы отсекали пехоту, и она залегла в пшенице. У стрелковой части уцелела только одна пушка из целой батареи, причем из орудий не удалось подбить ни одного танка. Солдаты уничтожили танки с помощью противотанковых гранат. Огонь пулеметов «Максим» был настолько плотен, что скашивал

пшеницу под корень. Вечером немцы отступили, а мы двинулись дальше.

С тех пор, как погиб танковый полк, кормить нас перестали, и мы вместе с солдатами страдали от голода. Питались растертыми колосками недозрелой пшеницы. Если попадался стручковый горох, то это воспринимали как праздник. Однажды мы набрали на пасеку, но тогда я не знал, что это такое. Солдаты из числа русских накиннули на себя плащ-палатки и ушли, а когда вернулись, принесли мед в котелках. От голода мы ели даже сырую картошку. По пути заходить в села командир запретил, но когда голод очень сильно нас мучил, мы отправлялись на поиски еды в ближайшую деревню. Местные женщины ругались и жаловались, что самим есть нечего, но все равно всегда давали немного молока, хлеба, картошки. Хотя мы ели только раз в сутки, это все же поддерживало нас.

После тяжелых боев остатки 12-й армии (кавалерия, пехота, пешие танкисты и обозники), к которой мы относились, отступили. Подполковник интендантской службы говорил нам, что все автомобили обеспечения, полевые кухни разбиты немцами и нам нечем обеспечить питание отступающих войск. В одну из ночей мы увидели своего начальника штаба подполковника Шамшина, а также его заместителя в чине бригадного подполковника, награжденного орденом Красного знамени за участие в боевых действиях в Испании (фамилию которого наш информант, к сожалению, не помнит – *Б.Ш.*). Вид двух подполковников у обочины дороги, варящих на костре себе еду из риса, навсегда врезался мне в память. Эта картина наглядно показывала наше бедственное положение. Общее количество отступающих было несколько тысяч.

Когда подошли к реке Синюха (приток Южного Буга – *Б.Ш.*) для переправы на другой берег, то оказалось, что единственный мост был разбомблен немцами. Те, кто умел плавать, с наступлением темноты, сняв с себя одежду, стали переправляться на другой берег. В это время немцы освещали реку осветительными ракетами и стреляли по переправляющимся из пулеметов. Была полная неразбериха. Вода в реке была красной от крови. Те, кто не мог плавать, укрывались в прибрежных зарослях, но к утру, поняв, что переправиться им не удастся, пошли к ближайшему с. Подвысокое. Чтобы раздобыть себе пищу, разбились на группы по два человека: если более двух человек, то хозяева не смогут накормить. Нас, танкистов, было 8 человек и за старшего был старшина. Незаметно для нас отделился пехотный лейтенант, шедший с нами. У нас был мешок муки, который дали проезжающие обозники. Добравшись до села, попросили хозяев приготовить нам еду. Один из солдат сказал, что неподалеку есть пустая пекарня, но по

пути к ней мы случайно попали под обстрел снайперов и некоторые из нас погибли. Добравшись до пекарни, поели и собрались отдохнуть, но прилечь не удалось, так как немцы окружили нас и предложили сдаться в плен. Сопротивление было бесполезным, и мы присоединились к другим сдающимся красноармейцам. Единственное, что мы успели сделать, – снять затворы с винтовок и разбросать их по кустам. Нас взяли в плен 7 августа 1941 года.

Немцы всех сдавшихся солдат разместили на ночь в колхозный свинарник, где можно только сидеть, потому что помещение было очень низким. Ночью шел дождь, и к утру мы совсем промокли. Утром всех построили и вели весь день, вечером остановились на ночлег, но нас не покормили. Утром прибыла грузовая машина, и всем раздали по булке черного хлеба весом по 700 граммов. На оберточной бумаге я заметил надпись, что хлеб был выпечен в 1913 году. Остатки хлеба сложили в вещмешки – немцы запрещали есть в пути. Вечером нас привели в лагерь для военнопленных, построенный еще до войны и использовавшийся теперь по прямому назначению. Мы поужинали оставшимся хлебом и водой, которую мы набирали в свои котелки из водовозки, специально пригнанной вечером на территорию лагеря. Дождь лил всю ночь. Вообще 1941 год выдался особенно дождливым.

Через несколько дней мы добрались до г. Умань (Черкасская область Украины Б.Ш.). Мы провели два мучительных дня в котловане кирпичного завода без еды. Только на третий день, перед отправкой, выдали галеты. Через несколько дней дошли до г. Винница. Лагерь был расположен в нашем военном городке. Питались мы только гороховым отваром по пол-литра в сутки. От такого питания было много ослабших, которые даже не могли самостоятельно передвигаться. Нас все время держали под охраной и никуда на работы не водили.

В конце августа меня и других посадили в вагоны и привезли в Бердичев. Там условия для военнопленных были немного лучше, утром давали кофе (отвар прожаренного ячменя – Б.Ш.) и 300 грамм хлеба. После завтрака гнали на работу, а вечером кормили баландой, которую называли макаронным супом. Вместе с пленными выгоняли на работу и местных женщин. Они приносили с собой еду и делились с пленными. Пленные работали командами, численностью по 50 – 60 человек. Продуктов, которыми делились украинские женщины, было мало, всем доставалось по чуть-чуть. Работу выполняли разную: на кожевенном заводе, на лесопилке, на железнодорожной станции. Однажды нас просто так сильно избили солдаты-венгры, которые таким образом хотели выслужиться перед немцами. В Бердичеве я встретил другого

калмыка – Онтиева Хаалгу (Онтин Хаалһ) из поселка Сарпа (Онтиев Хаалга ушел на фронт в 18 лет и не вернулся – Б.Ш.) [ПМА: Боктаев Ш.В., Далтаева Б.У.]. Вскоре местных украинцев из числа пленных стали отпускать домой, и они перед уходом отбирали у всех хорошую одежду. У меня отобрали шинель, а у Онтиева Хаалги кроме шинели отобрали еще и сапоги. Мои сапоги сильно износились, из двойной подошвы осталась только одна, поэтому они их не взяли. Случилось это в ноябре 1941 г.

На очередной работе под проливным дождем в одной гимнастерке я заболел, и у меня поднялась температура. В лагере была санитарная часть, расположенная в полуразрушенном двухэтажном здании с заколоченными фанерой окнами. Онтиев Хаалга повел меня в санчасть, где нас встретили два санитар, грузины по национальности. Один из санитаров осмотрел и сказал, что я счастливчик, так как у них есть свободное место. Мне принесли две шинели: одну – подстелить под себя, а второй – хорошо укутаться. Из-за высокой температуры я стал бредить и временами терял сознание. Так прошло два дня. Когда очнулся, то услышал, что мне говорят: ешь, ешь, а то умрешь. Кто-то в рот старательно заталкивал кусок хлеба. Это оказался сосед, молодой парень. Он принес еще «кофе» в котелке. Через 5 – 6 дней температура стала спадать. Лекарств не было, санитар делал только внешний осмотр, а температуру проверял, прикладывая ладонь ко лбу. Главным в санчасти был военврач в летной форме, тоже грузин, приходивший на осмотр больных. У него был простейший стетофонендоскоп в виде трубки, которым он прослушивал больных. Это был единственный медицинский инструмент в санчасти. Люди в санчасти умирали часто, и на освободившиеся места прибывали новые больные.

Всю зиму 1941 – 1942 гг. я провел в санчасти. В палате находились две железные бочки, где разводили огонь, а ночью топили только одну бочку, и за огнем следил парень с соседних нар. Общего количества больных мы не знали, так как здание было двухэтажным и свободное перемещение по нему было запрещено. В помещении, где я был, находилось около 60 человек. Кормили мало, только чтобы не умерли с голоду. Помогали друг другу, чем могли. Я был настолько обессилен, что долгое время даже не мог самостоятельно подняться на свои нары. В конце апреля меня и еще двух человек при очередном медосмотре немецкий военный врач признал вполне здоровыми. Но мы оставались физически слабыми, поэтому нас перевели в так называемое отделение доходяг. Судьбу своего пропавшего земляка Хаалги Онтиева я выяснить так и не смог.

Через некоторое время привезли новую партию военнопленных из харьковского котла, но их

держали отдельно, в другом корпусе, отделив от остальных колючей проволокой. Но мы все равно старались перекрикиваться через проволоку. Среди них были калмыки, но имена их узнать не удалось: только удавалось крикнуть друг другу «менд, хальмгуд», как тут же угрожающе кричала охрана.

В начале лета 1942 года нас отправили поездом в Польшу (название города информант не смог вспомнить – *Б.Ш.*). Там нас долго держали под охраной, не отправляя на работы, а кормили баландой. Здесь я встретился с якутом по фамилии Прокофьев, который до войны работал учителем, и корейцем-шофером, которого звали Иван Ким. В личных делах пленных немцы записывали вероисповедание, я и кореец были записаны буддистами, якут тоже записался буддистом, поэтому нас троих оставили в одной группе.

В начале августа нас переправили в другой лагерь на территории Польши, в котором было много пленных. Нас прибыло 10 человек, и мы попали в 55-ю полусотню. В группе были представители народов коми и мари. Кроме того, в лагере было 11 калмыков. Как потом выяснилось, калмыков собирали по 1 - 2 человека со всей Польши и свозили в этот лагерь. Их имена я запомнил: Буваев Баазр Балаканович (Бууван Баазр) из пос. Харба, Манджиев Гриша из пос. Ульдючины, Кариков Дорджи из пос. Шинмер, Алуюев Боова из с. Червленое Сталинградской области, Бавуев Улюмджи из пос. Шарнут (он был в годах, умер в лагере), Абушинов Кузьма Иванович (из Ростовской области, до войны работал в с. Садовое судебным писарем, в армии служил в полку у В.А. Хомутникова), Маркеев (имени не помнит – *Б.Ш.*), который про себя говорил, что он ставропольский чабан, Утиков Санджи (из Ростовской области) о себе говорил, что работал табунщиком, был заядлым курильщиком, половину утренней пайки хлеба выменивал на табак, Эренцен (фамилию не помнит – *Б.Ш.*) из Юстинского района. Также с нами общался русский парень по имени Федя (фамилию не помнит – *Б.Ш.*) из Сталинградской области, умер в лагере, жил со своими однополчанами, а не с калмыками. Всего нас было 11 калмыков, из которых впоследствии умерло от голода 4 человека. В лагере нам выдали кирзовые сапоги взамен деревянных колодок, дали солдатские шинели, фуфайки, солдатские зимние шапки. После того как всем выдали теплое обмундирование, из разговоров мы поняли, что повезут туда, где холодно.

В августе 1942 г. нас привезли в Финляндию в аэропорт Наутси (освобожден войсками Карельского фронта 7 октября 1944 г. – *Б.Ш.*), который раньше был советским аэропортом. Там я встретил Расстегаева, работавшего в 1931 - 32 гг. заведующим Цаган-Нурской сельской школой. Привезли 2500 пленных, здесь нас ждала пустая земля, ого-

роженная колючей проволокой, и ни одного здания. Одну команду выделили для строительства фанерных бараков, которые по внешнему виду напоминали калмыцкие кибитки. Параллельно шло рытье землянок. Когда бараки были построены, и в них поселили пленных, то вскоре прилетели советские самолеты и разбомбили аэропорт. В один из бараков попала бомба, и все находившиеся там погибли. Работы было много, но основная деятельность была сосредоточена на подготовке взлетно-посадочной полосы: бугры и землю оттуда засыпали в низменные участки и «трамбовали». Валили лес, корчевали пни, а потом мерзлую землю ломали и тачками уносили подальше. Была еще команда, которая занималась заготовкой дров для бараков. В общем, работы на аэродроме было много.

Калмыков в живых осталось семеро. Там было еще пятеро бурят, но четверо умерло от тяжелой работы и голода. В живых остался один, молодой парень Василий Дамдинович Гомбоев, он был старше меня на 2 – 3 года и стал держаться с калмыками. Был очень мастеровитым, умел вырезать разные поделки. Из березы вырезал шкатулки, табакерки, а я украшал, выжигая на них узоры. Баазр Буваев, как самый «шустрый», сбывал товар немцам. Все остальные, подойдя к немцам, робели и не могли предложить свой товар. Иногда за шкатулку или табакерку давали целую буханку хлеба, но чаще меньше. Если находили бронзовую монету, то Василий Гомбоев делал из нее красивое кольцо. За кольцо давали буханку хлеба, а когда повезет, – ведро картошки. Тогда мы варили хлебный суп, смешивая хлеб с картофелем. Кузьма Абушинов умел хорошо танцевать гопака, барыню, когда немецким конвоирам привозили обед, он начинал перед ними танцевать, а немцы за это ему давали поесть (к сожалению, как сложилась судьба Кузьмы, Эренджен Хазыкович не знает; Баазр Буваев вернулся с войны и прожил долгую жизнь, умер в 1993 году – *Б.Ш.*). Так мы сумели не умереть с голоду. В таких тяжелых условиях молодой возраст помогает выдержать все испытания. Кто был старше возрастом, все погибли от непосильной работы и голода.

В мае 1943 г. часть пленных, в том числе пятерых калмыков и Василия Гомбоева, на машинах отправили в другой лагерь в г. Салмиярви (ныне находится на территории республика Карелия – *Б.Ш.*), где мы работали на каменоломнях. Работа заключалась в том, что горные породы взрывали динамитом, а мы собирали и вагонетками свозили камни в камнедробилку. Получившийся щебень вагонетками вывозили и ссыпали неподалеку. В августе Василий нашел березовую палку и сделал из нее трость, набалдашник которой был похож на руку. Я выжег еще более четко пальцы и ногти, и трость получилась по-настоящему красивой и

необычной. Её Баазр Буваев обменял на продукты у конвоиров, а у тех ее заметили немецкие офицеры. После этого к ним пришел немецкий офицер с армянской фамилией и стал интересоваться, почему мы вырезали знак немецких коммунистов «Рот Фронт». Мы ответили, что ничего не знаем об этом, но, как попавших под подозрение, через три дня после допроса меня, Василия Гомбоева и Баазра Буваева вывезли в другой лагерь в Петсамо (ныне поселок Печенга в Мурманской области – *Б.Ш.*). Петсамо от Наутси находился примерно в 30 км. Это было уже в августе 1943 г.

По прибытии в лагерь Петсамо мы встретили еще двух калмыков, которых привезли из норвежского Киркенеса, – Костю Нимгирова из Лагани и Манджи Горяева из Приволжского улуса. В Петсамо пробыли до октября 1944 г. Там мы возили бомбы из порта Петсамо на автомашине. Трое грузили автокраном, а трое – разгружали. Команда была интернациональной: калмык, бурят, три татарина из Башкирии и один мариец, которого все звали Володя-мариец. В один из дней мы попали под бомбежку, и Володя-мариец чуть не погиб. В лагере были два сапожника – белорус и татарин, которые иногда доставали немецкие газеты и просили меня почитать, о чем там пишут. Так я узнавал новости о фронте.

В один из вечеров, когда уже темнело, я пошел читать газеты к сапожникам, и в это время объявили воздушную тревогу. В темноте прилетели наши «кукурузники» (По-2) и стали бомбить порт. У сапожников газет не было, и я направился в бомбоубежище по настоянию прибежавшего Василия. И только я стал спускаться в бомбоубежище, как за спиной раздался взрыв и меня засыпало землей. Василий, ругая меня за неосторожность, втащил в бомбоубежище. После авианалета мы с Василием вернулись к барaku, а он оказался наполовину разрушен, в нем погибли старик и оба сапожника. Еще одна бомба попала в туалет, возле которого находилась щель для наших охранников с вышек. При взрыве волна экскрементов заполнила окоп с немцами. Их затем отвели в баню, где мылись узники лагеря. Я услышал как, выходя из бани, они говорили, что «лучше русское дерьмо, чем русская бомба».

Не выдержав дальнейшего пребывания в плену, Василий Гомбоев отчаялся и решил перейти на службу к немцам. Он надеялся попасть на передовую и перейти к своим при первом удобном случае. Никакие наши уговоры на него не действовали. Дальнейшая судьба Василия осталась для меня неизвестной.

Во время наступления наших войска подошли так близко, что была слышна орудийная канонада. Поэтому нас перевели на новое место. Шли быстро днем и ночью под конвоем солдат и их овчарок. Прибыли в норвежский порт Киркенес, где

переночевали. Затем всех, кто был в лагере Киркенес, и вновь прибывших собрали в одну колонну и повели дальше. Шли по дороге мимо фьордов, на ночлег останавливались там, где заставала ночь. Спать приходилось на снегу. Перед тем как лечь, сгребали сапогами снег в сторону и стелили одну шинель, а другой укрывались. Немцы приказывали ночью никому не вставать. Тех, кто вставал по нужде, расстреливали на месте. Кто отставал от колонны, тоже расстреливали на месте. От интенсивной ходьбы у меня стала болеть и отекает нога. Идти становилось все тяжелее, и на ум стали приходили мысли о близкой смерти. Идти мне помогали Баазр и Костя, подхватив с обеих сторон. Так достигли одного лагеря, но мы пошли дальше и заночевали под открытым небом. Утром всех повели обратно и привели к лагерю. Это был ноябрь месяц, и мы оказались в норвежском г. Бардусе.

Первым делом по прибытии я обратился за помощью в санчасть. Врач был пленный, русский по национальности, с двумя помощниками-санитарами. Осмотрев ногу, он спросил: «Как ты мог терпеть такую боль и еще идти?» Отек был до колена. Врач вскрыл опухоль выше пятки в области ахиллового сухожилия простым ножом, предварительно нагрев над огнем. Из лекарств у него была зеленка. Обработав тонкую полоску ткани зеленкой, он затолкал ее в рану и перевязал тряпками. Каждое утро я ходил на перевязки. Боль была сильной, так как тряпочка в ране высыхала, а ее нужно было извлечь, чтобы сменить. Врач оставил меня в санчасти, и я потихоньку пошел на поправку, жар стал отпускать, отек начал спадать, а рана затягиваться. Место мне определили возле печи. Все дни, которые пробыл в санчасти, я спал. Но долечиться мне не дали, пришел немецкий врач и выписал меня, сказав, что нужно идти работать. Я попал в команду, которая строила туннель в горе. Там было все же теплее, чем на улице. Бурильщики готовили шурфы для закладки взрывчатки, после этого приходили немцы, закладывали динамит и взрывали, а потом мы всю породу вывозили вагонетками и высыпали за краем аэродрома. Меню нашего дневного рациона состояло из баланды, «кофе», а на 4 человека выдавали 1 буханку хлеба (300 грамм на человека).

В марте 1945 года немцы уже поняли, что их поражение неизбежно, и пленных перестали гонять на работу. Ослабевших людей было много. Они продолжали умирать, несмотря на то, что никто не работал. 7 мая 1945 года к пленным вышел немецкий фельдфебель, начальник лагеря, и объявил, что война закончилась – «немец капитулировал!». Комендантом лагеря был русский пленный из Ростовской области по имени Жора. Вытащил приготовленную заранее красную тряпку и сделал из нее флаг, который вывесили над лагерем. Затем был митинг. Серб Евлич торжественно прикрепил

на гимнастерку свой орден Красного Знамени, который сберег, прибинтовывая к подколенной ямке.

На следующий день в лагерь приехали представители норвежского Красного Креста и выдали каждому по буханке хлеба, а в крышку котелка налили рыбьего жира. Мы, калмыки, решили между собой, что жившим впроголодь нельзя есть сразу много, и каждый из нас съел немного хлеба, намоченного рыбьим жиром. При всей осторожности нам все же было тяжело от съеденного. Те же из пленных, кто съел больше привычного, выдаваемого им немцами пищевого рациона, заболели. Многие страдали от желудочных расстройств, рвоты. Много умерших людей находили в уборной – от съеденной пищи у них начиналась диарея и рвота одновременно.

Освобожденные норвежские заключенные стали членами полицейских команд, поварами, из них выбрали начальника лагеря и т.д., так как жизнь в лагере продолжалась. Затем всех заключенных повезли в настоящую норвежскую тюрьму, где содержались политзаключенные. Тюрьма была по сравнению с лагерем комфортным местом. Вместо привычных бараков стояли двух-трехэтажные финские домики. Через некоторое время прибыл советский представитель, который приказал нам создать свой комитет и воинскую часть из числа военнопленных. Из числа пленных старшим по званию был один подполковник, который разделил всех на батальоны и роты, назначил командиров. Затем наши представители совместно с норвежской полицией привезли на машинах с немецкого склада 2-месячный запас продовольствия, который сложили в склад. Это были сухпайки немецких солдат. Затем приехали представители английских вооруженных сил и также выдали нам запасы продовольствия. Питание настолько улучшилось, что свинину ели каждый день, и некоторые заметно набирали вес.

Пришло время отправляться на родину. В первой команде отъезжающих были только сержанты, в том числе Костя Нимгиров и Баазр Буваев. Мы с Манджи Горяевым остались. В июле месяце нас из Бардусоса повезли на немецких автобусах, за рулем которых сидели немецкие водители, в порт Зарайза. Небольшой части пленных не хватило автобусов, их доставили на грузовых автомобилях. В этом порту я встретил своих земляков, оставшихся в Наутси, – Дорджи Карикова и Гришу Манжиева. Но все мы были в составе разных команд, поэтому отправились на родину разными пароходами и в разные порты. Я прибыл на пароходе в г. Мурманск, отсюда нас сразу же погрузили в вагоны и отправили в г. Вышний Волочёк Калининской области (ныне Тверская область – *Б.Ш.*) в фильтрационный лагерь. Чтобы подтвердить невиновность, нужны были два свидетеля, которые могли подтвердить мои показания. У меня свидетелями

были Дурасов (русский) и Халипа (украинец). Дурасов был командиром нашей полусотни в местечке Сельцы с 1942 года. Халипа был партизаном, попал в плен и был вынужден сменить фамилию. Оказалось, что настоящая его фамилия была Лега. Он с нами находился в Петсамо с 1943 года. Оба потом работали механиками в автомобильном гараже. Часто помогали Василию Гомбоеву тем, что приносили необходимые инструменты для изготовления шкатулок и портсигаров (пассатижи, наждачную бумагу). Следует сказать, что в фильтрационном лагере к нам относились хорошо, никто никого не обвинял, ведь туда попали только те, кто не сотрудничал с немцами. Пособников фашистов, которые работали в лагерной полиции, добровольно сотрудничали, еще на раннем этапе отфильтровали и отправили в другой лагерь.

После необходимых проверок меня и Манджи Горяева признали невиновными. Освободили по 1-й категории и должны были отправить на Дальний Восток на войну с Японией. Однако война к тому времени закончилась, и всех отправили на работу собирать картошку в колхоз в Калининской области на две недели. Кормили в колхозе супом из картошки и капусты. Утром и вечером выдавали по 300 грамм черного хлеба. После окончания работ в колхозе привозили обратно в лагерь. В сентябре 1945 г. объявили, что нас отправляют в Новосибирскую область. Нам выдали вещмешки, хлеб, комбиджир, и отправили поездом под охраной двух вооруженных сержантов. Поезд прибыл в Москву на Ленинградский вокзал, откуда мы перешли на Казанский вокзал и сели в поезд в г. Новосибирск. По пути выяснилось, что охранниками были русские из Удмуртии. На одной из станции (названия не помнит – *Б.Ш.*) мы сошли. Оказалось, что там жила тетя одного их охранников. Он попросил свою родственницу, чтобы она оставила нас у себя дома на пару дней, а сержанты отправились дальше, к своим семьям. Старушка кормила нас картошкой и хлебом. Чай варила из травы.

Через два дня один охранник вернулся, а второй остался дома. С ним мы прибыли в Новосибирск и направились в управление НКВД. Там мы встретили одного работника НКВД, который, к нашему удивлению, оказался калмыком. Он не поздоровался с нами и даже не смотрел в нашу сторону, явно выказывая свое неудовольствие, а сопровождавшему нас сержанту сообщил, что нас нужно доставить на ул. Ядрицовского, д. 48, в сельский районный отдел милиции. Там молодой лейтенант милиции расписался в бумагах охранника, что принял двух человек, и после ухода охранника сказал: «Если раньше сопровождала вооруженная охрана, то теперь можно передвигаться без сопровождения. Вы свободны, но лучше никуда не ходите. Где мы укажем, там и будете жить

и работать». Там же находился пожилой калмык Шарманжинов.

После этого он нам троим выписал направление в 1-й совхоз им. НКВД. Оказывается, что было 2 совхоза со сходными названиями: один – 1-й совхоз им. НКВД, а другой – 1-й совхоз им. Чкалова. Выйдя из отделения, мы по незнанию попали сначала в совхоз им. Чкалова. Найти дорогу в совхоз им. НКВД нам помог калмык, который пригласил к себе в дом, напоил калмыцким чаем и накормил картошкой. Уже в сумерках мы пришли в совхоз. Застали директора в конторе, представились, предъявили выданные справки из милиции. Он приказал жилищному коменданту отвести нас в столовую, определить на временный ночлег, а утром выдать талоны на еду. Ужин состоял из двух блюд: суп с картофелем и квашеной капустой, пюре из картошки. Хлеб здесь выдавали по карточкам в количестве 500 грамм в день на человека. Во время завтрака в столовую вошли Баазр и Костя, встреча была радостной. Выяснилось, что они приехали на три дня раньше нас и работали в гараже грузчиками. Как они нам объяснили, зарплата была высокой, и при хорошей работе дополнительно выдают хлеб. Они работали на лесовозах и в день успевали сделать один рейс. Первую ночь в бараке, в который нас определили для постоянного проживания, мы провели плохо: вдвоем спали на железной кровати, и всю ночь нас кусали клопы.

На следующий день мы пошли к директору и по совету наших друзей попросились на работу грузчиками на лесовозы. А Шарманджинов сказал, что до войны был конюхом, и попросил директора направить его работать конюхом. Его просьбу удовлетворили. Как оказалось, в совхозе уже работал конюхом мой земляк Санджи Горяев, тоже приехавший незадолго до нашего появления.

Впятером (с нами работал еще один калмык Шурганов Лиджи из Лагани) мы до обеда успевали загрузить все три лесовоза, привезти и разгрузить. Еще один рейс делали после обеда. За хорошую работу заведующий гаражом сделал надбавку к хлебным карточкам: к 500 граммам хлеба добавили еще 200 грамм. В конце октября выпал снег, а в ноябре ударили морозы. За ударный труд шоферов лесовозов и четверых грузчиков пригласили на торжественный ужин, на котором каждому выдали по бутылке водки и по одному сырку в качестве награды. Мы с Баазром Буваевым одну бутылку сразу убрали, чтобы продать и выручить деньги. Из второй бутылки мы во время ужина выпили по 100 грамм, а затем закрыли ее и оставили с сыром для Лиджи Шурганова, который почему-то не вошел в списки, и еще одного старика-калмыка (не помнит имя – *Б.Ш.*). Они очень обрадовались и произнесли много благопожеланий. Утром мы продали бутылку водку за 160 рублей, а деньги

разделили поровну. Уверенности нам добавило получение аванса в размере 60 рублей.

С наступлением морозов стало невозможно выходить на работу в легкой одежде и ботинках, так как приходилось ездить на борту лесовоза. Получив карточки на питание за ноябрь, обратились с просьбой о выдаче теплой одежды к заведующему гаражом. Через несколько дней заведующий гаражом вызвал нас к себе, где нас ждали зам. директора Козлов и полевод Зубков. Козлов обратился к нам и сказал, что в курсе наших проблем и что за хорошую работу нам выдадут валенки, ватные штаны, фуфайки, но с удержанием их стоимости из зарплаты. Через некоторое время Костю и Манджи забрал руководитель молочной фермы открывать силосные ямы. Нас четверых – троих калмыков и пожилого немца-моториста – забрал на работу полевод Зубков. Мы прибыли с ним в пос. Коченёв. Питание здесь было лучше, чем в совхозе: первое и второе блюда были мясными. На постой нас определили в новую еще сырую землянку, в которой пришлось долго топить печь, чтобы постепенно просушить ее. Для питания выделили мешок картошки, который нам привезли на собачьих санях. Бригадир сказал, что голодать мы не будем, как закончится картошка, он даст еще. В соседней большой землянке жили старики-калмыки, которым бригадир тоже привез картошки. Их привезли на работы в составе рабочего батальона. В первую же ночь по прибытии мы вышли на работу в ночную смену на пресс. Я работал подавальщиком сена на прессе, а Мокаев Бемб с русской женщиной вязали тюки. Баазр Буваев брал готовый тюк сена, подвешивал на крючок и вез укладывать, а два пожилых калмыка Савг Ходжинов (из Большедербетовского района) и Буурл Эрднинов (из Яшкульского района, близ Чилгира) – на лошади, запряженной в сани, привозили сено со скирда и сгружали у пресса. Работать старикам приходилось в 40-градусный мороз без теплых рукавиц и обуви. Один был в ботинках, а другой – в кирзовых сапогах. У них мерзли руки («горели» от мороза), и они грели их за пазухой. Когда выдался случай сходить на базар, я купил две пары суконных рукавиц для стариков. Они были большие шутники и спросили у меня: «Эренджен, как ты узнал, что нам такая вещь нужна была?».

Норма смены была – 10 тонн прессованного сена. Работавшие до нас прессовали за смену только 7 - 8 тонн сена. После того как мы в первую ночную смену выполнили норму в 10 тонн, нас перевели в дневную. В дневную смену мы тоже перевыполняли план и успевали прессовать 12 – 13 тонн сена.

В воскресные дни мы ходили на базар, где покупали молоко по просьбе Савг для приготовления калмыцкого чая. Сварив чай, он приносил его в землянку к молодым и просил попить чай вместе

с ним. Говорил, что если пить калмыцкий чай хотя бы раз в неделю, то настроение будет улучшаться. Во время работы, глядя на мои руки, шутя говорил, что они не то что в работе, в драке плохие помощники. Шутки ради хватал за пояс и поднимал меня над своей головой. Руки у него были большие, а кулаки – с голову ребенка.

Благодаря заботливому бригадиру жить впроголодь не приходилось. Он приходил в землянку и всегда проверял наличие картошки. Если картошка заканчивалась, он высыпал остатки на пол, забирал мешок и возвращался с полным. В работе незаметно прошла зима, и с наступлением весны бригадир отправил нас обратно в совхоз на весенние полевые работы. Там мы работали в полевой бригаде. Меня, как грамотного человека, назначили весовщиком. Мы отгружали семена для сеялок. Нам с Баазром Буваевым дали участок в 5 соток земли, где мы посадили картошку. Однажды Баазру пришла заверенная врачом телеграмма от отца, что он находится при смерти. Его отпустили навестить отца в Камский район Красноярского края. Когда Баазр прибыл на место, то оказалось, что муж его младшей сестры был комендантом, и он помог родственнику остаться около отца.

В 1945 году через переписку с Яманом Анджураевым я выяснил, что мама работала на чабанской точке в Ужурском районе Красноярского края. У нее все было относительно благополучно, она была хорошо одета и обута. Она дважды высылала вызов для меня, но комендант с недоверием относился к тем, кто побывал в немецком плену, поэтому прятал вызовы. А на третий вызов он сообщил Яману, что это не положено, и посоветовал мне перевезти маму к себе. В 1946 году я работал сначала замерщиком, потом учетчиком. После окончания сезонных работ обратился к своему бригадиру с просьбой отпустить, чтобы съездить за матерью. Незадолго до этого получил письмо от своего родственника Эренджена Зельмеевича Санджиева. Он писал, что мама находится в плохом состоянии, у нее нет одежды, обуви, еды. Единственный старый тулуп забрали на обработку и привели в негодность. Работать она уже не может и не сможет пережить зиму. Чтобы поехать за матерью, я за две тысячи рублей продал 2 тонны сена, данные мне за хорошую работу. На эти деньги я купил матери солдатские ботинки и теплую синюю шинель, так и не поняв, какой род войск носит такие шинели. На валенки денег не хватило.

Денег должно было хватить на дорогу в оба конца. Но в Новосибирске никак не удавалось купить билет, в кассах все время отвечали, что билетов нет. Пришлось ехать обратно в Коченёв и обратиться за помощью к своему бригадиру, который был в хороших отношениях с работниками желез-

нодорожной станции. Он смог купить мне билет до станции Ачинск Красноярского края на проходящий московский поезд. Более того, бригадир попросил дежурного по станции посадить меня на 6-часовой поезд, так как проводники, бывало, по утрам не открывали двери вагонов. До посадки на поезд пришлось прождать до 9 часов утра, потому что он пришел с опозданием. На перроне станции Ачинск увидел мужчину, похожего на калмыка, в черном драповом пальто с каракулевым воротником и каракулевой шапке, в белых валенках. Поздоровались, разговорились. Выяснилось, что едет из г. Абакан, везет 13-летнего внука его родителям на станцию Боготол. Моего нового знакомого звали Иван Кузнецович Илишкин, он работал преподавателем в Абаканском пединституте. Оказалось, что он пропустил уже несколько поездов, так как проводники не компостировали его билет, ссылаясь на отсутствие мест. Это было в феврале 1947 года. Следующая наша встреча произошла в Элисте в 1957 году, когда я приехал на курсы в облоно. В тот же вечер я сел в поезд, направлявшийся из Красноярска в Абакан, а утром рано уже прибыл на станцию Ужур.

По пути к Яману встретил своего родственника Санджу Шовгурова, который занимался спекуляцией: покупал в Ужуре чай, соль, спички и отвозил на поезде в ближайшие села, где и продавал их с наценкой. На эти деньги и жил. Я купил Санджи 150 грамм водки, чтобы он благословил мою дорогу. До этого он рассказал мне, как пройти до дома Ямана. Проходя через базар, возле которого жил Яман, встретил Борху Бальджирова, который уже точно показал нужный дом. Там мне сказали, что матери нет, ее забрала родственница Байн Буваева в совхоз им. Сталина на чабанскую точку Пюрви Оляева. Там было достаточно еды (дойная корова и картошка), чтобы выжить. Как выяснилось, расстояние от Ужура до чабанской стоянки составляло 25 км. Доехать можно было только на попутках. На счастье, в этот день на базар приехали Пюрвя Оляев и Сергей Эняев продавать мясо коровы. К вечеру они продали мясо, и мы выехали на чабанскую точку. Рядом с точкой была маленькая ферма, где жили мои земляки: учитель Апу (Эпэ) с детьми, Басанг Церенов с племянниками и недавно вышедший из тюрьмы гелюнг Джанчу. Апу и Басан были рады встрече и показали письма моего знакомого Намыра, погибшего на фронте. Через два дня меня, сестренку Гилян и мать повез в Ужур Эня Лиджиев. Он был неграмотный и попросил меня отправить срочную телеграмму своему сыну Улюмджи, который работал на заводе им. Чкалова в Новосибирске, в который просил его вернуться. Как потом выяснилось, Улюмджи, получив телеграмму, тут же вернулся. Я же привез родных к себе в 1-й совхоз НКВД.

До осени 1947 г. я работал учетчиком на Тулеевском участке. Со мной теперь жили мама и сестренка Гилян. Осенью нас отправили в совхоз и выделили небольшую комнату в одноэтажном бараке, в котором раньше располагался крольчатник. Вместо кроватей стояли топчаны, мы перенесли свой нехитрый скарб и стали жить. Нас было трое друзей в этом совхозе: Очир Манджиев, Манджи Кикеев и я. Очир работал грузчиком в гараже, Манджи – монтером, а я – учетчиком. С ноября 1947 г. вышло постановление Молотова, из-за чего меня сняли с должности учетчика.

Я стал возить скошенное сено с Тулеевского участка в совхоз. Расстояние от участка до совхоза составляло 35 км. Работа была не из легких: выезжали с напарником рано утром, дотемна нагружали сани сеном, затем ехали в конюшню на бригаду, где распрягали коней и передавали конюхам; закрепляли сено и ночевали в общежитии на голых нарах; выезжали рано утром после завтрака в столовой. До совхоза добирались только к вечеру. Если начиналась метель, то снегом засыпало все дороги. Лошади сильно уставали и не могли взобраться на другой берег реки Оби, так что приходилось им помогать толкать сани и тянуть лошадей на подъем. При сильной метели переправа через реку отнимала много времени, случалось, что переправлялись только к часу ночи. В таких случаях приходилось сокращать путь, проезжая по Красному проспекту Новосибирска. Дорога шла вниз, и лошадям было легче тащить груженные сани. Милиция была знакома с трудностями перевозки через Обь, изредка останавливала нас, чтобы уточнить, кто такие и в какой совхоз везем сено. Приезжали ночью, если бригада нуждалась в сене, то тут же его разгружали. Если сено было в бригаде, то доставленное сено скирдовали, часто до глубокой ночи. Затем шли в конюшню сдавать лошадей конюху. Поужинав, ложились спать глубоко за полночь, а рано утром снова ехали за сеном. Работали на износ, за пропущенный рабочий день решением суда могли удерживать 25 % заработка в течение одного-двух лет.

1 января 1949 г. я женился на Санджиевой Босе Джаповне.

Самым сложным было отмечаться у коменданта каждую пятницу. Нашим комендантом был Наран Егоров из Долбанского района в звании младшего лейтенанта, а его заместителем – русский парень в звании лейтенанта. Тяжело было всем от нашего коменданта. В комендатуре можно было встретить людей разных национальностей. Кроме калмыков, приходили поволжские немцы, грузины, литовцы, эстонцы и др. Самыми первыми покинули места ссылки эстонцы. При подписании договора о Дружбе между СССР и Финляндией премьер-министр Урхо Калева Кекконен поставил условием

возвращение на прежние места проживания всех сосланных эстонцев. В 1955 г. все эстонцы вернулись. Я запомнил эстонца, который проживал с двумя сестрами и престарелым отцом. Не выдержав тягот, лишений, старик умер. Сын не стал хоронить его на общем кладбище, а похоронил на поляне в лесу. Верил, что вернется в родные края, и заранее приготовил гроб из листового железа для перевозки тела отца. Когда эстонцам разрешили вернуться на родину, он увез останки отца с собой.

В 1955 г. совхозу приказали освободить занимаемые городские земли. Пришлось разобрать все дома, строения и переехать в с. Качимовку за 20 км от занимаемого ранее места. С приходом к власти Н.С. Хрущева ссыльным стали делать послабления в режиме. В 1955 г. на мое имя пришли два вызова из сел Куйбышев и Тишинка Алтайского края. Оказывается, 1954 год в Алтайском крае выдался очень урожайным. Родные писали, что зерна у них много, живут в достатке. Родственница Тевкя писала в письме, что купила для меня стельную корову за 3 тысячи рублей. После неоднократных просьб мне разрешили переезд с семьей к родственникам матери в Рубцовский район Алтайского края.

Мы переехали в колхоз им. Куйбышева. Село находилось в 7 км от Рубцовска и в 20 км от Тишинки. В районном центре Рубцовске проживали мои родственники. Дети Хеечи Эрендженова – Шорва и Муута – работали в подсобном хозяйстве Рубцовского сельмаша, а Шурган Аралович был бригадиром в подсобном хозяйстве. Его жена Бомбр была родственницей моей матери. Когда начали обустриваться, сестренку Гилян отправили к родным в с. Тишинка. Там проживали 4 семьи родственников по материнской линии. Каждая семья пообещала выдать мне по 2 мешка зерна. Сестренке в бричку я положил деревянный ящик и наказал ей взять у каждой семьи родных по 2 курицы и 1 петуха. Она вернулась с 10 мешками зерна, 10 курицами и 1 петухом в деревянном коробе. Попросив у бригадира телегу, я с племянником отвез зерно в Рубцовск на вальцовую мельницу и обмолот муку, ее хватило на всю зиму. После этого все калмыки с села стали ездить со своим зерном на мельницу в Рубцовск. А до этого пользовались колхозной каменной зернотеркой. Я работал подсобным рабочим на чабанской стоянке у Хейчи Болдыревича Менкенасунова. С приходом весны начались еще и полевые работы. Директор МТС Виноградов забрал меня учетчиком в бригаду. До осени 1956 г. я проработал учетчиком в 5-й тракторной бригаде, а осенью тракторную МТС ликвидировали и всю технику передали в колхоз. Поэтому мы с учетчиком Виктором Менкеновым попали в Веселоярский МТС.

Когда в 1957 г. всем калмыкам разрешили вернуться на родину, директор Веселоярской

МТС не хотел меня отпускать. Когда мы уезжали, трактористы плакали и говорили, что такого второго учетчика у них не будет. Дело было в том, что предыдущие учетчики списывали с тракторов полный расход горючего, не учитывая остатки в баках машин, и каждый год трактористы за перерасход горючего платили из своей зарплаты. Я определил средний расход каждой машины и горючее распределял между ними по норме. В первый год было сэкономлено много солярки и бензина. У Виктора получился перерасход бензина, и я отдал ему сэкономленную машину горючего. Это горючее очень пригодилось зимой, когда колхозники спокойно на тракторах завозили на свои нужды лес. На зиму на чабанских стоянках заготавливали

кизяк и привозили в колхоз. Когда уезжали в Калмыкию, то в колхозе остался у меня большой дом с полным подвалом картофеля. Дом мы продали за 5 тысяч рублей, и на эти деньги, вернувшись в Калмыкию, в 1957 г. я купил две коровы. После возвращения я до пенсии работал учителем».

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА

Список информантов

Боктаев Шаня Васильевич – 1933 г. рождения, г. Элиста

Далтаева Булгун Убушаевна – 1925 г. рождения, г. Элиста

Мутляев Эренджен Хазыкович – 1922 г. рождения, пос. Цаган-Нур

ББК 63.3 (2) 622.6

УРОЖЕНЦЫ КАЛМЫКИИ – ПАРТИЗАНЫ ЮГОСЛАВИИ

П.Э. Алексеева

В статье освещаются неизвестные страницы биографии уроженцев Калмыкии – партизан Югославии.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, плен, партизаны Югославии, биография.*

The article deals with unknown pages of biographies of the partisans of Yugoslavia – natives of Kalmykia.

Keywords: *the Second world war, captivity, partisans of Yugoslavia, biography.*

По-разному складывались судьбы тех советских солдат, кто участвовал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., защищая и освобождая свою страну от немецко-фашистских захватчиков. Миллионы из них героически сложили головы в кровопролитных сражениях, многие дожили до победы над врагом, часть же из них испытала горькую участь военнопленных. Как правило, попадали в плен, оказавшись в окружении или получив ранения на поле боя. Немецкое командование содержало военнопленных в специальных лагерях, созданных повсеместно на территории оккупированных стран, а также в самой Германии. Сегодня известно, что многие из советских военнопленных не только не склонили головы, а организовывали подпольные группы и искали возможности своего освобождения. Среди тех, кому удалось не только пережить ужасы лагерей для военнопленных, но и обрести свободу, продолжить вооруженную борьбу с врагами, были уроженцы Калмыкии. Большинство из тех, кто бежал из лагерей на территории Европы, влились в ряды партизан Югославии, Польши, Франции.

В 1966 г. авторский коллектив сотрудников Калмыцкого НИИЯЛИ во главе с заведующим отделом истории М.Л. Кичиковым подготовил сборник документов и материалов «Калмыкия в

Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». В нем были помещены и сведения об уроженцах Калмыкии, воевавших в рядах партизан Югославии [1; 2]. Бывший участник Сопротивления во Франции Д.А. Балханаков в своем очерке о партизанах Югославии сообщил о 18 партизанах калмыцкой национальности, воевавших в составе 1-й роты 13-й Хорватской дивизии 1-й Приморской дивизии Народно-освободительной армии Югославии (далее – НОАЮ). Это Санджа Учурович Авьюсов, Харцха Бадмаев, Семен Божадыхов, Шаврта Бораев, Конча Гаврилов, Парма Дакинов, Анатолий Анджаевич Картаев, Доган Кебюнов, Намин Кеквеев, Лиджи Лившиев (возможно, Лиджиев), Канур Манкирович Лиджиев, Ашкан Сарангович Манджиев, Николай Монтыков, Бембя Мулаев, Бадма Очиров, Иван Сукгугинов, Манджи (Миша) Тагиров, Петр Цебеков [1, с. 520 - 523]. В примечании к этому изданию также отмечено, что Д.А. Балханаковым установлены имена 62 уроженцев-Калмыкии, воевавших в рядах партизан Югославии [1, прим. 2]. Благодаря изысканиям доктора Т. Миленковича к числу югославских партизан-уроженцев Калмыкии сегодня добавились имена Ивана Тимофеевича Зудьбинова и Эрдне Ермаковича Алексеева [3].

МТС не хотел меня отпускать. Когда мы уезжали, трактористы плакали и говорили, что такого второго учетчика у них не будет. Дело было в том, что предыдущие учетчики списывали с тракторов полный расход горючего, не учитывая остатки в баках машин, и каждый год трактористы за перерасход горючего платили из своей зарплаты. Я определил средний расход каждой машины и горючее распределял между ними по норме. В первый год было сэкономлено много солярки и бензина. У Виктора получился перерасход бензина, и я отдал ему сэкономленную машину горючего. Это горючее очень пригодилось зимой, когда колхозники спокойно на тракторах завозили на свои нужды лес. На зиму на чабанских стоянках заготавливали

кизяк и привозили в колхоз. Когда уезжали в Калмыкию, то в колхозе остался у меня большой дом с полным подвалом картофеля. Дом мы продали за 5 тысяч рублей, и на эти деньги, вернувшись в Калмыкию, в 1957 г. я купил две коровы. После возвращения я до пенсии работал учителем».

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА

Список информантов

Боктаев Шаня Васильевич – 1933 г. рождения, г. Элиста

Далтаева Булгун Убушаевна – 1925 г. рождения, г. Элиста

Мутляев Эренджен Хазыкович – 1922 г. рождения, пос. Цаган-Нур

ББК 63.3 (2) 622.6

УРОЖЕНЦЫ КАЛМЫКИИ – ПАРТИЗАНЫ ЮГОСЛАВИИ

П.Э. Алексеева

В статье освещаются неизвестные страницы биографии уроженцев Калмыкии – партизан Югославии.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, плен, партизаны Югославии, биография.*

The article deals with unknown pages of biographies of the partisans of Yugoslavia – natives of Kalmykia.

Keywords: *the Second world war, captivity, partisans of Yugoslavia, biography.*

По-разному складывались судьбы тех советских солдат, кто участвовал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., защищая и освобождая свою страну от немецко-фашистских захватчиков. Миллионы из них героически сложили головы в кровопролитных сражениях, многие дожили до победы над врагом, часть же из них испытала горькую участь военнопленных. Как правило, попадали в плен, оказавшись в окружении или получив ранения на поле боя. Немецкое командование содержало военнопленных в специальных лагерях, созданных повсеместно на территории оккупированных стран, а также в самой Германии. Сегодня известно, что многие из советских военнопленных не только не склонили головы, а организовывали подпольные группы и искали возможности своего освобождения. Среди тех, кому удалось не только пережить ужасы лагерей для военнопленных, но и обрести свободу, продолжить вооруженную борьбу с врагами, были уроженцы Калмыкии. Большинство из тех, кто бежал из лагерей на территории Европы, влились в ряды партизан Югославии, Польши, Франции.

В 1966 г. авторский коллектив сотрудников Калмыцкого НИИЯЛИ во главе с заведующим отделом истории М.Л. Кичиковым подготовил сборник документов и материалов «Калмыкия в

Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». В нем были помещены и сведения об уроженцах Калмыкии, воевавших в рядах партизан Югославии [1; 2]. Бывший участник Сопротивления во Франции Д.А. Балханаков в своем очерке о партизанах Югославии сообщил о 18 партизанах калмыцкой национальности, воевавших в составе 1-й роты 13-й Хорватской дивизии 1-й Приморской дивизии Народно-освободительной армии Югославии (далее – НОАЮ). Это Санджа Учурович Авьюсов, Харцха Бадмаев, Семен Божадыхов, Шаврта Бораев, Конча Гаврилов, Парма Дакинов, Анатолий Анджаевич Картаев, Доган Кебюнов, Намин Кеквеев, Лиджи Лившиев (возможно, Лиджиев), Канур Манкирович Лиджиев, Ашкан Сарангович Манджиев, Николай Монтыков, Бембя Мулаев, Бадма Очиров, Иван Сукгутинов, Манджи (Миша) Тагиров, Петр Цебеков [1, с. 520 - 523]. В примечании к этому изданию также отмечено, что Д.А. Балханаковым установлены имена 62 уроженцев-Калмыкии, воевавших в рядах партизан Югославии [1, прим. 2]. Благодаря изысканиям доктора Т. Миленковича к числу югославских партизан-уроженцев Калмыкии сегодня добавились имена Ивана Тимофеевича Зудьбинова и Эрдне Ермаковича Алексеева [3].

К сожалению, в скурых сведениях приведенных источников нет подробных сведений о каждом из уроженцев Калмыкии, воевавших в рядах партизан Югославии. В ходе работы над источниками, а также во время личных бесед как с самими участниками военных сражений, так и с их близкими и родственниками нам удалось установить новые факты биографий некоторые из них.

Авьюсов Санджа Учурович

С.У. Авьюсов – выпускник Новочеркасского кавалерийского училища. В поименном списке участников войны-уроженцев Ростовской области С.У. Авьюсов указан как пропавший без вести [4, с. 52]. Однако известно, что он воевал в одном из партизанских отрядов Югославии. Был командиром взвода 5-й роты 13-й Хорватской бригады 1-й Пролетарской дивизии, освобождавшей Белград.

Алексеев Эрдне Ермакович

Э.Е. Алексеев родился в 1915 году в станице Граббевской Сальского округа (ныне хутор Граббевский Ремонтненского района Ростовской области). До начала войны он жил в совхозе № 819 им. Юркина (совхоз им. Чкалова Кетченеровского района). В 1941 году он был мобилизован на фронт Кетченеровским РВК. Служил в 5-й гв. дивизии. Летом 1942 года во время кровопролитных боев на территории Украины попал в плен.

В справке, выданной УВД Алтайского края по делу № 711 от 20 марта 2000 года, указано, что с июня 1941 года по июнь 1942 года Э.Е. Алексеев находился на фронте в составе 5-й гв. дивизии. С 19 июня 1942 г. по 14 марта 1943 г. находился в лагере военнопленных под Харьковом. В справке также есть указание на то, что Эрдне Алексеев с 1943 года по 9 мая 1945 г. воевал в составе партизанского отряда в Югославии [5].

В 1960-е годы, после возвращения из Сибири, в одной из личных встреч Э.Е. Алексеев кратко поведал нам о том, что находился в одном из лагерей для военнопленных в Италии, а потом воевал в Югославии. Исходя из известных фактов, можно предположить, что в апреле – мае 1943 г. он был перемещен в один из концентрационных лагерей на территории Италии и был одним из участников дерзкого побега военнопленных из лагеря под руководством Николая Монтыкова.

В 1945 году, после окончания войны, Э.Е. Алексеев в административном порядке был направлен из Югославии в Сталинскую (ныне Донецкую) область УССР, в г. Красноармейск. На основании Директивы НКВД СССР от 11 октября 1945 г. был поставлен на учет как спецпоселенец. В 1947 г. был переправлен на спецпоселение в

Рубцовский район Алтайского края. В спецкомендатуре г. Рубцовска, по воспоминаниям родных Э.Е. Алексеева, у него отобрали все документы о военной службе и об участии в партизанском движении со словами: «Тебе они теперь не нужны, ты – спецпереселенец». Так рядовой Э.Е. Алексеев, оставшись без документов, надолго был вычеркнут из списка участников войны и партизан Югославии.

Эрдне Ермакович Алексеев умер в 1978 году в пос. Зурган (совхоз им. Чапаева) Малодербетовского района.

Бадмаев Харцха Очирович

Известно, что Х.О. Бадмаев был родом из Приволжья. Перед самым началом войны учился на 3-м курсе медицинского института. В 1941 г. мобилизован и получил направление в авиашколу в г. Чкалов (ныне Оренбург). Оттуда ушел на фронт добровольцем, стал бронбойщиком. В июле 1942 г. в районе города Старый Оскол его часть попала в окружение. В числе других военнослужащих он оказался в немецком плену. Прошел через горнило концентрационных лагерей для военнопленных в Германии и Австрии. В конце 1943 г. был перемещен в Югославию на восстановление разрушенных партизанами железных дорог.

В январе 1944 г. был освобожден из плена партизанами. Вступив в ряды югославских партизан, Х.О. Бадмаев участвовал во многих диверсионных операциях. Вскоре его назначили политруком 1-й роты, а затем комиссаром батальона, составленного из числа советских военнопленных, бежавших из немецкого плена. На его базе в мае 1944 года была образована 1-я Советская Ударная бригада НОАЮ. Политкомиссаром этой бригады был назначен Х.О. Бадмаев [1, с. 517 - 520].

Бораев Шаврта

Ш. Бораев воевал в составе партизанского отряда на территории Югославии. Был награжден югославской медалью «За храбрость».

Дакинов Нарма

Н. Дакинов до войны работал сельским учителем. Попал в плен в июле 1942 г. во время боев на территории Ростовской области. В 1943 г. был в числе тех, кто совершил побег из плена. Воевал в составе партизанского отряда на территории Югославии.

Зудьбинов Иван Тимофеевич

Перед началом войны сирота Ваня Зудьбинов, которому было неполных пятнадцать лет, находился в детском доме станицы Пролетарской Ростовской области. В августе 1942 года терри-

тория области оказалась под оккупацией немецких войск. Часть воспитанников детского дома не успели эвакуировать. Оставшиеся без опеки дети оказались брошенными на произвол судьбы. В поисках еды они лазили по огородам, ловили рыбу. Вскоре их заметили подпольщики и привлекли для оказания помощи красноармейцам, выходившим из окружения. Дети помогали им переправляться на другой берег Дона. Для сбора необходимой информации они устраивали вылазки в указанные подпольщиками станицы под видом беспризорных. В одну из таких вылазок Ваня Зудьбинов попал под облаву, устроенную немцами, и был угнан в неволю. Первое время находился в числе лагерных узников на территории Польши. Оттуда был перемещен в концентрационный лагерь в Нойгамеле, находившийся в Австрии. Затем в числе других узников оказался на строительстве оборонительных укреплений в Югославии.

В первой половине декабря 1943 года во время обстрела лагеря югославскими партизанами группа русских пленных перебила охрану и бежала. Среди них был и Иван Зудьбинов. Из их числа в партизанском соединении был образован ударный отряд 13-й Приморско-Горанской дивизии Народно-освободительной армии Югославии. Участвуя в боевых сражениях и диверсионных операциях, Иван Зудьбинов не раз был ранен. Как опытный боец и разведчик, он был прикомандирован к диверсионной группе 10-го Загребского корпуса под командованием Ивана Хариша-Громовника. В 1944 году за участие в боевых действиях на территории Югославии Иван Зудьбинов был награжден югославским орденом «За храбрость». В 1948 году, после окончания войны, был награжден вторым орденом «За храбрость».

Во время освобождения Югославии частями Советской Армии Иван Зудьбинов вступил в ее ряды и воевал до мая 1945 года. После окончания войны продолжил службу на Черноморском флоте. После демобилизации работал на шахтах Донбасса. Окончил Астраханский рыбный институт.

Последние годы жизни Ивана Тимофеевича Зудьбинова прошли в Элисте. Малолетний узник фашизма, партизан Югославии, ветеран войны и труда Иван Тимофеевич Зудьбинов ушел из жизни в 2004 г.

Картаев Анатолий Анджеевич

А.А. Картаев родился в 1923 году в Найин-тахинском аймаке Манычского улуса (ныне Целинный район). В 1941 году он окончил семилетнюю школу. С первых дней войны добровольцем ушел на фронт. Грамотного по тем временам сельского паренька Анатолия Картаева направи-

ли в школу десантников. После ее окончания он воевал в составе 212-й воздушно-десантной бригады. Летом 1942 года, во время кровопролитных боев в районе города Калач-на-Дону бригада А.А. Картаева попала в окружение. Получив тяжелое ранение, он остался лежать на поле брани. Так уроженец Калмыкии оказался в плену. В концентрационных лагерях Австрии и Италии А. Картаев провел больше года, пока вместе с группой земляков под руководством лейтенанта Н. Монтыкова ему не удалось освободиться из немецкого плена и присоединиться к югославским партизанам.

В отряде А. Картаев входил в состав диверсионной группы. В одном из боев был тяжело ранен. Его выходила партизанка Зора Радойчич, впоследствии ставшая его женой. В 1944 году советская группа партизанского отряда, в рядах которой воевал А. Картаев, влилась в ряды бойцов Красной Армии [6].

А.А. Картаев был награжден двумя орденами Югославии «За храбрость» и медалью «За храбрость».

После демобилизации в октябре 1945 года А.А. Картаев вместе с З. Радойчич жил в Словении в городе Чрномль, где он работал слесарем-механиком. После восстановления автономии и образования Калмыцкой АССР Анатолий и Зора с детьми переехали в Элисту. Семья А.А. Картаева жила в полуособняке на перекрестке улиц Комсомольской (ныне ул. Номто Очирова) и Южной (ныне ул. Дармаева). Сам он работал слесарем на авторемонтном заводе. Жена Зора занималась воспитанием детей и вела домашнее хозяйство. В 1966 году в силу сложившихся обстоятельств они вернулись в Словению.

Участник Великой Отечественной войны, партизан Югославии Анатолий Анджеевич Картаев умер в марте 1999 года в г. Чрномль в Словении.

Манджиев Ашкан Сарангович

А.С. Манджиев – выпускник Новочеркасского кавалерийского училища, служил в 110-й ОККД пулеметчиком 4-го эскадрона 292-го кавалерийского полка. В июне 1942 г. попал в плен и оказался в одном из концентрационных лагерей для военнопленных на территории Германии. Затем был перемещен на строительство оборонительных сооружений на севере Италии. Был освобожден из плена югославскими партизанами. В числе освобожденных вместе с ним советских военнопленных был причислен к 1-й роте 2-го батальона 7-й бригады 10-й дивизии Народно-освободительной армии Югославии.

За героизм, проявленный в сражениях с фашистами, А.С. Манджиев был награжден югославской медалью «За храбрость» и представлен

командованием 10-й дивизии Народно-освободительной армии Югославии к присвоению звания «Народный герой Югославии» [1, с. 522-527].

Монтыков Николай

Лейтенант Н. Монтыков до войны работал учителем в поселке Яшкуль. Войну встретил в составе 127-го кавалерийского полка. Участвовал в кровопролитных сражениях с немецкими войсками на территории Крыма. Во время одного из сражений был тяжело ранен и попал в плен. В 1942 г. был перемещен из концентрационного лагеря в Нойхаммере на строительство оборонительных сооружений на севере Италии.

Находясь в плену, он вместе с другими военнопленными организовал подпольную группу, вынашивающую планы побега. В эту группу, кроме Н. Монтыкова, также входили и другие уроженцы Калмыкии – Санджи Авьюсов, Шаврта Бораев, Конча Гаврилов, Нарма Дакинов, Анатолий Картаев, Канур Лиджиев, Манджиев (также известен по прозвищу Черчилль), Бембя Мулаев, Бадма Очиров. Выждав удобный момент, группа бойцов во главе с лейтенантом Николаем Монтыковым перебила охрану лагеря и овладела оружием. Три десятка смельчаков, совершив переход из Италии в Югославию, присоединились к партизанам. Об этом дерзком побеге из фашистского лагеря сообщает в своей книге «Калмыки в Сербии. 1920 – 1944 гг.» доктор Тома Миленкович. По его данным, бежавшие советские военнопленные, перевалив через горы, попали в Югославию и

влились в состав Истрийского партизанского отряда [3, с. 170–172]. Дальнейшая судьба Николая Монтыкова неизвестна.

Мулаев Бембя

Б. Мулаев в 1943 г. был в числе тех, кто совершил побег из плена. Воевал в составе партизанского отряда на территории Югославии. В 1944 г. был награжден югославской медалью «За храбрость».

Суктугинов Иван

И. Суктугинов до войны работал в милиции. В 1943 г. был в числе тех, кто совершил побег из плена. В партизанском отряде был пулеметчиком роты, состоявшей из советских военнопленных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: документы и материалы. Элиста, 1966.

2. См.: Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1970.

3. Миленкович Т. Калмиц у Србији. 1920 – 1944. Београд, 1998 (на серб-хорват. яз).

4. Солдаты Победы. Поименный список участников войны, уроженцев Ростовской области / сост. П.Э. Алексеева. Элиста, 2005.

5. Архивная справка УВД Алтайского края от 22 марта 2000 г. № 711 хранится в семейном архиве дочери Э.Е. Алексеева – Валентины.

6. Васильев В. Совершив побег из ада, партизан в Югославии. См.: Элистинские новости. 1999. 16 марта (№ 52).

ББК 60.7

ДОМИНАНТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ г. ЭЛИСТЫ: ЗНАНИЯ, ОЦЕНКИ И ОТНОШЕНИЕ К ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (по результатам социологического опроса)

Н.В. Бадмаева, Б.В. Иджаева

В статье представлены результаты социологического исследования исторической памяти и современной оценки исторических событий Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социологическое исследование, историческая память, исторические события, герои войны.

This article deals with the analysis of sociological research on historical memory, contemporary historical events and heroes of the Great Patriotic War.

Keywords: the Great Patriotic War, sociological research, historical memory, historical events, the heroes of the war.

Накануне празднования юбилея Победы Центром этносоциальных исследований КИГИ РАН был проведен социологический опрос, посвященный теме Великой Отечественной войны. Исследование было проведено по репрезентативной

половозрастной выборке среди жителей г. Элиста. Всего было опрошено 100 человек, из них 52 женщины и 48 мужчин.

Цель исследования – изучить, как оценивают жители г. Элисты Великую Отечественную войну и

командованием 10-й дивизии Народно-освободительной армии Югославии к присвоению звания «Народный герой Югославии» [1, с. 522-527].

Монтыков Николай

Лейтенант Н. Монтыков до войны работал учителем в поселке Яшкуль. Войну встретил в составе 127-го кавалерийского полка. Участвовал в кровопролитных сражениях с немецкими войсками на территории Крыма. Во время одного из сражений был тяжело ранен и попал в плен. В 1942 г. был перемещен из концентрационного лагеря в Нойхаммере на строительство оборонительных сооружений на севере Италии.

Находясь в плену, он вместе с другими военнопленными организовал подпольную группу, вынашивающую планы побега. В эту группу, кроме Н. Монтыкова, также входили и другие уроженцы Калмыкии – Санджи Авьюсов, Шаврта Бораев, Конча Гаврилов, Нарма Дакинов, Анатолий Картаев, Канур Лиджиев, Манджиев (также известен по прозвищу Черчилль), Бембя Мулаев, Бадма Очиров. Выждав удобный момент, группа бойцов во главе с лейтенантом Николаем Монтыковым перебила охрану лагеря и овладела оружием. Три десятка смельчаков, совершив переход из Италии в Югославию, присоединились к партизанам. Об этом дерзком побеге из фашистского лагеря сообщает в своей книге «Калмыки в Сербии. 1920 – 1944 гг.» доктор Тома Миленкович. По его данным, бежавшие советские военнопленные, перевалив через горы, попали в Югославию и

влились в состав Истрийского партизанского отряда [3, с. 170–172]. Дальнейшая судьба Николая Монтыкова неизвестна.

Мулаев Бембя

Б. Мулаев в 1943 г. был в числе тех, кто совершил побег из плена. Воевал в составе партизанского отряда на территории Югославии. В 1944 г. был награжден югославской медалью «За храбрость».

Суктугинов Иван

И. Суктугинов до войны работал в милиции. В 1943 г. был в числе тех, кто совершил побег из плена. В партизанском отряде был пулеметчиком роты, состоявшей из советских военнопленных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: документы и материалы. Элиста, 1966.

2. См.: Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1970.

3. Миленкович Т. Калмиц у Србији. 1920 – 1944. Београд, 1998 (на серб-хорват. яз).

4. Солдаты Победы. Поименный список участников войны, уроженцев Ростовской области / сост. П.Э. Алексеева. Элиста, 2005.

5. Архивная справка УВД Алтайского края от 22 марта 2000 г. № 711 хранится в семейном архиве дочери Э.Е. Алексеева – Валентины.

6. Васильев В. Совершив побег из ада, партизан в Югославии. См.: Элистинские новости. 1999. 16 марта (№ 52).

ББК 60.7

ДОМИНАНТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ г. ЭЛИСТЫ: ЗНАНИЯ, ОЦЕНКИ И ОТНОШЕНИЕ К ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (по результатам социологического опроса)

Н.В. Бадмаева, Б.В. Иджаева

В статье представлены результаты социологического исследования исторической памяти и современной оценки исторических событий Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социологическое исследование, историческая память, исторические события, герои войны.

This article deals with the analysis of sociological research on historical memory, contemporary historical events and heroes of the Great Patriotic War.

Keywords: the Great Patriotic War, sociological research, historical memory, historical events, the heroes of the war.

Накануне празднования юбилея Победы Центром этносоциальных исследований КИГИ РАН был проведен социологический опрос, посвященный теме Великой Отечественной войны. Исследование было проведено по репрезентативной

половозрастной выборке среди жителей г. Элиста. Всего было опрошено 100 человек, из них 52 женщины и 48 мужчин.

Цель исследования – изучить, как оценивают жители г. Элисты Великую Отечественную войну и

Победу в ней по истечении 65 лет, как сохраняется и воспроизводится историческая память.

Историческая память – это мир фактов, событий, образов, символов, действий людей, как позитивных, так и негативных. Особенно интересны с этой точки зрения экстремальные периоды истории – войны, революции, где события развиваются особенно динамично, стремительно. Люди, оказавшись в чрезвычайных условиях, совершают поступки, нередко изумляющие мир и остающиеся навсегда в памяти народной как эталоны мужества, героизма, нравственности, находчивости. Яркое тому доказательство – период Великой Отечественной войны. 11384 человека за эти годы были удостоены звания Героя Советского Союза. 13 городам присвоено почетное звание городов-героев.

Несмотря на происходящие радикальные изменения в российском обществе, драма прошедшей войны не вытеснена из памяти россиян, она по-прежнему сохраняет свой духовно консолидирующий потенциал.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что доминантой народного «военного» сознания является всеобщность гордости за Победу. Для основной части наших соотечественников это событие ценно в той или иной степени, а значит, и не ушло из активного пласта памяти, и не было вытеснено другими историческими событиями. Данный факт подтверждают итоги исследования, когда в качестве наиболее интересующих периодов истории были в первую очередь названы Великая Отечественная война (78 %) и эпоха Петра I (51 %). Даже исторически более близкие нам события, такие как перестройка (27 %) и распад СССР (30 %), мерк-

нут перед той великой трагедией и одновременно великой гордостью нашей страны, какой является Великая Отечественная война.

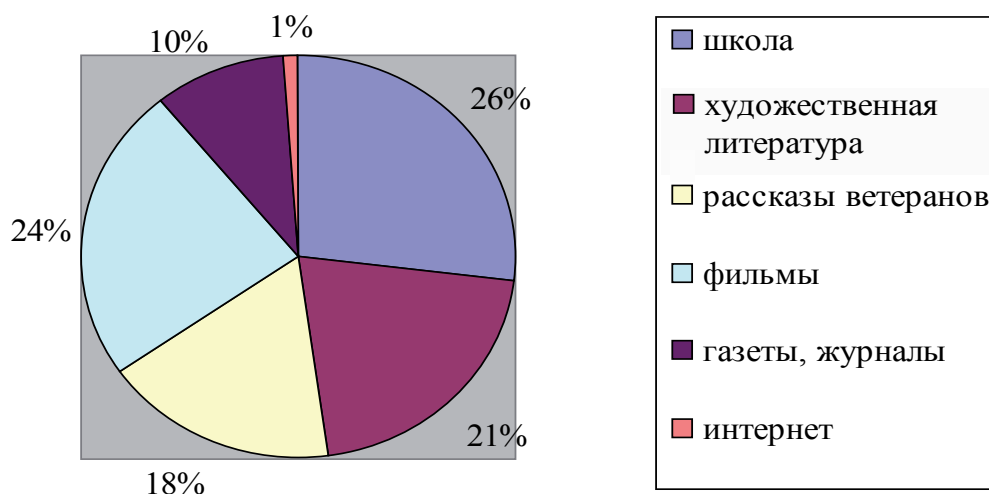
Историческая память народа являет собой социальную функцию, которая может как консолидировать общество, так и стать предметом раздора среди различных социальных групп. Сегодня, когда в России существует угроза межнациональной напряженности, при высоком уровне ксенофобии в обществе вопросы о нашем общем героическом прошлом, каким является Великая Отечественная война, являются одним из факторов, когда мы можем положительно повлиять на общество. Полагая, что задача научного сообщества и СМИ – максимально использовать этот ресурс для достижения так необходимой российскому обществу толерантности.

Историческая память играет роль ценностных ориентиров для социального поведения и отношения друг к другу многих поколений. Для исторической памяти характерно образное, эмоциональное восприятие. Поэтому, несомненно, важна роль государства в плане выстраивания необходимого адекватного реагирования на попытки фальсификации исторических событий как со стороны некоторых государств, так и со стороны некоторых общественных деятелей.

Знание и оценка исторических событий Великой Отечественной войны могут стать базой для патриотического воспитания молодого поколения. Поэтому необходимо отметить роль исторического образования. По результатам проведенного социологического исследования среди жителей г. Элиста выяснилось, что основные знания о Великой Отечественной войне люди получают из школьной программы.

Диаграмма 1

Источники информации о Великой Отечественной войне

В этой связи возникает проблема интерпретации исторических событий в разных учебниках истории. Этот вопрос стал активно подниматься с начала 2000-х годов. Связан он, прежде всего, с появлением новых реалий современной жизни, которым должно отвечать современное образование. Учебники многих авторов во многом отражали субъективную точку зрения на причины, суть, последствия и значение того или иного исторического факта. Поэтому встает вопрос об унификации образовательного материала для школьников. Также существует проблема объема изучения Великой Отечественной войны. К сожалению, мы отмечаем, что в отечественной школьной программе постепенно сокращается время, уделяемое изучению Великой Отечественной войны, с другой стороны, оно значительно превышает количество часов, посвященных этой теме в европейских странах. «В России традиционно большее внимание уделяется изучению событий Второй мировой войны – около 10 – 11 % общего учебного времени, выделяемого для изучения истории XX в. Однако в последнее время интерес к истории событий 1939 – 1945 гг. довольно сильно снизился – в советских учебных книгах изучению событий Великой Отечественной и Второй мировой войны выделялось более 20 % учебного времени за курс истории XX в.» [1].

Герои войны, полководцы – это символы того легендарного времени. Через них, как правило, происходит восприятие эпохи, оценка Великой Отечественной войны. Вопрос о том, помнят ли современные россияне полководцев, героев войны, был оставлен в анкете открытым.

В ответах на этот вопрос главное место в памяти народа принадлежит легендарному полководцу Г.К. Жукову, его отметили 85 % жителей г. Элиста. В «тройку лидеров» вошли также К.К. Рокоссовский (51,7 %) и И.В. Сталин (27,6 %). Имена Н.С. Конева (11,5 %) и Б.Б. Городовикова (9,2 %) отметили меньшее количество респондентов. Мы полагаем, что, отметив Б.Б. Городовикова, жители г. Элиста

выделяют вклад калмыцкого народа в победу, поскольку Б.Б. Городовиков, этнический калмык, был видным военачальником и Героем СССР.

Среди героев – уроженцев Калмыкии – главное место в памяти народа принадлежит первому калмыку, получившему звание Героя Советского Союза Эрдни Деликову (63,4 %). Среди Героев Советского Союза также были названы имена Б.Б. Городовикова (52,7 %), О.И. Городовикова (11,8 %), М. А. Сельгикова (9,7 %), Л. И. Манджиева (8,6 %), В. В. Мергасова (8,6 %), Н. М. Санджирова (6,5 %), Н. Т. Воробьева (2,2 %), К. М. Жигульского (2,2 %), Б. М. Хечиева (2,2 %), Г. М. Лазарева (1,1 %), А. А. Лопатина (1,1 %). Помнят Т. Хахлынову (26,9 %), М.В. Хонинова (5,4 %), В.А. Хомутникова (2,2 %), М.Т. Бимбаева (1,1 %) и др.

При ответе на вопрос «Перечислите основные события Великой Отечественной войны на территории Калмыкии?» были получены следующие результаты: Хулхутинское сражение (75 %), освобождение Элисты (58,3 %), оккупация территории Калмыкии (12,5 %), партизанское движение (8,3 %). Достаточно прочно вошло в историческую память народа в связи с периодом войны и вызывает чувство горечи такое событие, как насильственная депортация калмыцкого народа (8,3 %).

По данным опроса можно сделать вывод, что при общественной актуальности темы Великой Отечественной войны истинные знания и память о войне уходят в прошлое, история становится все более безликой. Представления о Великой Отечественной войне формируются в молодом поколении в основном благодаря художественным фильмам, которые не претендуют на объективность отражения исторических событий, а не знанию истории.

Также респондентам был задан вопрос: «Были ли в Вашей семье родственники, погибшие на войне?»

Опрос показал, что у подавляющего большинства горожан (74 %) были родственники, погибшие на войне.

Диаграмма 2

Однако уже появились семьи, чьи связи с военным прошлым утеряны, поскольку 13 % опрошенных элистинцев не смогли ответить на этот вопрос. В основном это молодежь, которая объективно «не знала живыми» своих родных – участников военных действий 1941 – 1945 годов в связи с естественной сменой поколений. Таким образом, уже можно говорить о том, что семья постепенно начинает уходить из числа основных носителей «правды о войне».

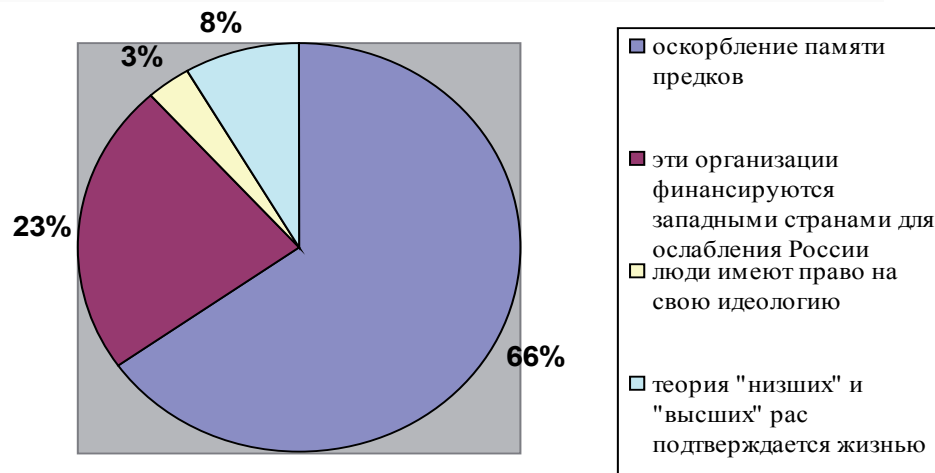
В нашем исследовании мы решили коснуться и большого вопроса, связанного с проблемой ксенофобии в российском обществе. Проблема популяризации фашистской идеологии в стране, победившей

некогда фашизм, является одной из актуальнейших. Несмотря на то что, «население России и сегодня резко негативно относится к фашизму, 98,4 % россиян считают, что в 1941 – 1945 гг. советский народ воевал, прежде всего, против фашистской Германии», вопрос о распространении фашистской идеологии отягощается проблемой оценки победы. Можем ли мы считать себя победителями, если идеология, против которой положили свои жизни наши деды и прадеды, стала настолько популярной через 65 лет?

В исследовании мы задали респондентам вопрос об оценке распространения идей фашизма, деятельности фашистских организаций в России.

Диаграмма 3

Как вы оцениваете распространение идей фашизма, деятельность фашистских организации в России

Как мы видим из диаграммы, среди жителей г. Элиста преобладают ответы, согласно которым существование фашистских организаций является оскорблением памяти жертв войны либо существует «теория заговора» западных стран против России. Последнее не может не удручать, поскольку свидетельствует о достаточно примитивном уровне оценки политического процесса.

Анализ материалов проведенного исследования показывает, что реальная историческая память населения о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. является сложным, противоречивым, динамичным и достаточно подвижным духовным образованием. Это во многом обусловлено многообразием социально-экономических процессов, протекающих в стране, противоборством общественных сил и политических движений. В исторической памяти своеобразно переплетаются идеалы истинные и мнимые, правда

и вымысел, подлинно научные знания и мифы и легенды. Историческая память хранит как примеры о выдающихся подвигах людей на полях сражений и трудовом фронте, так и бесславные страницы, связанные с трусостью, дезертирством, предательством. В памяти народной живут как чувство гордости за поколение победителей, так и чувство горечи за унижения, принесенные народу фашистскими захватчиками, за миллионы погибших и замученных в фашистских концлагерях, за утраченные культурные ценности, за разоренные и сожженные города и села.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковригин В.В. Этноцентризм в содержании учебного материала о Второй мировой войне в отечественном и немецком школьном историческом образовании // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. Т. 47. № 3. С. 278–280.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

С 13 по 18 сентября 2009 года в г. Элисте состоялась Международная научная конференция «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященная 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Конференция была проведена согласно Плану основных мероприятий, утвержденному распоряжением Правительства Российской Федерации (№1252-р от 19.09.2007 г.), при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, Российской академии наук и Правительства Республики Калмыкия. Она стала итоговым научным форумом в рамках юбилейных мероприятий Института. Заседания проходили в шести секциях: «История народов России в геополитическом пространстве Великой степи», «Этногенетические и этнокультурные связи народов России и Центральной Азии», «Калмыцкий героический эпос «Джангар» и устная традиция: проблемы межфольклорных и литературных связей», «Этнолингвистический ландшафт Евразии: язык и письменное наследие», «Современные об-

щественно-политические и социальные процессы в России», «Современные проблемы экологического сельского хозяйства в России». В работе конференции приняли участие свыше 200 ученых из ближнего и дальнего зарубежья (Монголия, Китай, Япония, Казахстан, Германия) и более 20 регионов Российской Федерации.

В рамках Международной научной конференции были проведены круглые столы; презентации научных изданий; Школа молодых монголоведов; встречи ученых со студентами и учащимися учебных заведений г. Элисты; выездное заседание Президиума Южного научного центра РАН (председатель академик Г.Г. Матишов); Дни российской науки в Республике Калмыкия.

14 января 2010 года состоялась Научная сессия по итогам работы Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в 2009 году. В рамках ежегодной научной сессии были заслушаны доклады сотрудников Института по завершенным темам НИР, отчеты по стажировкам и завершенным грантам РГНФ.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

30 декабря 2009 года научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения КИГИ РАН Д.В. Убушиева на заседании Диссертационного совета Д.212.305.01. при Калмыцком государственном университете успешно

защитила кандидатскую диссертацию по теме «Багацохуровский цикл «Джангара» в записях XIX века: сюжетика и сохранность эпического текста» (по специальности 10.01.09 – фольклористика).

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В период работы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, в которой приняли участие 32 исследователя из дальнего и ближнего зарубежья, состоялись встречи с учеными Монголии (Институт языка и литературы Академии наук Монголии, Институт истории Академии наук Монголии, Монгольский государственный педагогический университет, Центр по изучению языка, культуры и истории ойратов Монголии «Тод номын гэрэл»); Китайской Народной Республики (Институт монголоведения Университета Внутренняя Монголия, Синьцзянский педагогический университет); Японии (Центр славянских исследований Университета Хоккайдо, Национальный музей этнологии (Осака); Казахстана (Казахский научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследия кочевников), Германии, Англии и др.

В целях дальнейшего развития и укрепления международных связей в области науки и культуры в Институте регулярно проводятся встречи с зарубежными коллегами и соотечественниками. Так, в сентябре 2009 года состоялась встреча с настоятелем монастыря Дрепунг Гоманг (Индия) геше Юндэн Дамчо; 20 сентября 2009 года – с Принцессой Сувсой (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китай); 22 сентября 2009 года – с Президентом Фонда по развитию бурятской культуры и традиции Монголии С. Билэгсайхан и исполнительным директором Общества дружбы «Монголия – Россия» Ёндонжамц Максим. 26 февраля 2010 года состоялась встреча с директором Библиотеки тибетских книг и архивных рукописей геше Лагдором (Дхарамсала, Индия).

В 2009 году научную стажировку на базе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН прошли зарубежные аспиранты и стажеры: Б.Болормаа (Ховдский университет, Монголия); Б. Баасанжав (аспирант Кембриджского университета, Англия).

В рамках совместного международного археологического проекта КИГИ РАН с Евразийским Отделением Германского Археологического Института *«Степь как жизненное пространство в преистории»* в январе-феврале 2009 г. научную стажировку в Германском Археологическом Институте прошли сотрудники КИГИ РАН М.А. Очир-Горяева, С.В. Шаральдинов.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИГИ РАН

Монографии и книги

В 2009 году важным событием в республике стало издание Институтом двух томов фундаментального коллективного трехтомного научного труда **«История Калмыкии с древнейших времен до наших дней»**. Коллективная монография вышла в свет в год празднования 400-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Эта работа существенно отличается как по объему, хронологическим рамкам, источниковой базе исследования, так и в структурном отношении от первого обобщающего исследования по истории калмыцкого народа – «Очерков истории Калмыцкой АССР», со времени издания которого прошло более сорока лет. «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» является систематизированным обобщающим исследованием, выполненным на современном научном уровне. В первом томе монографии большое место отводится проблемам, связанным с добровольным вхождением части ойратов в состав России, истории автономного Калмыцкого ханства, русско-калмыцким отношениям, военно-политическим союзам калмыков, участию в войнах России. Второй том охватывает более чем вековой период, начиная с социальной реформы 1892 г. в Калмыкии и до распада Советского Союза, начала нового этапа в истории России и её субъекта – Республики Калмыкия. В книге обстоятельно освещаются социально-экономическое развитие региона в начале XX века, события революции 1917 г. и Гражданской войны, участие калмыцкого народа в Великой Отечественной войне. Важное место в книге занимают проблемы депортации калмыков, восстановления национальной государственности, развития экономики и культуры, вопросы реабилитации репрессированного народа. Рассматриваются события новейшего времени, связанные с перестроечным процессом, распадом Советского Союза и образованием суверенной Российской Федерации.

В 2009 году совместно с коллегами Института языка и литературы Академии наук Монголии была издана книга **«Ойрад аман зохиолын сан хөмрөгөөс (Ц.-Д. Номинхановын архиваас) / Из фондов устного народного творчества ойратов Монголии (из архива Ц.-Д. Номинханова)»**. Данная работа представляет собой издание полевых материалов ученого (участника академической экспедиции, проведенной в 1920-х гг. под руководством академика Б.Я. Владимирцова), хранящихся в Архиве Академии наук Монголии.

«История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» в январе-феврале 2009 г. научную стажировку в Германском Археологическом Институте прошли сотрудники КИГИ РАН М.А. Очир-Горяева, С.В. Шаральдинов.

Монография **«Древние скотоводы калмыцких степей»** – одна из последних научных работ известного археолога **В.П. Шилова**. Она посвящена комплексному анализу крупнейшего курганного могильника Калмыкии – «Три брата», раскопанного в 1932 – 1936 гг. П.С. Рыковым (60 курганов, содержащих 139 могильников). В.П. Шилов на основе дневниковых записей П.С. Рыкова тщательно проанализировал найденный материал, сопоставил и снабдил его иллюстрациями и пояснениями. В научный оборот впервые введена публикация первой и второй групп знаменитого археологического памятника, что является важным вкладом в науку в области изучения эпохи бронзы.

В работе **Бакаевой Э.П. «Сакральные коды культуры калмыков»** исследованы проблемы происхождения калмыков и проведена реконструкция на основе изучения добулдинских верований и традиционных представлений сакральных кодов культуры калмыков. Автором проанализирована специфика календаря ойратов (калмыков), его маркеры, типологичные для ряда народов лесной полосы Северной Евразии. Осуществлена попытка изучения сопряженности определенных костей животного-жертвы с субэтническими подразделениями калмыцкого этноса – сакрального «животного» кода, в котором поколения обозначались как «суставы», а этнические группы – как «кости». Исследованы обряды жертвоприношений земле и воде во взаимосвязи с глубинной семантикой образа божества – покровителя калмыков Цаган авга.

«Детский фольклор калмыков» Т.Г. Басанговой посвящен малоисследованной области устного народного творчества калмыков. Автором проделана большая работа по сбору и систематизации материала по жанрам, который представлен как повествовательными, так и стихотворными формами. К разряду детского фольклора отнесены сюжеты сказок с дидактической и этиологической функциями, пословицы, поговорки, загадки, считалки, скороговорки, колыбельные песни и др.

Книга **«Я сердцем тянулся к вам» (сост. Алексеева П.Э., Баянова А.Т.)** посвящена памяти президента Всемирной организации монголоязычных народов, гражданина США, Почетного гражданина г. Элисты Джиджи (Лиджи) Санжиновича Андреева (1938 – 2008 гг.). В издании опубликованы статьи, воспоминания коллег, а также официальные материалы о его большой подвижнической деятельности в Калмыкии.

Тематические сборники

Доклады и сообщения, прозвучавшие в рамках Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, которая состоялась в г. Элиста с 13 по 18 сентября 2009 г., представлены в двух частях **«Материалов Международной научной конференции»**. Тематика статей охватывает актуальные вопросы, связанные с осмыслением исторического развития кочевых народов Евразии в прошлом, связи ойратов и калмыков с народами России и Центральной Азии, процесса вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, становления и развития калмыцкой государственности, сохранения этнической идентичности в многонациональной семье народов России. Издание подготовлено при поддержке гранта РГНФ.

В 2009 году вышли два номера журнала **«Вестник КИГИ РАН»**. В статьях представлены резуль-

таты новейших исследований по историческим, филологическим, социально-политическим и экологическим проблемам. Впервые вводится в научный оборот ряд исторических источников по истории волжских калмыков на рубеже 50 – 60 гг. XVII века, представляющих архивные материалы РГАДА; освещаются вопросы грамматики и лексики калмыцкого языка; ряд научных статей посвящен вопросам миграционной политики региона и социально-политическим процессам в Республике Калмыкия.

В сборнике научных трудов **«Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов»** представлены статьи по проблемам этнической истории, а также специфики культуры тюрко-монгольских народов и их этнокультурных взаимодействий. Основное внимание уделяется междисциплинарному изучению этнических групп, происхождение которых связано с ойратскими этносами, исследуются вопросы этнической истории средневековых племен найманов, кереитов, баргутов, а также их этнических преемников.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В 2009 году учеными Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН было проведено 8 научно-поисковых экспедиций:

1. В рамках проекта «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН сотрудником сектора этнологии к.б.н. Балиновой Н.В. проведена экспедиция по сбору популяционно-демографического материала по этническим группам калмыков (керыдов, багутов и цаатанов) в Икрянинском районе Астраханской области и Лаганском районе Республики Калмыкия. Медико-генетические и популяционно-демографические данные необходимы для составления подробного молекулярно-генетического портрета калмыцкого народа, оценки генетического расстояния и степени родства групп с похожими родовыми названиями в близких этнических группах.

Сотрудниками сектора этнологии в рамках плановых тем совершены экспедиционные выезды в районы Калмыкии, где проводился сбор полевого материала по особенностям календарных обрядов локальных субэтнических групп Калмыкии (н.с. Б.А. Шантаев, к.и.н. Батыров В.В.).

2. В 2009 году археологами института (к.и.н. Очир-Горяева М.А.) проводилась подготовительная работа по заключению с Ландесмузеем Земли Шлезвиг-Хольштайн (Фонд Александра фон Гумбольдта, Германия) в рамках программы «Партнерство институтов» на 2010-2013 гг. совместного проекта по теме: «Поселения в степи. Изучение образа жизни и хозяйства древнего населения волго-манычских степей». В рамках этой работы были проведены экспедиционные выезды в районы Республики Калмыкия (Городовиковский, Яшалтинский, Ики-Бурульский и Приютненский районы) для

уточнения расположения и количества археологических памятников.

3. В 2009 году научным сотрудником Центра этносоциальных исследований (н.с. Бадмаева Н.В.) проведены социологические интервью по теме НИР «Экономика сельских домохозяйств» в районах республики (пос. Бага-Чонос Целинного района, г. Лагань, пос. Комсомольский Черноземельского района).

Сотрудники лаборатории по экологии Центра этносоциальных исследований (рук. с.н.с. Ташнинова Л.Н.) в отчетный период совершили 4 экспедиции в районы Кумо-Манычской впадины, Черных земель и долины р. Кума по маршрутам: 1) с. Приютное – Восточное побережье оз. Маныч-Гудило – Манычский стационар; 2) п. Яшкуль – п. Адык – п. Комсомольский; 3) Восточная оконечность Кумо-Манычской впадины – Андрантинские пески, Кумской канал; 4) Южный берег оз. Маныч-Гудило (территория Ставропольского края и Ростовской области). В рамках экспедиций были продолжены мониторинговые наблюдения на ключевых участках экотонной зоны оз. Маныч-Гудило; наблюдения за трансформированными пастбищными экосистемами в опустыненном регионе; комплексные почвенно-ботанические, гидрологические и ландшафтные исследования.

4. Специалисты Отдела письменных памятников и буддологии КИГИ РАН (зав. отделом, д.филос.н. Бичеев Б.А.) совершили экспедиционные выезды в районы республики для сбора рукописных памятников, информации о строительстве культовых мест (монастырей, молельных домов, субурганов и т.д.). В ходе работы была описана коллекция письменных памятников Бага-Чоносовского хурула (Целинный район), собран полевой материал о буддийских ступах Калмыкии.